Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 79. 1-го декабря 1904 г. Годъ IV.

РАБОЧІЙ КЛАССЪ И БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

22 ноября въ первый разъ сообщено на столбцахъ легальной печати принятое на легальномъ собраніи („банкетъ представителей интеллигентныхъ профессій въ С.-Петербургѣ", въ количествѣ 676 челов.) требованіе *„немедленнаго созыва учредительнаго собранія изъ представителей всего населенія Россійскаго государства"*, требованіе, которое, будучи нѣкогда выставлено въ письмѣ Исполн. Ком. Народн. Воли Александру III, было—первою изъ нынѣ дѣйствующихъ политическихъ партій — введено въ свою программу партіей россійскаго пролетаріата, въ противоположность, такъ легко прикрывавшей собою реакціонно славянофильскія мечтанія, стереотипной формулѣ „земскаго собора". Выдвинутая нашей партіей, формула *революціоннаго* преобразованія существующаго режима становится, вовистину, популярнымъ требованіемъ, и этотъ фактъ можетъ служить симптомомъ того политическаго вліянія, которое *уже* можетъ оказывать русская соціальдемократія на ходъ буржуазной революціи.

Революція! Это слово у многихъ на устахъ въ эти яркіе дни всеобщаго политическаго возбужденія; но многіе ли могутъ сказать, что оно у нихъ не только на устахъ?

Воспитанное въ эпоху политическаго маразма, характеризующаго западноевропейское общество послѣдней четв. 19 вѣка, наше поколѣніе „забыло" о другихъ формахъ побѣды развивающагося буржуазнаго строя надъ старымъ государственнымъ порядкомъ, чѣмъ тѣ формы *политическаго компромисса*, которыми для Германіи и Австріи — нашихъ ближайшихъ сосѣдокъ — окончился процессъ ихъ буржуазной „европеизаціи". По мѣрѣ того, какъ на „Западѣ" буржуазная *революція* становилась „за-тѣмъ словомъ" юности увядающаго класса, а мечта о близкой „соціальной революціи" *на Востокѣ* разбивалась о дѣйствительность россійскаго капитализма,—въ русской прогрессивной интеллигенціи все больше укрѣплялась увѣренность, что сословно-бюрократической абсолютизмъ нашихъ дней, „мирно" или подъ вліяніемъ натиска снизу, сѣвшитъ болѣе или менѣе „австрійскимъ" видомъ приспособленіе къ нуждамъ буржуазнаго общества государственнаго порядка.

Время *буржуазныхъ* революцій миновало, да здравствуетъ революція *народная*! говорилъ семидесятникъ, мечтая „пересѣкать" въ абсолютизмѣ въ „царство труда". Время буржуазныхъ *революцій* миновало, да здравствуетъ буржуазная *реформа*! говорилъ современный русскій демократъ.

Дѣйствительность, казалось, оправдывала этотъ откатъ отъ революціи. Мощная сила мірового капиталистическаго развитія властно диктовала правящимъ классамъ отсталыхъ „восточныхъ" странъ необходимость преобразованія на европейскій ладъ главныхъ функцій общественной организаціи — иначе этимъ странамъ грозилъ полный упадокъ. „Добровольное" приспособленіе государственныхъ и правовыхъ учрежденій къ потребностямъ капитализма казалось для нихъ естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ воздѣйствія могущественнаго всемірно-капиталистическаго организма на новыя страны, а тихое политическое проявленіе основанное на этомъ „компромиссѣ конгломерата новыхъ и старыхъ соціальныхъ силъ — тѣмъ удѣломъ, который ждетъ эти страны-падчерицы исторіи — вплоть до момента мірового пролетарской революціи. И въ то же самое время обществ. „новыхъ странъ", стихійно стремящихся сбросить съ себя сословно абсолютистскія цѣпи, окутывала все болѣе и болѣе густая атмосфера *идейно-политической реакціи*, несшаяся изъ того сам. „Запада", который своимъ экономическимъ движеніемъ революціонизировалъ общественную структуру „Востока". Эта реакціонная атмосфера заражала своими миазмами и нарождавшіяся соціальныя силы нашего Востока. Въ этихъ миазмахъ гибли зародыши истинно революціонныхъ проявленій буржуазной эмансипаціи въ Россіи, прежде чѣмъ успѣвали развиться въ дѣйствительно освободительное историческое движеніе.

Но эти именно обстоятельства—идейное вліяніе буржуазной реакціи, дѣлавшее зажившійся у себя на родинѣ царизмъ, въ качествѣ *ея „послѣдняго оплота"*, политической необходимостью, и обусловленный той же реакціей славянофильской и безудержный характеръ эмансипаціонныхъ стремленій русской буржуазіи — эти же обстоятельства отсрочивали все дальше и дальше наступленіе того момента, когда сознаніе неизбѣжной ликвидаціи своего собственнаго неограниченнаго господства должно было овладѣть самими представителями царистскаго режима. Опираясь на западно-европейскую буржуазную реакцію и безъ особеннаго труда справляясь съ собственной оппозиціей, царизмъ могъ отсрочивать, казалось, до бѣлконечности, уплату по предъявленному ему исторіей векселю. Но именно потому, что онъ могъ ее отсрочивать, задача, безъ разрѣшенія которой Россія не могла двигаться отъ полнаго ужадка, становилась все сложнѣе и запутаннѣе. Чудовищное несоотвѣтствіе между правовой формой и соціальнымъ содержаніемъ требовало, для сохраненія политическаго равновѣсія, такихъ средствъ, которыя своими неизбѣжными послѣдствіями дѣлали все болѣе утопичной мысль о „мирномъ" преобразованіи государственнаго режима. Каждая новая отсрочка накопляла новыя противорѣчія, требовавшія радикальныхъ реформъ, посягающихъ на привиллегіи и коренные интересы правящей клики. Реформа сверху становится все болѣе невѣроятной, революціонное преобразованіе снизу все болѣе необходимымъ, какъ единственное рѣшеніе запутаннаго вопроса.

Въ то же время исторія создавала общественную силу, способную выйти изъ того тѣснаго круга, въ которомъ заключено было политическое движеніе слишкомъ поздно явившейся русской буржуазіи. Въ нѣдрахъ неспособнаго къ революціонному самообновленію отъ абсолютизма буржуазнаго общества народился новаго типа соціальныя противорѣчія — пролетаріатъ начиналъ свою классовую борьбу. Его политическое развитіе не сдавливалось идейными вліяніями европейской буржуазной реакціи; напротивъ, міровая пролетарская борьба противъ этой реакціи несла ему революціонные импульсы. Въ русской дѣйствительности оказывалась на лицо сила, способная, безъ глядки назадъ, проникнуться, *какъ классъ*, тѣмъ революціоннымъ самосознаніемъ, безъ котораго немыслима активная роль въ переломномъ общественномъ переворотѣ; сила, способная неуклонно толкать впередъ все общественное движеніе и активно революціонизировать общественную атмосферу. Всякій знаетъ, какъ русскій рабочій классъ выполнилъ эту роль въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, какъ, въ ходѣ его классоваго движенія и подъ его вліяніемъ, постоянно разстраивалось политическое и соціальное равновѣсіе существующаго порядка и складывались въ политическія партіи неоформленныя массы создаваемыхъ процессомъ общественнаго развитія антагонистовъ царизма. Рабочее движеніе клиномъ врѣзалось въ русскую политическую дѣйствительность, необычайно расширяя площадь враждебнаго соприкосновенія интересовъ современнаго буржуазнаго общества съ сословно-бюрократическимъ государствомъ и обостряя ихъ конфликты, заставляя самодержавіе усиливать агрессивный, т. е. анти-буржуазный, анти-культурный характеръ своей консервативной политики и побуждая либерально-демократическую буржуазію стремиться расширить содержаніе своего движенія до размѣровъ задачи *народнаго* освобожденія. Самый характеръ реакціонной политики вынуждалъ къ этому либерально-демократическую буржуазію, противъ которой—какъ и противъ всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ—царизмъ въ послѣдніе годы тщился мобилизовать самыя широкія массы пребывающихъ въ темнотѣ соціальныхъ „низовъ". Знаменитая „зубатовская" манифестація 19-го февраля 1902 года въ Москвѣ, кишиневскогомельскіе эксперименты антисемитовъ, одесская всеобщая стачка (въ ея первой стадіи) и, наконецъ, „патріотическія" манифестаціи начала нынѣшняго года должны были ясно „доказать всѣмъ и каждому, что вопросъ о политическомъ будущемъ Россіи уже не можетъ рѣшаться *безъ* участія народныхъ массъ, что, слѣдовательно, сторонники общественнаго прогресса не могутъ разсчитывать на благопріятный исходъ своихъ попытокъ, если не съумѣютъ развить свое маленькое либеральное дѣло до размѣра *національной политической задачи*, въ серьезномъ смыслѣ этого слова. И запутавшееся, въ ходѣ борьбы съ революціонной „кромолой", въ сѣтяхъ своей собственной политики, самодержавное правительство словно умышленно спѣшило *навязать* своему либеральному врагу этотъ революціонный выводъ. Наступилъ Японскій разгромъ и „лозунгъ — „не реформы, а реформа" отвѣтилъ въ либеральномъ „обществѣ" первый проблескъ сознанія того маленькаго факта, что и на „Востокѣ" исторія движется порою „скачками".

Буржуазная революція стала возможной перспективой для Россіи *потому*, что еще въ нѣдрахъ сословно-полицейскаго строя въ ней зародилось враждебное буржуазіи классовое движеніе *пролетаріата*.

* * *

Оппозиціонная буржуазія вступаетъ въ медовый мѣсяцъ своего революціоннаго опьяненія, когда демократы сознаютъ себя соціалистами, либералы — демократами, слабохарактерные представители бюрократіи—либералами, скромные реформисты—революціонерами. Въ этомъ, только еще начинающемся, хаосѣ „всеобщаго братанія" какъ не потерять голову треазвому, разсудительному сыну „упадочной эпохи", „идеалисту" въ философіи и „реалисту" въ политикѣ, человѣку съ „фаустовскими" стремленіями въ груди и Вагнеровской степенностью въ поступкахъ, словомъ, редактору-издателю „Освобожденія"?

Возражая своему единомышленнику, г-ну Нѣто, желающему убѣдить г. Струве въ необходимости для конституціоналистовъ „расширить предѣлы освободительнаго движенія", выставивъ на своемъ знамени всеобщее избирательное право, — редакторъ „Освобожденія" (№ 58) увѣряетъ, что г. Нѣто „ломится въ открытую дверь", ибо „освобожденцы" уже успѣли себѣ „необходимость энергичной борьбы за демократическій характеръ политической реформы Россіи". Но „демократическій характеръ политической реформы" — это, казалось бы, для *современной* Россіи означаетъ полную, всесторонюю, послѣдовательную буржуазную революцію — самодержавіе народа на мѣсто самодержавія царя, свободную республику на мѣсто сословно-бюрократическаго полицейскаго государства? Но нѣтъ! Для г. Струве вопросъ стоитъ иначе. Не *повести до ея логическаго конца* буржуазную революцію желаетъ онъ, а *наиболѣе вѣрнымъ способомъ остановить ее на полпути*. Не развить до положенныхъ имъ исторіей предѣловъ революціонную энергію общественныхъ силъ, подлежащихъ политическому руководству „либерально-демократической партіи", а обозначить напередъ предѣльный пунктъ ихъ развитія; апеллировать не къ неумолимой логикѣ историческаго развитія, а къ логикѣ нынѣшнихъ „господъ жизни", къ ихъ политическому разсчету. „При самодержавіи, — говоритъ г. Струве, — Россія находится въ состояніи скрытой... но разростающейся вглубь и вширь хронической революціи, которая неизбѣжно перейдетъ въ острую форму, если не будетъ предпринята крупная реформа. *Маленькая* конституція можетъ, или, вѣрнѣе, должна сейчасъ же породить дальнѣйшее политическое движеніе, которое, въ случаѣ упорства правящихъ классовъ, *неизбѣжно приведетъ къ большой революціи*... Для русской монархіи своевременный и открытый компромиссъ съ демократическимъ конституціонализмомъ есть прямо такиі вопросъ существованія"...

Буржуазный мыслитель не можетъ не попытаться заткнуть всѣ дыры созданнаго его представленіемъ общественнаго міроздания своимъ „идеалистическимъ" колпакомъ („если бы въ современной русской монархіи выдвинулся крупный, дальновидный реформаторъ, онъ..." и т. д.; нанѣсши разящій двойной школой оппортунизма — бернштейніанствомъ и „идеализмомъ" — онъ не былъ бы вѣренъ самому себѣ, если бы не потщился анрудить могучій потокъ историческаго движенія самыми противуестественными изъ „своевременныхъ и открытыхъ компромиссовъ"; онъ не былъ бы рабомъ выпестованнаго имъ дѣтища — союза земцевъ съ демократіей — если бы не жаждалъ такой „большой" конституціи, которая вернула бы ему былую увѣренность въ невозможности самой маленькой революціи. Но — hic Rhodus, hic salta! — говоритъ идеологу буржуазіи современная русская дѣйствительность. Съ народомъ или противъ него? или, что то же, — за революцію или противъ нея, выбора нѣтъ, и если сегодня *даже* Струве видитъ, что слишкомъ поздно мечтать о „безболѣзненномъ" переходѣ отъ русскаго абсолютизма къ австрійской олигархіи, то *завтра* даже Гейдены должны будутъ понять всю утопичность надежды на переходъ къ „бисмарковской демократіи". Ибо ничто иное, какъ уродливый германскій полу-абсолютизмъ, механически соединенный со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, представляетъ собою тотъ „своевременный компромиссъ", который грезится нынѣ музѣ „Освобожденія"; только *въ такой* формѣ можетъ реализоваться сосуществованіе нынѣ господствующихъ реакціонныхъ силъ съ конституціонными правами *всѣхъ* народа. И это — идеалъ вождя нашей „либерально-демократической партіи"! Это предѣлъ, который онъ пытается поставить освободительному движенію представляемаго имъ класса! Странное, но знаменательное ослѣпленіе: г. Струве позабылъ, что именно *этотъ* „своевременный компромиссъ" въ Германіи, если и отстрочилъ „большую революцію" до того момента, когда пролетаріатъ *одинъ* сможетъ ее совершить *противъ всею буржуазнаго общества*, то онъ же, прежде всего, *погоронилъ буржуазную демократію*, какъ таковую... Нечего и говорить, что намѣчаемый г. Струве новый „компромиссъ" не разрѣшитъ тѣхъ общественныхъ задачъ, которыя исторія накопила ко дню ликвидаціи царизма и въ выполненіи которыхъ заключается сущность предстоящей „реформы". Онъ не можетъ удовлетворить самыхъ жгучихъ потребностей народныхъ массъ, а, слѣдовательно, не остановитъ „дальнѣйшаго политическаго движенія". Онъ не разрѣшитъ вопроса о „сверхштатномъ", съ точки зрѣнія законовъ буржуазнаго общества, голодавія и вымиранія русскаго крестьянства, онъ не разрубитъ Гордіева узла національныхъ вопросовъ, онъ не эмансипируетъ окончательно „иновѣрное" населеніе отъ средневѣковья православной церкви. И, прежде всего, онъ, этотъ компромиссъ, разобьется о *сознательную борьбу русскаго пролетаріата*.

Главный двигатель и центральная фигура надвигающейся буржуазной революціи, русскій пролетаріатъ не можетъ, — если бы даже „захотѣлъ", если бы даже его убѣдили недальновидные вожди, — остановиться на полдорогѣ въ дѣлѣ историческаго разрушенія „до-буржуазныхъ" формъ общежитія. Онъ не можетъ допустить никакого „своевременнаго компромисса" между историческимъ прошлымъ и вылупляющимся будущимъ, потому что всякій такой компромиссъ будетъ оплаченъ имъ, потому что всякій такой компромиссъ будетъ совершенъ на счетъ его политическихъ правъ или сверхсмѣтныхъ матеріальныхъ лишеній. Гонимый впередъ развитіемъ историческаго процесса, онъ не можетъ остановиться въ ломкѣ существующаго ни тотъ пунктъ, гдѣ того бы хотѣла та или другая фракціи оппозиціонной буржуазіи: потому что всякая такая остановка для него, несущаго главное бремя разрушительной работы, означаетъ шагъ назадъ по направленію къ полному безправію и матеріальному вырожденію. Самой вещей пролетаріатъ толкается къ противодѣйствію всякимъ попыткамъ остановить революціонное развитіе, и когда это стихійное противодѣйствіе не озаряется отчетливымъ сознаніемъ своихъ историческихъ задачъ, оно неизбѣжно выливается въ *революціонную утопію*, въ попытку *обойти* путь историческаго движенія, въ попытку предъявить *буржуазной* революціи невыполнимыя для нея требованія. Но если развитіе классовой борьбы русскаго пролетаріата сдѣлало возможной въ Россіи буржуазную революцію, то развитіе его классоваго *самосознанія* и его организація вокругъ соціальдемократическаго знамени сдѣлали маловѣроятнымъ для него этотъ трагическій исходъ его борьбы противъ измѣнническихъ попытокъ буржуазіи предать дѣло своей собственной революціи. Подъ руководствомъ соціальдемократіи, русскій пролетаріатъ отстоитъ дѣло буржуазной революціи отъ всякихъ попытокъ погубить его „своевременными компромиссами". Возодѣйствуя на буржуазную оппозицію силой своего вліянія на *народныя массы*, силою своей сплоченности и *самостоятельности* своей политической позиціи, сознательный пролетаріатъ, группируя вокругъ себя въ своихъ политическихъ выступленіяхъ всѣ, въ данный моментъ *еще не* удовлетворенные соціальные элементы и, подчиняя ихъ своему руководству, тѣмъ самымъ двигаетъ впередъ развитіе буржуазной „реформы" за предѣлы, которые ей ставятся и будутъ еще ставиться вкусившими отъ древа познанія ранними провозвѣстниками будущихъ измѣнъ либеральной демократіи. Соціальныя силы, которымъ предстоитъ сыграть активную роль въ предстоящемъ „преобразованіи" еще только начинаютъ выходить на политическую арену, драма буржуазной революціи еще только начинаетъ развертываться: сценаріи ея слишкомъ крестьянства, молчатъ милліоны сектантовъ, слабы голоса задавленныхъ царизмомъ національностей. Только дѣйствительно-революціонная программа внесетъ единство и планомѣрность въ процессъ пробужденія этихъ стихій. И эту программу, которая не можетъ не быть программой *помаху, всесторонняю и послѣдовательнаго развитія буржуазной революціи*, дастъ соціалистическій пролетаріатъ. Во имя этой программы, онъ будетъ толкать впередъ буржуазное общество въ цѣломъ въ его борьбѣ съ царизмомъ; во имя ея, онъ будетъ раскалывать это общество всякій разъ, какъ тѣ или иныя его фракціи, найдя удовлетвореніе своимъ *частнымъ* интересамъ въ томъ или иномъ „своевременномъ компромиссѣ", будутъ въ своей политикѣ идти въ разрѣзъ съ *общими* интересами буржуазнаго развитія.

Во имя этой революціонной программы, пролетаріатъ *сегодня* выдвигаетъ требованіе прекращенія войны и созыва всенароднаго учредительнаго собранія. Подхватываемыя широкой оппозиціонной массой, навязываемыя ею ея умѣреннымъ вождямъ, эти требованія уже сыграли видную роль въ дѣлѣ *обобщенія* революціонной борьбы противъ царизма, въ дѣлѣ углубленія пропасти между нимъ и его врагами. Мы уже добились того, что *противъ* всенароднаго характера учредительнаго собранія никто изъ буржуазной оппозиціи не рѣшается открыто выступить; мы постараемся добиться и того, чтобы вся она сочла необходимымъ поддержать его. И въ дальнѣйшемъ развитіи событій пролетаріатъ сумѣетъ провести свою революціонную линію. Прекращеніе войны и созывъ учредительнаго собранія закончатъ *прологъ* революціи. Послѣдовательная, сверху до низу, *демократизація* государственнаго строя, осуществляющая самодержавіе народа и полноту гражданскихъ свободъ индивидуума; коренная ломка аграрныхъ отношеній, наносящая смертельный ударъ кабальнымъ порядкамъ и „первенствующему сословію"; революціонно-демократическое рѣшеніе „національныхъ вопросовъ", — по *этой* линіи будетъ направлять общественное преобразованіе сознательный пролетаріатъ. И на этомъ пути онъ сметитъ, какъ бутафорскую ветошь, жалкія постройки „своевременныхъ компромиссовъ".

ОБЪЕДИНЕНІЕ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Очередная задача — политическое освобожденіе Россіи — встала во весь свой ростъ, во всей своей ясности, во всей принципіальной простотѣ и фактической сложности. И тотъ вопросъ, который она поставила передъ всѣми стекающимися подъ освободительное знамя партіями и группами, этотъ вопросъ требуетъ ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ.

Но мѣрѣ того, какъ даются эти отвѣты, все *ясиѣе* и ясиѣе изъ пестраго конгломерата столь многочисленныхъ „направленій" выступаютъ на нашихъ глазахъ сравнительно простыя архитектурныя линіи соціальнаго строенія. Традиціонныя идеологическія облачснія, вчера еще раздѣлявшія разныя группы, падаютъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, и родственныя души, впервые сбросивши покровъ ненужной ветоши, узнаютъ другъ друга и радостно бросаются въ объятія, поспѣшно отставляя въ сторону, какъ „идеалъ" — прекрасный, но далекій — то, что вчера казалось священнымъ и неприкосновеннымъ „символомъ вѣры".

Прологъ русской революціи только открывается, а уже процессъ сплоченія однородныхъ соціальныхъ элементовъ начинаетъ совершаться съ поразительною быстротою.

На берегахъ Невы, въ памятные дни „женскаго парламента" мы видѣли одинъ изъ актовъ этого сплоченія; многолюдные банкеты, собранія ученыхъ и литературныхъ обществъ, новыя предпріятія въ области періодической прессы — это все этапы на пути объединенія буржуазной демократіи на „легальной", осѣненной министерскимъ „довѣріемъ", поверхности русской жизни. Напечатанный въ № 17 „Листка Освобожденія" документъ показываетъ намъ тотъ же процессъ сплоченія въ нелегальномъ подпольѣ.

„По инициативѣ нѣсколькихъ членовъ финляндской оппозиціи" — собрались на конференцію делегаты 7 организаций: партіи социалистовъ-революціоперовъ, польской соціалистической партіи (П. П. С.), грузинской партіи соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ (Сакартвело), армянской революціонной федерации (Дрошакъ), польской національной лиги (Liga Narodowa), финляндской партіи *активнаго сопротивленія* и союза освобожденцевъ. Мы не знаемъ, какимъ образомъ попалъ въ эту тѣсную компанію делегатъ восьмой организаціи — латышской с.-д. рабочей партіи. Всѣ эти партіи и группы собрались присоединиться къ извѣстнымъ заключеніямъ, къ которымъ пришедшимъ впослѣдствіи и „Бѣлорусская соціалистическая (?) громада". Предлагать латышской соціалдемократіи заявлять, впрочемъ, что принимаетъ „всѣ результаты конференціи ad referendum, т. е. подвергнетъ ихъ предварительному разсмотрѣнію и утвержденію своей организаціи.

Заключенія эти, поскольку конференція сочла возможнымъ ихъ опубликовать, сводятся къ слѣдующему, единогласно принятому, заявленію (мотивировку мы опускаемъ):

„Ни одна изъ представленныхъ на конференціи партій, соединяясь для согласованныхъ дѣйствій, ни на минуту не думаетъ тѣмъ самымъ отказаться отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы или тактическихъ пріемовъ борьбы, соотвѣтствующихъ потребностямъ, силамъ и положенію тѣхъ общественныхъ элементовъ, классовъ или національностей, интересы которыхъ она представляетъ.

Но въ то же время всѣ эти партіи констатируютъ, что слѣдующіе *основные принципы и требованія* одинаково признаются всѣми ими:

1. Уничтоженіе самодержавія; отмѣна всѣхъ мѣръ, нарушившихъ *конституціонныя права* Финляндіи;

2. Замѣна самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ;

3. Право національнаго самоопредѣленія; гарантированная законами свобода національнаго развитія для всѣхъ народностей; устраненіе насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ отдѣльнымъ нацiямъ.

Во имя этихъ основныхъ принциповъ и требованій представленныя на конференціи партіи соединятъ свои усилія для ускоренія неизбѣжной гибели абсолютизма, одинаково несовмѣстимаго съ достиженіемъ всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ разнообразныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ каждая изъ этихъ партій".

Таковъ новоизвленный „блокъ", и это именно — „блокъ", а не что иное; ибо не отдѣльный политическій актъ, не отдѣльный моментъ текущей политической борьбы, а огромная задача цѣлаго историческаго періода — уничтоженіе самодержавія — связала на долгое время участниковъ конференціи общими узами.

Таковы условія, на которыхъ сочла возможнымъ „согласовать" свои дѣйствія крайняя „лѣвая" буржуазной и національностической оппозиціи, и достаточно бѣглаго сопоставленія этихъ условій съ тѣмъ, что дѣлается на „правомъ", соприкасающемся съ умѣренной земской фрондой, крылѣ той же оппозиціи, чтобы увидѣть, что „средняя линія", на которой сошлись разнообразные элементы, и тутъ и тамъ болѣе или менѣе одинакова. Да иначе и быть не могло: ибо передъ нами не два разныхъ „блока", не двѣ разныхъ группировки, а одна сплошная цѣпь объединившейся буржуазной оппозиціи всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ блѣдно-розоваго г. Гейдена до ярко-краснаго г. Гарденина.

Мы напрасно стали бы искать въ тѣхъ „основныхъ принципахъ" и требованіяхъ, которыя договаривающіяся группы сочли возможнымъ взять за общую „скобку", „крайнихъ" демократическихъ требованій, еще такъ недавно блиставшихъ въ качествѣ „ближайшихъ" въ программахъ кое-какихъ изъ участвовавшихъ въ конференціи партій: ни требованіе республики, ни требованіе прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, ни требованіе созыва учредительнаго собранія не нашли себѣ мѣста въ тѣхъ „общихъ пунктахъ, которые могутъ послужить основой для согласованнаго дѣйствія въ данный историческій моментъ", какъ выражается протоколъ конференціи. Иначе говоря та общая, дѣйствительно, а не мнимо „ближайшая" цѣль, на достиженіи которой — конечно, сохраняя лѣвизну (въ самомъ дальнемъ чуланѣ) свои „идеалы", конечно, ничѣмъ не жертвуя изъ своей „программы"!—готовы соединить свои практическія усилія участники конференціи, есть — ограниченная монархія при условіи всеобщей (но не больше) подачи голосовъ.

„Средняя линія", получившаяся въ результатѣ поиѣски освобожденцевъ съ чистыми національстами съ одной стороны и „крайними" соціалистами, столь недавно съ презрѣніемъ отвергавшими самую мысль о „буржуазной" революціи и требованіяхъ, если не „соціальной", то, по меньшей мѣрѣ, „трудовой", съ другой — эта „средняя линія" — въ результатѣ химическаго процесса ассоціаціи на конференціи—оказалась ниже уровня освобожденцевъ самихъ по себѣ! Въ самомъ дѣлѣ: въ томъ же „листкѣ", гдѣ напечатаны рѣшенія конференціи, „Союзъ Освобожденія" заявляетъ, что „прежде всего признаетъ существенно необходимымъ положить въ основаніе политической реформы принципъ всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ". Въ основу „блока" легли тѣ минимальныя требованія, которыя сочли возможнымъ принять наиболѣе отсталые элементы изъ участниковъ конференціи.

Незачѣмъ, конечно, говорить, что мы и отъ буржуазной демократіи требуемъ большаго. Незачѣмъ говорить, что мы требуемъ отъ нея программы, включающей въ себѣ всю полноту демократическихъ гарантій, и видимъ постыдную измѣну дѣлу свободы въ той „скромности", которую обнаружили участники соглашенія. И тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе мы готовы отъ всей души привѣтствовать начавшійся процессъ внесенія ясности во взаимныя отношенія борющихся съ самодержавіемъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ.

Разрушеніе иллюзій — это прогрессъ несомнѣнный, а такихъ иллюзій не мало пришлось разрушить или, по меньшей мѣрѣ, поставить на надлежащее мѣсто, для того, чтобы положить основаніе новому „блоку".

Одна изъ крупныхъ заслугъ конференціи это—вовлеченіе разрозненныхъ національныхъ теченій въ русло общероссійской борьбы съ самодержавіемъ. И въ этомъ знаменательномъ фактѣ сказываются съ очевидностью революціонные плоды реакціонной „обрусительной" политики самодержавія. Впервые финляндская оппозиція открыто выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ Великаго Княжества и ставитъ финляндскій вопросъ, какъ вопросъ всероссійскаго освобожденія. Впервые національ-демократы польской „Ligi Narodowa", доселѣ враждебно относившіеся ко всякой мысли о союзѣ съ русской оппозиціей, рѣшаются присоединить свои усилія къ общерусской борьбѣ противъ царизма и признать, такимъ образомъ, польскій вопросъ частью все того-же всероссійскаго вопроса о низверженіи самодержавія; и по тому же пути пошли и армянскіе національсты[1] „Дрошака". [1]) Впервые національ-соціалисты П. П. С., такъ недавно еще ставившіе непремѣнными условіемъ даже частичныхъ соглашеній съ россійскими соціалистами обязательство со стороны послѣднихъ активно содѣйствовать возстановленію независимости Польши и клеветавшіе на русское движеніе, впервые эти неумолимые сепаратисты соглашаются объединить свою борьбу съ борьбою русской оппозиціи.

И что характерно для этой партіи, претендующей на званіе соціалистической, это та легкость, съ которою она отказалась отъ своихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, лишь только почувствовала себя въ родной буржуазно-демократической стихіи. Куда дѣлся тотъ скептицизмъ и невѣріе по отношенію къ русскому революціонному движенію, которыя обуревали П. П. С., пока это движеніе являлось ей лишь въ образѣ партіи пролетаріата? Куда дѣлось то представленіе о „вредѣ" „всероссійскихъ" программъ, которое носилось передъ П. П. С. при зарожденіи еврейскаго рабочаго движенія? Куда дѣлась вѣра, что „политическая самостоятельность Польши" есть „*единственно* вѣрная гарантія народныхъ правъ"? П. П. С. ищетъ теперь этой гарантіи въ политическомъ освобожденіи Россіи и, соединяясь ради этой цѣли съ русской буржуазной демократіей, она довольствуется тѣмъ признаніемъ права націй на самоопредѣленіе, которое ей казалось такъ безконечно мало въ программѣ-minimum демократіи соціальной. Нечего и говорить, что мысли о превращеніи грядущей революціи въ „соціальную" далеко-далеко улетѣли отъ П. П. С. на заграничной „конференціи". И мы привѣтствуемъ это начало выступленія буржуазно-демократической партіи въ ея неприкрытомъ буржуазно-демократическомъ видѣ. Нѣсколькими двусмысленными „соціалистами" меньше — это выгода для дѣла соціализма, для дѣла развитія классового сознанія пролетаріата; нѣсколькими хорошими буржуазными демократами больше — это выгода для дѣла демократіи, а только черезъ демократію можетъ пройти рабочій классъ къ своей великой цѣли... Лишь бы эти экс-соціалисты становились скорѣе *горохомъ* демократами; пока этого про нихъ, какъ видимъ, сказать еще нельзя...

Не будемъ останавливаться на однородной эволюціи „грузинской партіи соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ", этомъ убѣдокъ-чутъ не десятка направленій, совмѣстившихся въ парѣ лицъ (см. № 67 „Искры"); при дружескомъ содѣйствіи и покровительствѣ гг. с.-р-овъ, эта „партія" бывшихъ анархистовъ благополучно и безъ лишнихъ замедленій проскользнула подъ сѣнь демократической буржуазіи, какъ тому и слѣдуетъ быть.

Еще съ большей стремительностью, чѣмъ П. П. С., спѣшатъ на дѣлѣ сбросить „соціалистическій" плащъ соціалисты-революціонеры. Не забывшій разглагольствованій о „трудовой", небуржуазной революціи, кіевскій комитетъ ихъ „партіи" еще мечтаетъ, что вотъ-вотъ „начнется свѣтлая эра соціализаціи", а уже рука г. Гарденина вынесла „за скобку" признаніе въ качествѣ общей, ближайшей цѣли простого приспособленія, хотябы и не „революціоннаго", политическихъ формъ къ буржуазному строю общества. А въ „Сынѣ Отечества" наслѣдники „незабвеннаго учителя" с.-р-овъ, Н. Михайловскаго, откровенно заявляютъ, что „соціальныя противорѣчія должны быть на время забыты", и даже „крестьянскій вопросъ", трактуютъ „лишь какъ вопросъ „о царованіи крестьянину общихъ правъ". Куда дѣлась священная „соціализація", назъза которой столько копій ломали гг. соц-революціонеры? Еще юный „союзъ учащихся соц. рев." кричитъ „долой буржуазію", а въ это самое время, сознающіе „непримиримую вражду" между „арміей труда" и „всѣми другими партіями", вожди соціалистовъ-революціонеровъ довѣрчиво вкладываютъ свою руку въ дружески протянутую имъ руку самой доподлинной „буржуазіи". Еще *вновь* образовавшаяся Минская Группа, помня старые лозунги и старыя фразы, поучаетъ „всѣхъ гражданъ", будто историческій „обманъ" народа буржуазіей заключался именно въ томъ, что „народу дано право выбирать очень малое число представителей"; а въ это самое время „партія", вступая въ „блокъ", не требуетъ даже признанія со стороны всѣхъ участниковъ его права народа на прямое и равное представительство съ имущими классами!

Мы рады, что с.-р—ы вступили, наконецъ, на тотъ путь, на которомъ они единственно плодотворно могутъ использовать свои силы для дѣла политической свободы; мы рады, что они начинаютъ выбрасывать за бортъ весь тотъ вздоръ о „соціализаціи", „трудовой революціи", о необходимости для буржуазіи „трепетать" отъ ихъ соціалистическихъ доблестей, который они съ такимъ упорствомъ городили нѣлые годы, напрасно дробя силы бурж. демократіи и внося дезорганизацію и путаницу въ то дѣло развитія классоваго сознанія и организаціи пролетаріата, которому посвящаетъ себя соціалдемократія; мы надѣемся, что они и дальше съ такою же рѣшительностью пойдутъ по пути сліянія съ родственными имъ теченіями и, вмѣстѣ со своею самферопольскою группою, признаютъ, что, по крайней мѣрѣ, „до тѣхъ поръ, пока Россія не раскрѣпощена отъ царскаго рабства", имъ надлежитъ „выступать, какъ революціонерамъ политическимъ", *отложивъ свои* „соціалистическія" стремленія до лучшихъ временъ. Мы разсчитываемъ, что своему центральному органу и всѣмъ своимъ комитетамъ, группамъ и союзамъ они посовѣтуютъ послѣдовать честному примѣру симферопольской группы и делегаціи на конференціи и перестать, наконецъ, болтать ту невыносимыя глупости о „соціализмѣ", которыя заполняютъ ихъ листкв. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, узаконить „двойную бухгалтерію", какъ принципъ партійной дѣятельности [1].

И когда с.-р—ы все это сдѣлаютъ, когда они внесутъ единство во всѣ свои дѣйствія и станутъ тѣмъ, чѣмъ должны быть, т. е. добрыми демократами, тогда у насъ не будетъ причинъ

[1]) И особенно нельзя, вступивъ уже въ „буржуазный" блокъ умалчивать объ этомъ, какъ дѣлаетъ только что вышедшій № 5 „Р. Р.", и кричать о необходимости „для рабочихъ, для соціалистическихъ элементовъ составить прочный соціалистическій блокъ". Что это значитъ? Хотятъ-ли гг. соц-рев. засѣдать въ двухъ „блокахъ" сразу, быть именинниками и на Онуфрія и на Антона, или они уже откровенно сами це причисляютъ себя къ „соціалистическимъ элементамъ" и даютъ лишь благожелательные совѣты намъ, соціалдемократамъ?

[1]) См. о нихъ въ корреспонденціи „Изъ армянской дѣйствительности" въ № 78 „Искры".

Война и Революція.[1])

III.

Девять мѣсяцевъ войны.

Самодержавіе вступило въ періодъ своей политической агоніи. Оно страшно еще въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ, но дни его сочтены.

Самодержавіе падетъ. Вотъ несомнѣнный результатъ войны. Война можетъ затянуться, неизвѣстенъ ея конечный исходъ, но одно несомнѣнно: она въ конецъ подкопала политическіе устои царской Россіи.

Девять мѣсяцевъ тому назадъ, вначалѣ войны, я писалъ: „война неудержимо гонитъ впередъ къ политическому банкротству Россіи". Каково же положеніе царской Россіи въ настоящій моментъ, послѣ девяти мѣсяцевъ войны?

Самодержавіе начало войну въ моментъ своего наивысшаго вліянія во всемірной политикѣ. Европа боялась Россіи. Европа была настолько убѣждена въ могуществѣ царской Россіи, что не могла даже допустить мысли о нападеніи на Россію, со стороны ли Японіи, или со стороны другого какого либо государства. Европейскія правительства вѣрили еще въ силу Россіи даже тогда, когда уже стала очевидной ея неподготовленность къ войнѣ. Но ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Война показала полную военную безпомощность Россіи. Медленно, колеблясь, волнообразными движеніями, увеличивая свой скептицизмъ послѣ каждаго русскаго пораженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ легко возбуждаясь и отдаваясь иллюзіямъ при каждомъ новомъ военномъ плюсѣ русской арміи, чтобы тѣмъ болѣе жестоко разочароваться при новой неудачѣ, — общественное мнѣніе Западной Европы наконецъ, совершило рѣшительный поворотъ въ своемъ отношеніи къ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ измѣняться характеръ политическихъ отношеній державъ къ Россіи. Оказалось, что военное могущество Россіи, съ которымъ онѣ такъ считались въ своихъ политическихъ планахъ, было фикціей. Ихъ путь фантомъ. Призракъ задерживалъ ихъ на пути преслѣдованія своихъ политическихъ цѣлей. Оказалось, что одна изъ величинъ, устанавливавшихъ равновѣсіе Европы и всего міра, была величиной дутой. И если эту величину исключить, создастся совершенно новое соотношеніе силъ. И сообразно съ этимъ видоизмѣняется политика европейскихъ державъ.

Государства, дружественныя Россіи — Германія и Франція, переходятъ отъ доброжелательнаго къ осторожному нейтралитету. Нейтралитетъ съ опаской, такъ бы не втянуться самому въ борьбу. Это въ особенности было видно на примѣрѣ Франціи.

Правящіе круги Франціи со смѣшанными чувствами встрѣтили русско-японскую войну. Буржуазная Франція имѣла въ Россіи политическую опору. Это — основа франко-русской дружбы. Вначалѣ предполагалось при походѣ Россіи возвратить Франціи Эльзасъ-Лотарингію. Вскорѣ убѣдились, однако, что на агрессивную политику Россіи противъ Германіи нечего разсчитывать. Тогда возникла идея защиты Франціи отъ возможнаго нападенія со стороны Германіи. Это была фикція, такъ какъ Германіи почего больше отвоевывать у Франціи. Происходила новая диверсія, подъ сильнымъ вліяніемъ русской дипломатіи. Франко-русскому союзу было дано направленіе противъ Англіи. Французская буржуазія стала мечтать о томъ, чтобы при помощи Россіи, расширить насчетъ Англіи, свои колоніальныя владѣнія и, вообще, упрочить свое колоніальное вліяніе. Но при первомъ же колоніальномъ столкновеніи Франціи съ Англіей — случай въ Фашодѣ — Россія коварно измѣнила своему союзнику, не оказавъ ему никакой поддержки. Съ тѣхъ поръ франко русскій союзъ потерялъ свое конкретное политическое содержаніе. Остается одна общая идея, что Франція не одна, что у нея есть союзникъ, идея безъ реальнаго политическаго содержанія, которою націоналисты стараются раздуть потухающій огонекъ нахальнаго, и въ тоже время трусливаго шовинизма буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ значеніе франко-русскаго союза во внутренней политикѣ Франціи. Вначалѣ это былъ рычагъ, при помощи котораго сбрасывали министровъ и достигали министерской власти. Потомъ этотъ союзъ сталъ мячикомъ въ играхъ парламентскихъ партій при выборахъ. Къ тому же времени пасталъ торговый кризисъ въ Россіи, который обрушился сильными потерями на французскихъ владѣльцахъ русскихъ цѣнностей. При такихъ условіяхъ разразилась русско-японская война. Франція жала русскихъ побѣдъ. Эти побѣды раскрыли бы передъ ней перспективы расширенія своихъ колоніальныхъ владѣній. Цѣль, для которой при случаѣ можно было бы даже кой чѣмъ рискнуть. Побѣды русскаго оружія подняли бы воинственный духъ Франціи, и гордая своимъ могучимъ „союзникомъ" шовинистическая буржуазія могла бы вовлечь страну въ военныя авантюры. Эту опасность предвидѣли французскія соціалистическія партіи, которыя поэтому съ самаго начала войны подняли агитацію противъ вмѣшательства Франціи, причемъ радикальное крыло ихъ — гэдисты и бланкисты, заявили, что на объявленіе войны со стороны французскаго правительства они отвѣтятъ возстаніемъ рабочихъ. Но дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Съ каждымъ ударомъ, наносимымъ русской арміи японцами, падали шансы французскаго шовинизма и трезвенное настроеніе все больше охватывало умы. И вотъ результатъ: могучій союзникъ, на котораго французская буржуазія надѣялась, оказался самъ безпомощенъ. Франко-русскій союзъ, вмѣсто того, чтобы обезпечить безопасность страны, грозитъ ей мировой войны. Миліардами, отданными въ руки царскому правительству, французская нація только достигла того, что теперь она же оказывается обязанной проливать свою кровь за русскаго царя. Франко-русскій договоръ, недавно еще вазуваній національныя чувства французской буржуазіи, повисъ теперь камнемъ на ея шеѣ. Она теперь охотно избавилась бы отъ него, если бы была возможность. Это несуществимо. Но что вполнѣ возможно, это — въ критическомъ случаѣ подъ какимъ-нибудь предлогомъ уклониться отъ исполненія договора. Такъ оно и будетъ. Чѣмъ затруднительнѣе положеніе царскаго правительства, тѣмъ меньше оно можетъ разсчитывать на поддержку Франціи. Примѣръ на лицо! Въ первые дни столкновенія изъза потопленныхъ Рождественскимъ рыбачьихъ лодокъ, когда казалось Англія готова была открыть противъ Россіи военныя дѣйствія, французская печать рѣшительно стала на сторону Англіи. Она заговорила объ общихъ интересахъ европейскихъ державъ въ защитѣ мирнаго торговаго мореходства, о томъ, что нужно добиться гарантій, дѣлающихъ повтореніе такихъ случаевъ невозможнымъ и т. п. Когда же острый кризисъ прошелъ, французскія газеты сразу перемѣнили тонъ, стали подыскивать аргументы въ пользу ополоумѣвшихъ отъ страха русскихъ адмираловъ и полемизировать противъ англійскихъ газетъ. Связь ясна: Франція поддерживаетъ Россію только до тѣхъ поръ, пока это ни къ чему не обязываетъ, но въ моментъ опасности ея сочувствіе Россіи исчезаетъ и дружественный нейтралитетъ грозитъ даже превратиться въ явно враждебный.

Германская буржуазія связана очень значительными торговыми интересами съ Россіей. Этимъ въ значительной степени опредѣляется ея дружественный нейтралитетъ. Нѣмецкимъ фабрикантамъ и купцамъ, терпящимъ сильные убытки отъ войны и сопряженнаго съ ней торговаго застоя въ Россіи, разумѣется хотѣлось бы русскихъ побѣдъ и скорѣйшаго завершенія войны. Но именно потому, что часть нѣмецкой буржуазіи матеріально заинтересована въ успѣхахъ русскаго оружія, она, учитывая русскія пораженія, пропитывается раздраженіемъ противъ русскихъ политическихъ порядковъ, сдѣлавшихъ возможной эту несчастную войну. Недовѣріе къ царскому правительству растетъ въ Германіи. Идея политическаго переустройства Россіи какъ слѣдствія неудачной войны, здѣсь очень популярна. Это заставляетъ германскую буржуазію держаться настороже.

Германское правительство, которое вначалѣ старалось послужиться Россіи въ надеждѣ на ея военные успѣхи, пока что воспользовалось ея затруднительнымъ положеніемъ при заключеніи новыхъ торговыхъ договоровъ. Повидимому ему удалось заставить царское правительство согласиться на возвышенныя хлѣбныя пошлины.

Распространенъ слухъ, будто нѣмецкое правительство со своей стороны обѣщало устроить Россіи значительный заемъ въ Германіи. Конференція Витте съ нѣмецкимъ банкиромъ Мендельсономъ, аудиенція того же Мендельсона у царя показываютъ во всякомъ случаѣ, что со стороны царскаго правительства прилагаются большія усилія, чтобы достать денегъ въ Германіи. Однако банкиры, очевидно, требуютъ особыхъ, чрезвычайныхъ гарантій и дѣло подвигается очень туго. Но если бы даже заемъ былъ обезпеченъ, то достаточно характерно уже то обстоятельство, что царскому правительству пришлось поступиться интересами хлѣбнаго вывоза Россіи, чтобы добиться этого займа.

Курсъ русскихъ государственныхъ бумагъ палъ. Онъ палъ не смотря на отчаянную биржевую игру русскаго министерства финансовъ, которое систематически снабжаетъ иностранныя банки средствами для спекуляціи на повышеніе и тратитъ десятки милліоновъ на скупку русскихъ фондовъ. Курсъ палъ несмотря даже на то, что положеніе денежнаго рынка чрезвычайно благопріятно для государственнаго кредита. Темпъ роста индустріи все еще очень умѣренный, въ силу этого въ банкахъ накопляются большіе запасы денегъ. Въ такое время благопріятствуетъ государственнымъ займамъ и при подпискѣ на сто марокъ, требуемыхъ правительствомъ, предлагаетъ нѣсколько тысячъ. Тѣмъ болѣе знаменательно, что царскому правительству только съ трудомъ, послѣ долгихъ хлопотъ удалось заключить свой военный заемъ во Франціи, на условіяхъ чрезвычайно неблагопріятныхъ. Оно этимъ обезцѣнило всѣ русскіе фонды, сдѣлало возвратъ къ прежнему уровню курса невозможнымъ и такимъ образомъ само подорвало свой кредитъ. Въ началѣ 1904 году русская 4% рента стояла приблизительно на одинаковомъ уровнѣ съ итальянской также 4 процентной: курсъ итальянской ренты колебался между 103-104, русскій курсъ былъ 100-101, теперь курсъ русской 4% ренты 89-91, а итальянская рента осталась безъ измѣненій. Обезцѣненіе русскихъ государственныхъ бумагъ достигаетъ, слѣдовательно, *десяти процентовъ*. Если распредѣлить это на весь русскій государственный долгъ

[1]) Первыя двѣ статьи см. въ №№ 59 и 61 (перепад. Ц. К ом.).

...ринять и столь обязывающую ихъ резолюцію нашего II съѣзда. ...ли мы и съ ними смѣемъ вступать въ отдѣльныхъ случаяхъ ...ія такіе не временные соглашенія, какія считаемъ возможными по отношенію къ другимъ лѣвымъ фракціямъ буржуазной ...ціи. Но мы напоминимъ тт. с.-рамъ, что для этого надо ...ь добрыми демократами; мало одного устраненія изъ ихъ про... требованій, затемняющихъ классовое сознаніе рабочаго ...са[1]; нужно еще, чтобы ихъ лозунгомъ борьбы вездѣ и всегда ...ало „всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное ...во", а они и этого лозунга не сумѣли обезпечить при сво... вступленіи въ „блокъ". Правда, первые шаги трудны; быть ...ъ, поэтому, на первыхъ порахъ своего шествованія по от... тому пути буржуазнаго демократизма, с.-р—ы оказались— — плохими демократами; но все-же отъ „трудовой рево... прямо къ монархической конституціи, съ возможностью ...ухъ и трехстепенныхъ выборовъ,—скачекъ черезъ чуръ ...ый!

...ановъ новоявленный „блокъ" и, привѣтствуя его, какъ не... шагъ впередъ, мы все же не можемъ не констатиро... крайней убогости того политическаго credo, которое по... ему его основой; тѣмъ болѣе, что даже эти минимальныя ...ованія, несмотря на круговую поруку всѣхъ участниковъ, ...ли и не всюду проводятся. Мы уже подчеркивали отсут... хотя бы особаго мнѣнія „освобождецевъ" насчетъ избир... права въ резолюціяхъ земскаго съѣзда. И ...г. Водовозовъ (см. корреспонденцію въ Кіева) полага... что изъ „резолюція" путемъ „косвенныхъ уликъ" можно ...тать хотя-бы всеобщее избирательное право, то, во-первыхъ, ...неправда,) а, во вторыхъ, мы думаемъ, что резолюціи пишутся ...для того, чтобы умалчивать о требованіяхъ, а для того, что... высказывать ихъ. Да кромѣ того памятная „освобожден... прокламація („Народъ и война"), ни единымъ словечкомъ ...вакающаяся о всеобщемъ избирательномъ правѣ, достаточно ...казываетъ, насколько серьезно считаютъ себя связанными ...ными обязательствами участники „блока". И для насъ не...вѣстно, что, пока буржуазная демократія однимъ бокомъ при...ается къ умѣренному либерализму, пока она ставитъ себѣ за ...ту слить въ одно цѣлое всѣ оттѣнки буржуазной оппозиціи, до ...ихъ умѣренныхъ включительно, до тѣхъ поръ ничего и думать ...о расширеніи предѣловъ „демократизма", ни даже о томъ, что... общепризнанный на конференціи минимумъ серьезно и настой... проводился въ жизнь. Интересамъ единства и „гармони... сочетанія *всѣхъ* теченій неизбѣжно будутъ принесены ...ертву и демократизмъ программы и революціонность так...

Мы были своевременно увѣдомлены о созывѣ конференціи ...своевременно же, по соглашенію съ другими пятью соціал...ократическими организаціями, выработали мотивированный ...казъ принять въ ней участіе. Ниже мы печатаемъ текстъ ...го. Мы не знаемъ, почему партія „Пролетаріатъ" не довела ...ѣдѣнія конференціи свой отказъ[2]). И совершенно непро...ительнымъ, съ нашей точки зрѣнія, является участіе въ конфе... ціи, хотя и не присоединившагося еще къ ея рѣшеніямъ, но и протестовавшаго противъ нихъ открыто, делегата Латышск. С.Д. Р. П. Мы полагаемъ, что самъ нашъ латышскій товарищъ ...чествовалъ, какимъ рѣзкимъ диссонансомъ является присут... его, вопреки общему рѣшенію соціалъ-демократовъ, представи... пролетарской организаціи (см. ниже его подпись подъ „от...омъ") посреди этихъ, чуждыхъ пролетаріату, элементовъ.

Въ печатаемомъ ниже „отвѣтѣ" бѣглыми штрихами намѣ... принципіальныя причины, заставившія соціалъ-демократію ...казаться отъ предлагавшейся конференціи. Соціалъ-демокра... — единственная партія, ведущая *принципіально выдержанную* ...литику, единственная партія, у которой „конечная цѣль" яв... есть не ни къ чему не обязывающимъ на практикѣ субъек...ымъ „идеаломъ", предназначеннымъ для прикрытія убогости

[1]) Насчетъ представительства въ органахъ самоуправленія, ...ичимъ, резолюція прямо оговариваетъ, что требуетъ лишь ...ой возможности" привлеченія „всѣхъ наличныхъ силъ", хотя ...ед. 7 „политическія права" должны быть „равны".

[2]) Ц. К. Бунда (П. И. № 202) заявляетъ, что отвѣтъ Бунда ...на предложеніе участвовать въ конференціи „запоздалъ по не...ящимъ отъ Бунда причинамъ". Но мы не понимаемъ, по... Ц. К. Бунда, вопреки условію, не публикуетъ текстъ ...го „отвѣта".

...ажется, что кредиторы царскаго правительства уже потер... убытокъ почти что въ *полтора милларда марокъ*. Ко...ечно, убытокъ этотъ остается только на бумагѣ, покуда вла... русскихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ ...сохраняетъ въ своей кассѣ. Отсюда возникаетъ интересъ ...ки удержать рубежъ курсъ отъ паденія. Потери при про... русскихъ бумагъ уже сейчасъ очень велики, всякій зна... вѣтъ съ тѣмъ, что, если всѣ начнутъ продавать, то па... курса не будетъ удержу — поэтому, владѣльцы русскихъ ...дарственныхъ облигацій сохраняютъ ихъ скрѣпя сердце, въ ...отрѣ.

Паденіе курса русскихъ фондовъ задерживается не изъ раз... на повышеніе, а изъ боязни ихъ окончательно обез...нить. Охраняющимъ ихъ факторомъ является не довѣріе къ ...тойчивости русскихъ финансовъ, а наоборотъ опасеніе довести ...дарство до банкротства, которое, разумѣется, прежде всего ...разится на владѣльцахъ русскихъ государственныхъ долговыхъ ...ательствъ. Создается глухое напряженіе. Биржа робко при...ывается къ военнымъ событіямъ и съ озлобленной настой...востью требуетъ отъ царскаго правительства побѣдъ. Быть ...ѣтъ, будущій историкъ, на основаніи документовъ, теперь ...ликуетъ недоступныхъ, покажетъ, что давленіе со стороны ...ки было одной изъ главныхъ причинъ, заставившихъ гене... Куропаткина перейти въ наступленіе. Биржа привѣтство... этотъ моментъ, какъ новую эру. Вышло опять наоборотъ. ...съ все еще удалось удержать, но основы его равновѣсія ...ь болѣе подтачиваются — а когда онѣ снова пошатнется, то ...тъ гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ.

Невозможно предсказать, когда настанетъ этотъ моментъ. ...ь зависитъ отъ хода военныхъ событій, отъ политики и отъ ...ансовыхъ оборотовъ царскаго правительства, а съ другой ...оны отъ общаго состоянія денежнаго рынка. Но раньше ...ли позже, переломъ неминуемъ, и можно съ увѣренностью ска..., что дальнѣйшее сильное паденіе русскихъ фондовъ весьма ...рушительно отразится на всѣхъ биржевыхъ операціяхъ: оно ...ечетъ за собой паденіе всѣхъ другихъ биржевыхъ цѣнно... русскихъ какъ и иностранныхъ. Уже первое паденіе ...ихъ русскихъ бумагъ вначалѣ войны оказало сильное дав... на биржу. Пострадаютъ банки, имѣющіе въ собственномъ ...ортфелѣ или подъ залогъ русскія бумаги. Это, конечно, по...етъ за собою новыя осложненія. Фондъ русскаго государ...ннаго банка заграницей, предназначенный для биржевой спе... на повышеніе, будетъ сорванъ. Врядъ ли удастся удер... золотой обмѣнъ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Sauve ...ui, разразится одинъ изъ самыхъ страшныхъ *денежныхъ* ...ксовъ.

Перспективы эти, разумѣется, не въ состояніи расположить ...ійскую буржуазію къ пользу царскаго правительства. Она ...е можетъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій, но чувствуетъ, что, ...а война будетъ дальше умножать только русскія пораженія, это ...ено и на Европѣ отразится разными бѣдами политическаго и ...ового характера. Недовѣріе къ царскому правительству ...етъ. Измѣняется сама точка зрѣнія при обсужденіи русскихъ ...ъ. Скептицизмъ окрашиваетъ все въ новый цвѣтъ. То, что ...ало казалось грозной силой, становится вздорнымъ хвастов...ъ, мужество кажется нелѣпымъ упрямствомъ, храбрость—бе...ъ, и если раньше малодушіе прикрывалось мантіей разсуди...ости, то теперь благоразуміе заподазривается въ трусости. ...леніе, недоброжелательное отношеніе беретъ верхъ. И на ...мѣсто могущества Россіи въ политическіе планы европейской буржуазіи все больше начинаетъ входить идея разложенія Россіи.

При англорусскомъ столкновеніи германская буржуазія высказалась такъ же двусмысленно, какъ и французская. Въ острую фазу конфликта германская пресса хлестко нападала на Россію, но какъ только стало ясно, что англійскія угрозы можно, пока что, не брать въ серьезъ, буржуазныя нѣмецкія газеты вдругъ вспомнили свою роль безпристрастнаго наблюдателя и стали осуждать направо и налѣво — и русскихъ морскихъ офицеровъ и англійское правительство. Такъ какъ Германія не связана оборонительными договорами съ Россіей, то политика эта, повидимому, была обусловлена желаніемъ вовлечь Англію въ войну съ Россіей. Но если въ русско-японской войнѣ Германія очень опредѣленно поставила свою карту на сторону Россіи, то въ англо-русской войнѣ она могла бы разсчитывать только на то, что война эта, пошатнувъ значительно могущество Англіи, раздробитъ окончательно силу царской Россіи. Это означаетъ уже разсчетъ на то, чтобы явиться торжествующимъ наслѣдникомъ какъ Англіи, такъ и разбитой на голову Россіи.

Россія оказывается политически изолированной. Ея дружественный договоръ съ Франціей сохраняетъ еще только формальное значеніе. Показавъ свое безсиліе, она потеряла своихъ союзниковъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ, еще болѣе сильное паденіе, и ея друзья соединятся въ ея врагами. Въ то же время враги ея переходятъ къ наступательной политикѣ.

Англійская экспедиція въ *Тибетъ* была вызовомъ Россіи. Англійское правительство, отправляя экспедицію, сочло нужнымъ тутъ же заявить: „до Тибета никому, кромѣ Англіи, дѣла нѣтъ". Открытая цѣль экспедиціи была показать Далай-Ламѣ, что ему нечего ждать помощи отъ царя. И задача эта была превосходно выполнена. Англичане достигли Лассы, и надежды тибетскихъ монаховъ на вмѣшательство царя оказались столь же тщетными, какъ и надежды благочестиваго тибетскаго народа на то, что попамъ и чернокнижникамъ удастся двинуть противъ англичанъ адскія или небесныя силы. Договоръ, продиктованный англичанами тибетскому правительству, помимо уложенія спорныхъ пунктовъ, которые служили только поводомъ, но не причиной военной кампаніи, очень ясно и опредѣленно ставитъ всѣ сношенія Тибета съ другими державами, а это значитъ, по существу, его сношенія съ *Россіей*, подъ контроль Англіи и въ полную зависимость отъ ея воли. На эту политическую оплеуху царское правительство не могло отвѣтить ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ оффиціозныхъ статей въ „Новомъ Времени", полныхъ безсильной брюзжащей злобы.

Еще смѣлѣе Англія выступила въ своемъ конфликтѣ съ Россіей взятіемъ знаменитой бомбардировки рыбачьихъ лодокъ.

Англія нисколько не думала довести дѣло до войны, это теперь очевидно, тѣмъ не менѣе, она дѣлала видъ, что откроетъ немедленно военныя дѣйствія. Такъ поступаютъ только по отношенію къ противнику, относительно котораго увѣренны, что онъ никоимъ образомъ не можетъ рѣшиться на борьбу и, слѣдовательно, долженъ будетъ отступить. И Англія съ успѣхомъ провела эту политику.

Мобилизація англійскаго флота внѣ всякаго сомнѣнія нагнала сильный страхъ на царское правительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Англія могла убѣдиться, что въ случаѣ войны съ Россіей ей нечего бояться вмѣшательства другихъ державъ. Политическій экспериментъ оказался очень удачнымъ. На этомъ Англія пока остановилась. Но, разумѣется, го мѣрѣ роста военныхъ неудачъ царскаго правительства она не замедлитъ пойти дальше.

и ограниченности цѣли „ближайшей", не средствомъ для нагнанія на идеалистическихъ стремленіяхъ удовлетворенныхъ массъ, а конкретной исторической задачей, неразрывно связанной со всей текущей борьбой и опредѣляющей формы и частныя цѣли ея; соціалъ-демократія ни въ коемъ случаѣ и ни ради какихъ ближайшихъ задачъ не можетъ связать себѣ рукъ. Какъ бы ни казалось, на первый взглядъ, что „блокъ" ни къ чему не обязываетъ, что онъ не урѣзываетъ „программы" и оставляетъ полную „свободу дѣйствія" всѣмъ участникамъ соглашенія, на самомъ дѣлѣ это не такъ. И лучше всего можно видѣть это на примѣрѣ спеціалистовъ по части всякихъ „блоковъ" — Жореса и Прессанса. Вѣдь до ихъ словамъ и участіе во французскомъ „блокѣ" ради „общей" цѣли — поддержанія республики и демократической свободы — „ни къ чему не обязываетъ". И мы охотно вѣримъ господамъ Жорэсу и Прессансу, что они тоже сохраняютъ „всю полноту социалистическаго идеала". Но, увы! Политическая борьба ведется не на небесныхъ высотахъ жорэсовскихъ „идеаловъ", а на презрѣнной землѣ; и, какъ бы непорочны ни были идеальные помыслы социалистическихъ „блокаровъ", эта непорочность не мѣшаетъ имъ, ради „общей ближайшей цѣли", какъ мы это видѣли еще недавно, ни защищать систему шпіонства и доносовъ, ни вотировать кредиты на поддержаніе милитаризма, ни даже ассигновать народныя деньги на „секретные фонды", предназначенные для подкупа и политическаго сыска. Такова неумолимая логика „ближайшей цѣли", не связанной не разрывными узами съ цѣлью конечной. Пусть думаетъ Жорэсъ, что строгая вѣрность принципамъ, это лишь — „формальныя соображенія"; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для оппортуниста, у котораго принципъ и дѣло, теорія и практика ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ. Но что сказать о другомъ защитникѣ „удивительной и неуязвимой формы блока" г. Прессансѣ? Этотъ господинъ, посылающій свои „привѣтствія" всѣмъ казненнымъ, павшимъ отъ солдатскихъ пуль, сосланнымъ и заключеннымъ жертвамъ царизма, огромное большинство которыхъ боролось и борется подъ знаменемъ соціалъ-демократіи,смѣетъ намекать, что къ новому „блоку" не прямыкаютъ лишь „нелѣпые доктринеры, непримиримостью прикрывающіе свою трусость"!.. Соціалъ-демократія можетъ презрѣнiемъ отвѣтить на инсинуаціи этого сотрудника сомнительно-социалистической „Humanité" и несомнѣнно-капиталистическаго „Temps".

Соціалъ-демократія не можетъ, подобно участникамъ конференціи думать, что „полная свобода дѣйствій для всѣхъ партій не только не противорѣчитъ, но, напротивъ, находится въ полной гармоніи съ ихъ намѣреніями координированнаго дѣйствія". Нѣтъ, „свободы дѣйствій" мы допустить не можемъ. Не измѣняя дѣлу пролетаріата, мы не можемъ допустить, чтобы національности всѣхъ видовъ звали рабочій классъ положить всѣ свои силы на поддержаніе національныхъ тенденцій; мы не можемъ допустить, чтобы „освобожденцы" обманывали пролетаріатъ вадорными сказками о томъ всеобщемъ благоденствіи, которое наступитъ, будто бы, на другой день послѣ завоеванія политической свободы; мы не можемъ допустить затемнѣнія классового сознанія пролетаріата мѣщанскими утопіями насчетъ всевозможныхъ „соціализацій" и „кооперацій"; и внесенія деморганизаціи въ дѣло его классовой спло̀ченія: и больше всего мы не можемъ допустить такой постановки вопроса о задачахъ рабочаго класса въ политическомъ освобожденіи Россіи, при которой вся его роль сводится къ „облегченію начинаній либераловъ" и „помощи имъ", какъ выражается все тотъ же несравненный Прессансъ.

И такъ какъ ни одна буржуазная партія, не перестанъ быть буржуазной, не можетъ отказаться ни отъ своихъ представленій о роли и значеніи народныхъ массъ въ политической борьбѣ, ни отъ своихъ методовъ и средствъ борьбы, то именно потому для соціалъ-демократіи никогда и ни при какихъ условіяхъ невозможны прочные и продолжительные союзы съ буржуазными партіями. Такіе союзы, всегда вносящіе принципіальную путаницу, и тѣмъ самымъ стирающіе грани между пролетаріатомъ и крайними элементами буржуазіи, могутъ имѣть реальную цѣнность лишь тогда, когда, по счастливому выраженію „Р. Р.", „выносятъ за скобку общій множитель": но, естественно, что этотъ „множитель", эта реальная величина, которая признается „общею цѣлью", есть программа той изъ входящихъ въ соглашеніе единицъ, которая требуетъ минимума. Соединить на этомъ „минимумѣ" максимумъ усилій — вотъ единственное оправданіе и единственный смыслъ „блока", если онъ только не остается простой игрушкой. И если бы даже участники „блока" этого не сознавали, то логика событій очень скоро научитъ ихъ этой политической азбукѣ.

Не съ вѣтру взятые субъективныя фантазіи, не пылкость революціоннаго темперамента не субъективные идеалистическіе порывы продиктовали намъ нашу программу-минимумъ; классовые интересы пролетаріата, интересы развитія его сознанія и организаціи въ цѣляхъ скорѣйшаго и полнаго освобожденія его отъ капиталистической эксплуатаціи, требуютъ, чтобы въ данный историческій моментъ мы добивались не постепеннаго реформированія самодержавно-крѣпостническаго государства, а революціонной перестройки всего общественнаго зданія на основахъ полной демократизаціи. При такой постановкѣ вопроса, соціальдемократія связывали бы по рукамъ тѣ скромныя цѣли, которыя признали себѣ „общими" участники „блока". И каждый разъ, какъ на очередь встанетъ вопросъ о длительномъ союзѣ съ буржуазными партіями, соціалъдемократія должна будетъ отвѣчать на него отрицательно. Временное соглашеніе, допускаемое да извѣстныхъ условіяхъ, не имѣетъ ничего общаго съ такимъ союзомъ. Временное соглашеніе имѣетъ предметомъ одинъ, точно опредѣленный актъ, заранѣе обсужденный и завѣщенный всѣми участниками соглашенія и кончается съ окончаніемъ этого акта. Блокъ—обнимаетъ рядъ дѣйствій, растянутыхъ на періодъ времени неизвѣстной продолжительности. Соглашеніе заключается во имя опредѣленнаго дѣйствія, блокъ — во имя общей цѣли, которой затѣмъ должны быть подчинены всѣ дѣйствія. Каждый отдѣльный актъ борьбы противъ царизма, каждый отдѣльный эпизодъ ея можетъ стать для насъ предметомъ соглашенія, но „соглашеніе", содержаніемъ котораго является самая огромная изъ текущихъ историческихъ задачъ въ ея цѣломъ, для насъ немыслимо. Такое соглашеніе связало бы насъ по рукамъ и по ногамъ на долгій періодъ и имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы соціалъдемократія отказалась отъ надежды на революціонный переворотъ и отказалась отъ мысли въ самомъ процессѣ борьбы за низверженіе самодержавія развивать классовую организацію пролетаріата.

Но если даже взглянуть на дѣло съ столь любезной противникамъ „доктринерства" практической точки зрѣнія, то нѣтъ сомнѣнія, что вступленіе соціалъдемократіи въ „блокъ" было бы пагубно для дѣла свободы. Являясь лишь крайнимъ звеномъ той цѣпи, начало которой заложено въ „земскихъ парламентахъ", соціалъдемократія сыграла бы въ этомъ случаѣ лишь роль развѣдочнаго отряда въ массахъ и возбудителя народнаго движенія,'не окрашеннаго въ яркій классовый цвѣтъ. Мы уже слишкомъ много разъ говорили объ этомъ въ „Искрѣ", чтобы надо было еще разъ пояснять, какъ, при такихъ условіяхъ, пролетаріатъ только облегчилъ бы умѣренныя „начинанія" либераловъ. А торжество этихъ „начинаній" означало бы лишь замѣну революціоннаго переворота затяжнымъ,[и для „низшихъ" классовъ крайне болѣзненнымъ, процессомъ медленнаго отмиранія самодержавно-бюрократическихъ и крѣпостническихъ порядковъ.

И, наоборотъ, самостоятельное и активное выступленіе организованнаго рабочаго класса подъ знаменемъ соціалъ-демократіи съ „крайними" демократическими лозунгами заставитъ всѣхъ и каждаго, кто хочетъ найти опору въ народѣ, принять и отстаивать эти лозунги. И такъ какъ умѣренный либерализмъ уже на земскомъ съѣздѣ показалъ въ достаточной степени свою дряблость и безхарактерность, когда потребовались смѣлыя дѣйствія, то энергичное и послѣдовательное выступленіе партіи пролетаріата заставитъ всѣ демократическіе элементы буржуазіи принять и — что самое главное — и провести въ жизнь политическіе лозунги соціалъдемократіи и сдѣлаетъ ее центромъ тяготѣнія всего разношерстнаго радикализма.

Но для этого рабочая партія должна выступить на политическую арену въ полную мѣру своей мощи и силы. Незачѣмъ говорить, насколько содѣйствовало бы такому выступленію фактическое объединеніе всѣхъ пролетарскихъ организацій Россіи. Но, конечно—только пролетарскихъ. И мы не скажемъ имѣетъ съ „Vorwärts'омъ", что „даже" (bereits) это будетъ „огромнымъ успѣхомъ", а скажемъ, что именно это и только это будетъ успѣхомъ дѣйствительнымъ.

Когда руководимый соціалъдемократіей рабочій классъ вы прямится во весь свой ростъ и скажетъ свое мощное слово — а событія въ Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринодарѣ, Саратовѣ и

До войны царское правительство во всемъ мірѣ вело наступательную политику. Война заставила его принять оборонительное положеніе. Теперь его противники переходятъ къ наступленію. Скоро начнутъ его повсюду вытѣснять и закрывать ему пути, какъ въ Тибетѣ. Скажется это и въ Персіи, и въ Малой Азіи, и на Балканскомъ полуостровѣ.

А между тѣмъ, война все болѣе и болѣе истощаетъ силы Россіи. Заключитъ миръ? На это царское правительство рѣшиться не можетъ. Это значило бы оффиціально признать свое безсиліе. Если бы даже удалось теперь заключить миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя Японія ставила до войны, то все же царское правительство попало бы въ чрезвычайно плачевное положеніе. Вытѣснивъ побѣдоносной войной Россію изъ Манджуріи, Японія теперь, конечно, и въ Кореѣ и въ Китаѣ повела бы гораздо болѣе агрессивную политику, чѣмъ до войны. Но миръ въ настоящій моментъ на старыхъ условіяхъ прямо немыслимъ. Японія неминуемо потребуетъ сдачи Портъ Артура. Согласиться на это, для царскаго, правительства равносильно признанію своего политическаго банкротства. Поэтому оно употребляетъ всѣ усилія, чтобы вести дальше войну, надѣясь, въ концѣ концовъ, сломать военную энергію Японіи.

Однако, ближайшія военныя перспективы царскаго правительства съ достовѣрностью показываютъ только одно — паденіе Портъ Артура. Хотя судьба крѣпости давно рѣшена, тѣмъ не менѣе, капитуляція ея произведетъ потрясающее впечатлѣніе и въ мірѣ политики и въ мірѣ финансовъ. Завоевавъ Портъ Артуръ, Японія достигаетъ главной политической цѣли своего похода.

Политическая карта войны мѣняется, воюющія стороны обмѣниваются своими ролями: только что Японія съ неимовѣрными усиліями старалась завоевать русскую крѣпость, а тутъ, наоборотъ, Россія придется отвоевывать у Японіи Портъ Артуръ. Политическій престижъ Японіи, конечно, сильно подымается, поднимается патріотическое воодушевленіе и въ странѣ и въ войскѣ. Помимо всего прочаго, освободятся нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, которыми Японія сумѣетъ подкрѣпить свою маньчжурскую армію и освободится ея военный флотъ.

Допустимъ, хотя на это мало вѣроятія, что до всѣмъ остальнымъ ходъ военныхъ событій сложится благопріятно для царскаго правительства. Чего же можно ожидать въ лучшемъ случаѣ? О наступательной зимней кампаніи уже никто не думаетъ. Это дѣло рѣшенное. Въ настоящій моментъ похваляются уже однимъ тѣмъ, что удалось армію зарыть въ землянки и этимъ защитить ее и отъ холода, и отъ японскихъ ядеръ. Самое большее, слѣдовательно, можно разсчитывать на то, что Куропаткину удастся удержаться на своей позиціи всю зиму. Каково будетъ состояніе арміи къ веснѣ? Она уже сейчасъ деморализована, удручающе повліяетъ на нее паденіе Портъ Артура, мѣсяцы бездѣятельія должны парализовать ея энергію, а отъ маньчжурскихъ морозовъ и мятелей при ужасныхъ жилищныхъ условіяхъ, да еще при непорядкахъ русскаго интендантства, арміи пострадаетъ не меньше, чѣмъ она страдала до сихъ поръ отъ японскихъ пуль и гранатъ. За зиму будутъ присланы подкрѣпленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительная часть арміи, истощенная и избодѣвшаяся, не будетъ пригодна къ походу и должна быть отослана на родину. Принимая, къ тому же, во вниманіе неналичительную провозоспособность сибирской желѣзной дороги, вряд ли можно разсчитывать на значительное усиленіе численнаго состава русской маньчжурской арміи

…ержить и столь обязывающую ихъ резолюцію нашего II съѣзда. …ожно мы и съ ними сможемъ вступать въ отдѣльныхъ случаяхъ …ъ такія же временныя соглашенія, какія считаемъ возможными по отношенію къ другимъ лѣвымъ фракціямъ буржуазной …овинціи. Но мы напомнимъ гг. с.-рамъ, что для этого надо …ыть добрыми демократами; мало одного устраненія изъ ихъ про…аммы требований, „затемняющихъ классовое сознаніе рабочаго …асса“; нужно еще, чтобы ихъ лозунгомъ борьбы вездѣ и всегда …ылось „всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное …раво“, а они и этого лозунга не сумѣли обезпечить при сво…мъ вступленіи въ „блокъ“. Правда, первые шаги трудны; быть …ожетъ, поэтому, на первыхъ порахъ своего шествованія по от…ному пути буржуазнаго демократизма, с.-р—ы оказались— …ри! — плохими демократами; но все-же отъ „грудовой рево…юціи“ прямо къ монархической конституціи, съ возможностью …ного двухъ и трехстепенныхъ выборовъ, -скачекъ черезъ чуръ …ольшой!

Таковъ новоявленный „блокъ“ и, привѣтствуя его, какъ не…ожиданный шагъ впередъ, мы все же не можемъ не констати…овать крайней убогости того политическаго credo, которое по…ожило его основой, тѣмъ болѣе, что даже эти минимальныя требованія, несмотря на круговую поруку всѣхъ участниковъ, …ы вездѣ и не всюду проводятся. Мы уже подчеркивали отсут…ствіе хотя бы особаго мнѣнія „освобожденцевъ“ насчетъ изби…ательнаго права въ резолюціяхъ земскаго съѣзда. И …ли г. Водовозовъ см. корреспонденцію изъ Кіева] полага…тъ, что изъ „резолюціи“ путемъ „косвенныхъ уликъ“ можно …звлечь хотя-бы всеобщее избирательное право, то, во-первыхъ, это неправда, [1]) а, во вторыхъ, мы думаемъ, что резолюціи пишутся …е для того, чтобы умалчивать о требованіяхъ, а для того, что…ы высказывать ихъ. Да кромѣ того памятная „освобожден…ская“ прокламація („Народъ и война“), ни единымъ словечкомъ …е напоминающая о всеобщемъ избирательномъ правѣ, достаточно …оказываетъ, насколько серьезно считаютъ себя связанными …инимыми обязательствами участники „блока“. И для насъ не…звѣстно, что, пока буржуазная демократія однимъ бокомъ при…леняется къ умѣренному либерализму, пока она ставитъ себѣ за …ду слить въ одно цѣлое всѣ оттѣнки буржуазной оппозиціи, до …амыхъ умѣренныхъ включительно, до тѣхъ поръ, нечего и думать …о расширеніи пред[ѣ]ловъ „демократизма“, ни даже о томъ, что…ы общепризнанный на конференціи минимумъ серьезно и настой…иво проводился въ жизнь. Интересамъ единства и „гармони…ескаго“ сочетанія всѣхъ тѣсно и неизбѣжно будутъ приноситься …ъ жертву и демократизмъ программы и революціонность так…ики.

Мы были своевременно уѣдомлены о созывѣ конференціи …о своевременію же, по соглашенію съ другими пятью соціал-…емократическими организаціями, выработали „оптимальный“ …казъ принять въ ней участіе. Ниже мы дадимъ текстъ …го. Мы не знаемъ, почему партія „Пролетаріатъ“ не дожда…ась созванія конференціи своей отказъ]. И совершенно непо…ятельнымъ, съ нашей точки зрѣнія, является участіе въ кон…ренціи, хотя и не присоединившагося еще къ ея рѣшеніямъ, и и…ъ протестовавшаго противъ нихъ открыто, делегата Латышс…аго Соц. Р. П. Мы полагаемъ, что само наше латышей тоже …ротестовалъ, какимъ рѣзкимъ способомъ является приглаше…ніе, вопреки общему единогласному мнѣнію демократовъ, представи…ля пролетарской организаціи на ем[у] чисто-буржуазный …ъ этого?] форумъ спорить „чуждыхъ пролетаріату элементовъ“.

Въ печатаемомъ ниже „заявленіи“ объяснены причины, ко…ыя принудили насъ отказаться отъ предложенной конференціи. Единственная партія, могущая принять участіе въ …ражданской политику, единственная партія, у которой „…ъ“ и „…“, …вляется не ни къ чему не обязывающимъ, но не…ъ чуждымъ „идеализмомъ“, представленнымъ на прокрустово ло…е

[1]) Насчетъ представительства въ границахъ самоуправленія Шарикъ, резолюціи прямо оговариваютъ, что требуютъ „мини…ума по возможности“ привлеченія „всѣхъ наличныхъ силъ“, хотя …ого, 7 „политическія права“ должны быть „равны“.

[2]) Ц. К. Бунда П. П. № 202 заявляетъ, что отвѣтъ Бунда …а предложеніе участвовать въ конференціи „запоздалъ по не…звѣстнымъ отъ Бунда причинамъ“. Намъ не понимать, по…ему Ц. К. Бунда, видѣвши условіе не публиковать текста …его „отвѣта“.

…и ограниченности цѣли „ближайшей“, не средствомъ для на…игрванія на идеалистическихъ стремленіяхъ уловляемыхъ массъ, а конкретной исторической задачей, неразрывно связанной со всей текущей борьбой и опредѣляющей формы и частныя цѣли ея; соціалъ-демократія ни въ коемъ случаѣ и ни ради какихъ ближайшихъ задачъ не можетъ связать себѣ рукъ. Какъ бы ни казалось, на первый взглядъ, что „блокъ“ ни къ чему не обязываетъ, что онъ не урѣзываетъ „программъ“ и оставляетъ полную „свободу дѣйствія“ всѣмъ участниками соглашенія, на самомъ дѣлѣ это не такъ. И лучше всего можно видѣть это на примѣрѣ спеціалистовъ по части всякихъ „блоковъ“ — Жореса и Прессансе. Вѣдь до ихъ словамъ и участіе во французскомъ „блокѣ“ ради „общей“ цѣли — поддержанія республики и демократической свободы — „ни къ чему не обязываетъ“. И мы охотно вѣримъ господамъ Жоресу и Прессансе, что они тоже сохраняютъ „всю полноту соціалистическаго идеала“. Но, увы! Политическая борьба ведется не на небесныхъ вы сотахъ жоресовскихъ „идеаловъ“, а на презрѣнной земтѣ; и, какъ бы непорочны ни были идеальные помыслы соціалистическихъ „блокаровъ“, эта непорочность не мѣшаетъ имъ, ради „общей ближайшей цѣли“, какъ мы это видѣли еще надняхъ, ни защищать систему шпіонства и доносовъ, ни вотировать кредиты на поддержаніе милитаризма, ни даже ассигновать народные деньги на „секретные фонды“, предназначенные для подкупа и политическаго сыска. Такова неумолимая логика „ближайшей цѣли“, не связанной не разрывными узами съ цѣлью конечной. Пусть думаетъ Жоресъ, что строгая вѣрность принципамъ, это лишь — „формальныя соображенія“; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для оппортюниста, у котораго принципъ и дѣло, теорія и практика ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ. Но что сказалъ-бы другомъ защитникъ „удивительной и неуязвимой формы блока“ г. Прессансе? Этотъ господинъ, посылающій свои „привѣтствія“ всѣмъ казненнымъ, павшимъ отъ солдатскихъ пуль, сосланнымъ и заключеннымъ жертвамъ царизма, огромное большинство которыхъ боролось и борется подъ знаменемъ соціалъ-демократіи, смѣетъ намекать, что къ новому „блоку“ не примыкаютъ лишь „нѣтные доктринеры, непримиримостью принципа…“ Соціалъ-демократія можетъ предпочесть отвѣтить на инсинуаціи этого отступника соціалистической „Изнанки“ и несомнѣнно капиталистическаго „Temps“.

Соціалъ-демократія не можетъ подобно участникамъ конференціи и думать, что „полная свобода дѣйствій для всѣхъ партій не только не противорѣчитъ, по напротивъ, находится въ полной гармоніи съ ихъ намѣреніями координированнаго „дѣйствія“. Нѣтъ, „свобода дѣйствій“ мы допустить не можемъ. Не изъ-за нея пролетаріатъ изъ-за нея мы не можемъ допустить, чтобы наши палачи всѣхъ видовъ и окраски, рабочій классъ, положить всѣ свои силы на подавленіе напиональныхъ тенденцій мы не можемъ допустить, чтобы „освободительныя“ обманывали пролетаріатъ всѣми такими словами о томъ всеобщемъ благоденствіи, которое настанетъ, будто бы, на другой день послѣ завоеванія политической свободы, мы не можемъ допустить затемненія классового сознанія пролетаріата мишурными утопіями насчетъ „всенароднаго блока“ „согласій“ и „коалицій“ и внесенія за…одательныя въ классовое сознаніе и больше всего мы не можемъ допустить такой постановки вопроса о задачахъ рабочаго класса въ политическомъ освобожденіи Россіи, при которой на первомъ планѣ стоитъ не „объединеніе начинаній либераловъ“ и „смыканіе имъ“, какъ выражается все тотъ же истинно нашъ Прессансе.

И такъ, если наша будущая партія не перестанетъ быть буржуазной демократіей, если она не отъ своихъ пролетарскихъ и полу-пролетарскихъ массъ въ политической борьбѣ, не отъ нихъ ея методовъ и средствъ борьбы то именно потому для насъ совершенно ясно, что ни при какихъ условіяхъ не можемъ мы, какъ партія, вступать въ какіе-либо постоянные союзы съ буржуазными партіями, такъ какъ это противорѣчило-бы принципу нашей тактики, и тѣмъ самымъ стерло-бы грань между пролетарскими и крайними элементами буржуазіи и могло-бы вредно отразиться на нашей тактикѣ, какъ на единственномъ выраженіи Р. Р., „выполнить за своихъ“ „общихъ“ не естественно что-то „…“, „…“ отъ реальнаго величія которая принимается „…“ „…“ „…“

другихъ городахъ, какъ тѣ вѣсти грозы, показываютъ, что это время не за горами, — тогда и только тогда мы сможемъ облегченно сказать: дѣло свободы обезпечено! Прологъ революціи кончается, начинается революція!

Отъ ред. Получивъ отъ одного изъ членовъ финляндской оппозиціи приглашеніе принять участіе въ конференціи всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ организацій Россіи, Совѣтъ нашей партіи счелъ крайне желательнымъ внести единство въ дѣйствія всѣхъ соціалъдемократическихъ организацій по отношенію къ проектируемой конференціи. Съ этою цѣлью было созвано совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе делегаты шести поименованныхъ ниже организацій. На этомъ совѣщаніи былъ выработанъ общій текстъ заявленія съ которымъ каждая организація должна обратиться къ иниціаторамъ конференціи. Заявленіе это рѣшено было опубликовать при первомъ появленіи извѣстій о конференціи въ печати.

Отвѣтъ на приглашеніе принять участіе въ конференціи оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій Россійскаго государства.

Наша организація получила черезъ Ваше посредство отъ финляндской революціонной партіи приглашеніе принять участіе въ общей конференціи всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій, существующихъ въ Россіи, съ цѣлью обсудить общій планъ дѣйствій, который позволилъ бы имъ воспользоваться современнымъ положеніемъ дѣлъ, вызваннымъ войной Россіи съ Японіей.

Къ сожалѣнію, наша организація вынуждена отклонить это предложеніе. При этомъ она руководствуется, кромѣ мотивовъ, не подлежащихъ опубликованію, слѣдующими соображеніями:

Мы считаемъ для себя вполнѣ обязательнымъ воспользоваться настоящей войной для усиленія революціонной борьбы противъ царизма. Наши соціалъдемократическія убѣжденія обязываютъ насъ также поддерживать всякое дѣйствительно оппозиціонное и революціонное движеніе.

Но надежду вызвать плодотворное политическое дѣйствіе посредствомъ предлагаемой Вами конференціи мы считаемъ несбыточной: элементы, которые должны быть представлены на этой конференціи, слишкомъ разнородны, какъ по своимъ основнымъ политическимъ взглядамъ, такъ и по преслѣдуемымъ ими ближайшимъ политическимъ задачамъ и своимъ пріемамъ борьбы. Наконецъ, нѣкоторые изъ этихъ элементовъ до такой степени чужды точки зрѣнія классовой борьбы, что не свободны даже отъ политическаго авантюризма, вродѣ совершенно непростительныхъ, съ нашей соціалъдемократической точки зрѣнія, спекуляцій на побѣду японскаго буржуазнаго правительства.

Въ виду всего этого, мы держимся того убѣжденія, что плодотворныя революціонныя дѣйствія возможны у насъ теперь только на почвѣ классовой борьбы, сомкнутыми рядами, всего рабочаго народа Россіи безъ различія національностей, борьбы, ставящей себѣ ближайшею цѣлью — въ полномъ согласіи съ соціалистическимъ пролетаріатомъ Японіи — возможно болѣе быстрое прекращеніе преступной войны, которая, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени пагубно отразится на интересахъ народныхъ массъ, независимо отъ того, кончится-ли эта война побѣдой или пораженіемъ самодержавнаго правительства.

Совѣтъ Рос. С.-Д. Р. П.

(На подлинникѣ слѣдуютъ подписи делегатовъ: Р. С. Д. Р. П., Соціалъдемократіи Польши и Литвы, Заграничн. Комтета Бунда, польск. соц. партіи „Пролетаріатъ", Рев. Украинской Партіи и Латышской С. Д. Р. П.).

МОСКОВСКІЕ ТИПОГРАФСКІЕ РАБОЧІЕ И НАША ПАРТІЯ.

Мы уже неоднократно имѣли случай говорить о союзѣ типографскихъ рабочихъ и его органѣ. Въ № 57 „Искры" мы сообщали о рѣшеніи Союза положить въ основу своей дѣятельности программу Р. С.-Д. Р. П., но въ то-же время признать „преждевременнымъ" присоединеніе къ партіи. Редакція „Вѣстника" обѣщала выяснить впослѣдствіи причины такого обособленія и, въ лежащемъ передъ нами № 6, дѣйствительно, пытается болѣе подробно изложить мотивы, побуждающіе Союзъ держаться въ сторонѣ отъ партіи. На первый разъ „Вѣстникъ" ограничивается критикою организаціоннаго строенія нашей партіи, и надо сказать, что эта критика въ значительной мѣрѣ — поскольку она не вытекаетъ изъ неполнаго представленія о *классовыхъ* задачахъ пролетаріата — покоится на недоразумѣніи.

Неразвитость классовой точки зрѣнія сказывается у редакціи „Вѣстника", главнымъ образомъ, въ непониманіи того неоспоримаго факта, что классовая борьба, требуетъ непремѣнно объединеннаго и координированнаго, т. е. централизованнаго дѣйствія всего пролетаріата данной страны.

„Въ № 57 „Искры" мы попытались указать Союзу, что изъ одного прибавленія политической борьбы къ борьбѣ профессіональной не получается еще борьбы классовой. Сознательно-классовый отпечатокъ накладывается на политическую борьбу методами и средствами, которыми она пользуется, методами и средствами, опредѣляемыми конечными цѣлями движенія. Не сомнѣнно, „центръ" Союза былъ вполнѣ правъ, когда — въ отвѣтъ намъ — писалъ въ 5 № „Вѣстника": „Классовая борьба... необходимо должна носить характеръ политическій", но мы и не думали отрицать, что всякая классовая борьба есть борьба политическая; мы хотѣли лишь подчеркнуть, что *не всякая* политическая борьба, или не всякая форма участія рабочихъ въ политической борьбѣ, выражаетъ правильно понятые классовые интересы пролетаріата. И не „перемѣнить" свой „пролетарскій" характеръ на „классовый" совѣтовали мы Союзу, а придать своей политической борьбѣ классовый характеръ. Это невозбѣжно привело-бы его и въ ряды Р. С.-Д. Р. П.

Это — по существу дѣла. Но мы не можемъ оставить безъ разсмотрѣнія и тѣ частныя возраженія противъ организаціоннаго центризма, которыя, какъ мы уже сказали, въ значительной мѣрѣ основаны на недоразумѣніи.

Конечно, редакція „Вѣстника" вполнѣ права, когда говоритъ, что въ полной мѣрѣ „благодѣтельное" вліяніе централизма можетъ проявиться лишь тамъ, гдѣ существуетъ политическая свобода и гдѣ, слѣдовательно, возможенъ всесторонній демократическій контроль членовъ организаціи надъ дѣятельностію ея исполнительныхъ органовъ. Но, признавая это, не слѣдуетъ, какъ говорятъ нѣмцы, „вмѣстѣ съ водою, выплескивать изъ ванны и ребенка."

Нужно только сказать, что 1) необходимо использовать въ полной мѣрѣ всѣ формы и суррогаты непосредственнаго демократическаго контроля, доступные и при отсутствіи политической свободы, и 2) самый централизмъ въ своихъ проявленіяхъ долженъ быть соотвѣтственно ограниченъ; ограниченъ, но не уничтоженъ, какъ этого желаетъ „Вѣстникъ".

Если дѣятелямъ „Союза" сколько-нибудь извѣстна исторія нашей партіи за послѣдній годъ, то они, конечно, должны знать, что именно эти вопросы служили предметомъ самаго живого, самаго страстнаго обсужденія въ средѣ нашихъ партійныхъ товарищей. Имъ должно быть также извѣстно, что въ результатѣ ожесточенныхъ споровъ — все большее и большее число членовъ партіи и организацій ея приходитъ къ такому рѣшенію вопроса о соотвѣтствующихъ современнымъ условіямъ формахъ, которое никакъ не можетъ оправдать чрезмѣрныхъ опасеній редакціи „Вѣстника".

Правда, редакцію „Вѣстника" очень пугаетъ внутри-партійная борьба, такъ что она даже увѣряетъ, что „иначе смотрящіе элементы, составляя хотя бы и меньшинство, всегда будутъ тормозить дѣла и угрожать планомѣрности партійной работы." Въ этомъ разсужденіи поразительно вотъ что: такъ какъ меньшинство можетъ „угрожать планомѣрности партійной работы", то — во имя „планомѣрности", должно быть? — дѣятели Союза отказываются вовсе отъ „партійной" работы и предпочитаютъ стоять совсѣмъ въ сторонѣ отъ нея. Но, если бы и другія рабочія организаціи послѣдовали примѣру Союза, то не думаетъ ли редакція „Вѣстника", что „планомѣрности и единства" было-бы безконечно меньше, чѣмъ теперь? Конечно, „несогласій и раздоровъ" тоже не было-бы, ибо „всякій молодецъ" дѣйствовалъ-бы, на свой образецъ" и ни мало не интересовался-бы тѣмъ, что дѣлаютъ другіе. Было-бы очень много группъ" и кружковъ, но не было-бы партіи рабочаго класса, и ужъ, конечно, о „полной солидарности" не могло-бы быть и рѣчи. Да и вообще, эта боязнь „торможенія" со стороны меньшинства наводитъ на очень невеселыя мысли. Если присутствіе въ организаціи людей, между которыми нѣтъ „полной солидарности" во всѣхъ взглядахъ, должно непремѣнно „тормозить" и „угрожать", то вѣдь это относится не только къ партіи, а и къ каждой отдѣльной организаціи. Неужели въ средѣ „Союза" не находится по каждому отдѣльному вопросу большинства и меньшинства? И неужели этотъ нормальнѣйшій фактъ организаціонной жизни, который ведетъ къ тому, что люди столковываются между собою и вырабатываютъ коллективное мнѣніе, угрожаетъ „планомѣрности работы" Союза? Союзъ, вѣдь, тоже централизованная организація, ибо онъ централизуетъ рабочіе кружки разныхъ типографій. И только въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ централизованъ на бюрократическихъ принципахъ, которымъ онъ приписываетъ господство въ нашей партіи, было-бы понятно нежеланіе его войти въ высшій централизованный коллективъ — партію. Но мы надѣемся, что этого нѣтъ, и что, несмотря на отсутствіе политической свободы, центръ Союза, въ большей или меньшей степени, является дѣйствительнымъ выразителемъ политической воли типографскихъ рабочихъ.

Намъ остается еще вкратцѣ разсмотрѣть тѣ воображаемыя опасности, которыя, будто-бы, грозятъ „Союзу" при вступленіи его въ партію. Послѣ сказаннаго выше, незачѣмъ, конечно, говорить, что никакого „безпрекословнаго подчиненія велѣніямъ главнаго штаба", ограниченія дѣятельности лишь „выполненіемъ чужихъ предписаній", „лишенія инициативы" и пр. и пр. отъ „Союза" не потребуется.

Было, конечно, время, когда части партіи централизація и рисовалась, быть можетъ, въ такомъ уродливомъ видѣ. Но „Союзъ" долженъ-же знать, что время это давно миновало, и что въ самихъ партійныхъ организаціяхъ, въ ихъ жизненности и прочности — а на этотъ счетъ „Союзу", кажется, сомнѣваться не приходится — оказались достаточныя „гарантіи" отъ всякаго „разноса"...

Не менѣе неосновательны опасенія „Союза" потерять свою „независимость". Конечно, извѣстную долю „независимости" Союзъ, при вступленіи въ партію, потеряетъ, какъ теряетъ ее всякій кружокъ типографскихъ рабочихъ, вступая въ Союзъ. Но, во-первыхъ, не такъ велика эта утрата „независимости", какъ кажется редакціи „Вѣстника", а, во-вторыхъ, не надо забывать, что, вѣдь, и партія потеряетъ тогда свою полную „независимость" отъ Союза, ибо Союзъ будетъ однимъ изъ опредѣляющихъ дѣятельность партіи элементовъ. Нѣкоторыя средства въ партійную кассу Союзу вносить, конечно, придется, но, вѣдь, и плодами дѣятельности партіи онъ будетъ пользоваться. Конечно, вступленіе въ партію возможно лишь тогда, когда ясно сознана польза объединенія; а при такихъ условіяхъ вряди-ли придется поднимать вопросъ о „средствахъ."

Не касаясь другихъ, затронутыхъ въ статьѣ „Вѣстника" вопросовъ, вродѣ представительства на съѣздѣ и пр. вопросовъ, которые могутъ быть регулированы къ взаимному удовлетворенію гораздо проще, чѣмъ это кажется авторамъ статьи, мы остановимся еще только на опасеніи Союза, будто, „присоединившись къ партіи", онъ „теряетъ право издавать свой „Вѣстникъ." Опасеніе это рѣшительно ни на чемъ не основано. На съѣздѣ Лиги, правда, раздавались рѣчи вродѣ того, что „все издательство партійной литературы должно быть сосредоточено въ рукахъ Ц. К., который имѣетъ для этого свою типографію", но все это давно „травой поросло", и теперь больше сторонники такого „единоначалія" требуютъ даже предоставленія права „свободно" издавать литературу подъ фирмой партіи „всѣмъ членамъ партіи."[1]) Тѣмъ болѣе нѣтъ основаній опасаться, что, требуя такого сомнительнаго права для каждаго члена партіи въ отдѣльности, кто-либо будетъ оспаривать совершенно несомнѣнное право издательства у одной изъ организацій, входящихъ въ партію.

Такимъ образомъ, аргументація „Вѣстника" оказывается совершенно несостоятельною. Мы будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ ея въ слѣдующихъ номерахъ газеты Союза. Теперь же скажемъ еще только, что, конечно, централизація нисколько не ослабляетъ возможности еретичества", и мы меньше, чѣмъ кто-либо, склонны приписывать такую роль организаціоннымъ формамъ. И если мы настойчиво призываемъ членовъ Союза въ ряды партіи, то потому, что лучшимъ средствомъ противъ „еретичества", т. е. уклоненія отъ линіи классовой борьбы пролетаріата, считаемъ совмѣстную, объединенную борьбу возможно болѣе широкихъ массъ рабочихъ подъ знаменемъ соціалъдемократіи. Только такая борьба стираетъ всѣ мѣстные, групповые и профессіональные налеты и шлифуетъ коллективное классовое сознаніе пролетаріата. Только она одна даетъ возможность рабочему классу вести свою, пролетарскую, классовую политику.

[1]) Галерка. На новый путь. Стр. 41.

къ веснѣ. Итакъ, переждавъ весенніе разливы, Куропаткинъ двинется въ наступленіе. Конечно, зима и на японскую армію повліяетъ неблагопріятно. Однако она по многимъ причинамъ находится въ лучшемъ положеніи. Духъ ея болѣе бодрый, по всѣмъ даннымъ она и одеждой и пищей лучше обезпечена, японское интендантство работаетъ исправно, да и условія у нея лучшія въ виду болѣе близкихъ и хорошихъ путей сообщенія, соединяющихъ армію со страной. Численный составъ японской арміи увеличится, благодаря освобожденію осадной арміи у Портъ Артура и присылкѣ еще отнюдь не истощившихся японскихъ резервовъ. Соотношеніе силъ къ началу лѣтней кампаніи, поэтому, будетъ приблизительно такое же, какъ теперь. Допустимъ, что Куропаткину на этотъ разъ все же удастся одолѣть японцевъ, но и въ этомъ случаѣ рѣчь можетъ, конечно, идти только объ ихъ постепенномъ отступленіи. Разбить современную армію наголову, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ сломить окончательно ея силу противодѣйствія — нельзя. Именно японско-русская война сдѣлала это болѣе всего очевиднымъ. Итакъ, въ лучшемъ случаѣ японцевъ будутъ оттѣснять шагъ за шагомъ, какъ до сихъ поръ они оттѣсняли русскую армію. Но русской наступающей арміи при этомъ придется гораздо тяжелѣе, чѣмъ приходилось японцамъ. Уже по одному тому, что страна разорена и придется идти по мѣстамъ, которыя русская армія сама при своемъ отступленіи опустошила. Затѣмъ, какъ извѣстно, японцы до сихъ поръ шагу не дѣлали впередъ, не укрѣпивши предварительно завоеванной позиціи, — слѣдовательно, придется ихъ выбивать шагъ за шагомъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ. При этомъ русская армія все больше будетъ отдаляться отъ своей главной операціонной базы, а японская приближаться. Преимущества болѣе короткаго, удобнаго и скораго сообщенія съ страной, такъ выгодно сказывавшіяся при японскомъ наступленіи, конечно, не меньше помогутъ имъ при отступленіи. Въ виду всего этого, Куропаткину, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, понадобится не меньше времени, чтобы оттѣснить японцевъ къ р. Ялу, чѣмъ японцамъ понадобилось, чтобы отъ р. Ялу достигнуть Мукдена. Итакъ, если Куропаткинъ въ это же время будущаго года, т. е. къ зимѣ 1905 — 06 года окажется у Портъ-Артура, то это будетъ самымъ блестящимъ военнымъ успѣхомъ, какого только можно ожидать. Тогда только онъ будетъ стоять передъ задачей — завоевать Портъ Артуръ. Японцы къ тому времени возстановятъ разрушенныя ими укрѣпленія, а если бы этого имъ и не вполнѣ удалось, то они сто бугъ имѣть передъ теперешними защитниками крѣпости громадное преимущество *свободнаго морского сообщенія*. Ибо отъ балтійскаго флота можно ждать чего угодно, но только не того, чтобы онъ уничтожилъ японскій военный флотъ и послѣ этого еще былъ въ состояніи блокировать военную гавань. Осада затянется, и къ веснѣ 1906 года можно будетъ серьезно разсчитывать на заключеніе мира. Разумѣется, военныя прогулки по японскимъ островамъ, уничтоженіе государственной силы Японіи и т. п. все это только нелѣпый бредъ разгорѣвшагося воображенія нашихъ квасныхъ патріотовъ. Въ лучшемъ случаѣ, миръ будетъ заключенъ на основаніи истощенія силъ обѣихъ сторонъ на какой-нибудь средней линіи. Дѣлается это обыкновенно насчетъ кого нибудь третьяго. Третьяго недолго искать. Японія получитъ Корею, а Россія удержитъ Манджурію и Портъ Артуръ.

Таково дальнѣйшее теченіе и таковъ исходъ войны для Россіи при *невозможно благопріятныхъ условіяхъ*. Каковъ же политическій результатъ? Возстановлено положеніе, какимъ оно было до войны, но только Россія стала другая и политическія соотношенія державъ измѣнились. Россія потеряла свой военный флотъ, истощила армію, нажила себѣ пару новыхъ милліардовъ долгу, подорвала свой кредитъ, разорила страну, должна была, чтобы концентрировать всѣ свои силы на войну съ Японіей, поступиться своими интересами передъ державами, которыя, какъ мы видѣли, даже сейчасъ готовятся воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и не преминутъ это сдѣлать, разъ война затянется. Вмѣстѣ съ тѣмъ, политическій конфликтъ въ Восточной Азіи не разрѣшенъ, развязка его только отсрочена, и покончить съ войной, Россія должна немедленно начать готовиться къ войнѣ. Итакъ, война даже при самомъ благопріятномъ ея исходѣ, истощитъ силы самодержавной Россіи и поставитъ ее передъ задачами, исполненіе которыхъ уже сейчасъ ей не подъ силу.

Но почти немыслимо, чтобы ходъ военныхъ событій вдругъ радикально измѣнилъ свой характеръ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что японцы будутъ малодушно выжидать за своими окопами лѣтую зиму, пока Куропаткинъ сочтетъ для себя выгоднымъ повести на нихъ свои войска. Наоборотъ, весь опытъ настоящей войны говоритъ за то, что они даже въ ближайшемъ будущемъ перейдутъ къ наступленію. А если не сейчасъ, то навѣрное послѣ паденія Портъ-Артура. И вотъ представимъ себѣ, что имъ удастся выбить Куропаткина изъ его позиціи, какъ это имъ удавалось до сихъ поръ. Тогда судьба кампаніи рѣшена: русской арміи придется оставить Мукденъ и отступить къ Харбину. Собрать новую русскую армію, способную дать отпоръ японцамъ, можно будетъ только еще въ Харбинѣ. Отступающая же русская армія съумѣетъ, пожалуй, сраженіями по пути, при страшныхъ потеряхъ съ своей стороны, задержать на время наступательное движеніе японцевъ, но остановить его она, потерявъ ближайшее генеральное сраженіе, уже навѣрное не будетъ въ состояніи. Отбросивъ русскую армію въ горные хребты южной Манджуріи и овладѣвъ этой частью манджурской желѣзной дороги, японцы могутъ остановиться. Они, разумѣется, не думаютъ о томъ, чтобы завоевать Сибирь и пойти на Москву. Сомнительно, чтобы для нихъ имѣло смыслъ слѣдовать за русскимъ войскомъ дальше Харбина. Взятіе Харбина, который, благодаря исходящимъ отъ него развѣтвленіямъ манджурской желѣзной дороги, является стратегическимъ ключемъ къ Порть-Артуру и къ Владивостоку, для нихъ имѣетъ большое, но отнюдь не рѣшающее значеніе. Они позаботятся о томъ, чтобы укрѣпить горные проходы; разъ это имъ удастся, они могутъ въ пройденной ими западной части южной Манджуріи ограничиться обороной, а наступательное движеніе перенести къ владивостокской вѣтви Манджурской желѣзной дороги. Вторая часть ихъ главной стратегической задачи, а именно: овладѣніе горной Манджуріей, которая, будучи снабжена крѣпостями, дѣлаетъ Китай и Корею для Россіи недоступными, достанется имъ гораздо меньше трудностей, чѣмъ первая. Эта вторая часть должна завершиться паденіемъ Владивостока. Тутъ уже нечего будетъ заботиться о томъ, чтобы отвоевать обратно Портъ Артуръ, — достаточно будетъ работы, чтобы защитить Владивостокъ. Посланный на морскія авантюры балтійскій флотъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, только ухудшитъ это отчаянное положеніе. Очень сомнительно — дойдетъ-ли онъ вообще до японскихъ водъ. Совершенно непонятно, какъ онъ будетъ вести военную кампанію, не имѣя операціонной базы — военной гавани, куда онъ могъ бы укрыться въ случаѣ пораженія, гдѣ онъ могъ-бы возобновить свой запасъ угля, продовольствія, военныхъ снарядовъ. Рѣшеніе послать на Дальній Востокъ балтійскій флотъ было принято, когда еще Портъ-Артуръ стоялъ прочно и въ гавани его стоялъ значительный военный флотъ. Тогда это рѣшеніе имѣло смыслъ. Конечно, Владивостокъ еще въ русскихъ рукахъ. Но проѣти во Владивостокъ мимо японскихъ береговъ русской эскадрѣ еще труднѣе, чѣмъ попасть неповрежденной въ Желтое море. Ей придется по пути выдержать генеральное сраженіе, а разъ она въ немъ будетъ побита, ей ничего другого не останется, какъ разсѣяться по нейтральнымъ гаванямъ и дать себя разоружить.

Паденіе Портъ-Артура, новое пораженіе манчжурской арміи, отступленіе къ Харбину, разгромъ балтійскаго флота, осада, наконецъ, паденіе Владивостока, отъѣзженіе Россіи, игнорированіе ея въ интернаціональной политикѣ, въ связи со всѣмъ этимъ — окончательное паденіе русскаго кредита, паника на биржѣ, банкротство русскаго государственнаго банка, крушеніе золотой валюты, обезцѣненіе русскихъ кредитныхъ билетовъ, денежный и торговый кризисъ, возмущеніе и враждебное настроеніе капиталистической Европы, въ связи съ давнишней ненавистью европейскихъ народовъ, которые, по исторической традиціи, видятъ въ русскомъ самодержавіи своего собственнаго врага, полная безпѣльность дальнѣйшаго веденія войны и, въ силу этого, позорный миръ съ Японіей — вотъ перспективы, которыя въ настоящій моментъ открываются передъ русскимъ самодержавіемъ.

„Война началась изъ за Манчжуріи и Кореи, она уже теперь перешла къ спору о гегемоніи въ Восточной Азіи, она разрѣшается въ вопросъ *о мировомъ положеніи царской Россіи* и завершится перемѣщеніемъ политическаго равновѣсія всего міра". Когда эти слова были написаны, они многимъ еще казались фразированными, спекулятивными предположеніями, — теперь это на глазахъ у всѣхъ стало политическимъ фактомъ. Судьба Манчжуріи отошли далеко въ сторону, не въ нихъ теперь дѣло, на очередь стоитъ вопросъ: останется-ли Россія въ средѣ „великихъ державъ", или она пойдетъ по пути *Турціи*.

Полная неудача Россіи является результатомъ ея политическаго неустройства. Поэтому, *самодержавіе*, потерявъ войну, можетъ только привести страну къ дальнѣйшему паденію.

Вначалѣ самодержавной Россіи боялись. Потерявъ страхъ, перестали прислушиваться къ ея голосу. Затѣмъ съ нею больше уже не будутъ считаться. Станутъ распоряжаться безъ нея и безъ нея передѣлаютъ карту міра. А затѣмъ начнутъ добираться и до ея собственныхъ владѣній и будутъ отдѣлять отъ нея кусокъ за кускомъ. И то, что еще вначалѣ кажется невѣроятнымъ и чудовищнымъ — идеи, вродѣ присоединенія остзейскихъ провинцій къ Германіи, Финляндіи къ Швеціи, Королевства Польскаго къ Австріи, Бѣссарабіи къ Румыніи и т. п. — на мѣрѣ политическаго упадка самодержавной Россіи изъ утопіи превратится въ реальную политику государствъ.

Нужно такое государственное переустройство, которое далъ Россіи новый притокъ военныхъ, финансовыхъ и политическихъ силъ. Это сознано теперь всѣми, не исключая и царскаго правительства. Къ этому привела война.

Парвусъ.

А теперь, когда мы присутствуем при начинающемся крушении самодержавия, когда всѣ общественные силы организуются и вырабатываютъ свои политическіе лозунги, свои методы политической борьбы, болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо приложить всѣ усилія, чтобы и пролетаріатъ выступилъ въ качествѣ объединенной, сознательной и самостоятельной *классовой* силы...

НАСТОЯЩІЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ И ЗАДАЧИ СОЦ.-ДЕМ. НА ОКРАИНАХЪ.

(Письмо въ редакцію).

Готовясь войти въ какую-нибудь политическую сдѣлку со имущими классами, самодержавіе стремится продать имъ за возможно большую цѣну крохи народной свободы. Исходя и изъ дальнѣйшемъ изъ того же принципа, самодержавное правительство постарается воспользоваться пестротою національнаго состава Россіи. При первыхъ признакахъ демонстрацій и массовыхъ протестовъ, правительство постарается дискредитировать движеніе рабочихъ или, что еще гораздо хуже, постарается охарактеризовать общую волну народнаго возмущенія, какъ бунтъ поляковъ, евреевъ, армянъ etc... Что правительство это уже предпринимаетъ, мы видѣли въ самое послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, что *значитъ* наряду съ „милостивыми" словами Святополка Мирскаго, обращенными къ еврейской депутаціи въ Вильнѣ эта волна еврейскихъ погромовъ, прокатившаяся по Сѣверо-Западному краю? Власти стараются свалить вину на запасныхъ: по сущности отъ этого не мѣняется, и, кромѣ того, запасные приходили и доканчивали то, что начато было „мѣстными людьми". Не запасные же въ самомъ дѣлѣ, выпуская прокламаціи въ Двинскѣ съ призывомъ бить „жидовъ"[1]). Не запасные были инициаторами погрома и въ Могилевѣ, гдѣ полиціймейстеръ рѣшилъ „въ субботу въ полицейскомъ управленіи доказывалъ запаснымъ, *что необходимо губить демократовъ евреевъ*"[2]).

Старый испытанный методъ! И горе демократическимъ требованіямъ пролетаріата, если политика правительства будетъ имѣть успѣхъ, но въ то же время, какъ только отзовется этотъ успѣхъ на *классовой организаціи* рабочихъ, и это намъ необходимо подчеркивать на каждомъ шагу въ нашей теперешней агитаціи. Необходимо возможно шире и глубже распространить ту желательную истину политики рабочаго класса, что порабощеніе какой-бы то ни было социальной группы противорѣчитъ его истиннымъ интересамъ, и что всякій изъявъ въ демократической конституціи будущей Россіи, по отношенію къ какой нибудь національности, явится измѣной въ свободѣ всего русскаго народа и, прежде всего,—пролетаріата. И первый ударъ, который соц.-дем. нанесетъ указанной политикѣ самодержавія, будетъ наиболѣе тѣсное объединеніе россійскаго рабочаго класса. Такое объединенное общероссійское движеніе рабочаго класса нельзя будетъ назвать „бунтомъ" евреевъ и поляковъ. Характерно, что правительство предприняло на этотъ разъ погромы въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ, въ виду существующаго сильнаго движенія только среди еврейскаго пролетаріата, является возможность слиянія въ сознаніи темной массы рабочихъ громилъ понятій „демократъ" и „еврей бунтарь". Я беру тотъ же № Посл. напечатированный мною выше, и въ весьма подробной корреспонденціи изъ Одессы читаю описаніе отчаянія и горя запасныхъ, ихъ бѣдствія, но ни слова о разгромѣ евреевъ.

Намъ необходимо общероссійское движеніе, охватывающее пролетаріатъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію отъ Риги до Тифлиса и отъ Варшавы до Москвы. Но какъ это сдѣлать? И разъ объ этомъ не говорилось много раз[ъ]? Да, но, къ сожалѣнію, *только* говорилось. Теперь насталъ тотъ моментъ, когда всякаго рода разговоры должны превращаться въ дѣло. Объединеніе рабочаго движенія должно произойти въ такихъ тѣсныхъ организаціонныхъ рамкахъ, которыя дадутъ возможность объединить *дѣятельность*, придать ей планомѣрность, расширить сферу вліянія соціалъ-демократіи въ Россіи увеличитъ, тѣмъ самымъ, силу натиска пролетаріата на цитадель царизма. Каждая потерянная минута въ данномъ направленіи дастъ лишній козырь въ руки Россійской реакціи. И этотъ вопросъ объединеній въ конкретной формѣ возставалъ на первомъ планѣ предъ нѣкоторыми окраинными организаціями, какъ Бундъ, Партія С.-Д. въ Польшѣ и Литвѣ[3]), Латышской Соц.-Дем. etc., которыя ограничили свою дѣятельность рамками *своей* національности, раздробленія, такимъ образомъ, общерусскую работу. На сущностъ, чѣмъ для кого бы то ни было, является необходимость объединенія для еврейскихъ рабочихъ, и легче, чѣмъ кому бы то ни было, сдѣлать первый шагъ въ данномъ направленіи организованному еврейскому пролетаріату. Я говорю, что для него это насущная необходимость потому, что онъ всегда слышитъ „коломъ" отпущенія, на которомъ русское правительство, пользуясь отсталостью окружающаго населенія, старается выместить свою ненависть къ рабочему движенію, во-первыхъ, и разавить его во-вторыхъ. Отсутствіе въ районѣ Бунда сплоченной силы пропагандированнаго еврейскаго пролетаріата помогло въ данномъ случаѣ русскому самодержавію. И внѣ всякаго сомнѣнія (это можетъ подтвердить всякій практикъ бундовскаго района), что организаціонное отдѣленіе Бунда отъ Партіи, превращеніе его въ самостоятельную, самодовлѣющую организацію имѣло для еврейскаго пролетаріата самое отрицательное значеніе, достаточнымъ доказательствомъ того служитъ широкое недовольство политикой Бунда въ слояхъ еврейской массы, и та жадность, съ которой она прислушивается къ партійной агитаціи въ здѣшнемъ краѣ. Какъ много сталкивавшійся съ еврейской и нееврейской массой въ Сѣверо-Западномъ краѣ, я могу лишь, указать на тотъ несомнѣнный фактъ, что организаціонный сепаратизмъ Бунда и нѣкоторыхъ другихъ организацій ни въ какомъ случаѣ не идетъ „снизу", даже наоборотъ, мнѣ постоянно приходилось наталкиваться на тотъ же вопросъ, „не ужели мы не можемъ бороться въ рядахъ Партіи, вмѣстѣ съ русскими товарищами"? Вы можете постоянно услышать здѣсь жалобы сознательнаго пролетаріата на отсутствіе работы среди „христіанъ": косность послѣднихъ особенно чувствительна еврейскому пролетаріату далеко уступаетъ въ своей классовой сознательности. А что здѣсь есть громадная почва для работы и что при самой умѣренной дѣятельности, здѣсь можно имѣть успѣхъ, показала небольшая практика мѣстнаго партійнаго комитета. Недолгая дѣятельность, напримѣръ, витебской группы дала возможность выставить въ Витебскѣ защиту изъ христіанскихъ рабочихъ[4]), и я твердо убѣжденъ, что, существуй въ Литвѣ болѣе или менѣе сильное организованное движеніе среди христіанъ, оно давно сдѣлалось бы аренной демонстраціи, а въ настоящій моментъ не было бы возможности погромовъ во всемъ Сѣверо Западномъ краѣ. И этотъ моментъ, который требуетъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ, неустанно говоритъ намъ о необходимости уничтоженія всякаго сепаратизма въ нашихъ рядахъ и о работѣ въ тѣхъ слояхъ пролетаріата, которые, оставаясь безтронутыми, грозятъ нанести серіозный ударъ рабочему классу Россіи. Всякое отграниченіе себя, въ силу своихъ узко національныхъ интересовъ, отъ общерусскаго движенія *въ данный моментъ* является преступнымъ, во-первыхъ, по отношенію къ классовой борьбѣ пролетаріата, а во вторыхъ, по отношенію къ демократическому русской конституціи.

Не находя причинъ, которыя мѣшали бы вступленію П С Д. въ нашу Партію, и думая, что оно не застанетъ себя ждать, я выражаю свое убѣжденіе въ томъ, что и Бундъ могъ бы найти мѣсто для себя, который далъ бы возможность ему вступить въ Партію, конечно, на условіяхъ, непротиворѣчащихъ основнымъ организаціоннымъ партійнымъ принципамъ, санкціонированнымъ II съѣздомъ. И первое что необходимо было предпринять при такомъ объединеніи, это возможно широкая агитація среди нееврейскаго пролетаріата въ районѣ его дѣятельности, такимъ образомъ, фактически, а не только уставно, слить движеніе еврейскихъ и нееврейскихъ рабочихъ въ одно русло. И если очевидность этого слиянія не ясна *верхамъ* Бунда, то обязанность нашей Партіи обратиться къ еврейскому пролетаріату съ широкой агитаціей и литературой на еврейскомъ языкѣ, разъясняя сущность переживаемой минуты и вызываемую ею необходимость разбить организаціонныя перегородки, искусственно сковывающія силы еврейскихъ рабочихъ. То радушіе, съ которымъ послѣднія встрѣтили нашу дѣятельность здѣсь, служитъ намъ гарантіей, что этотъ призывъ не останется безплоднымъ.

Товарищъ изъ Литвы.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Пролетарскія демонстраціи.

Въ легальныхъ газетахъ только глухо промелькнули извѣстія о ниже сообщаемыхъ демонстраціяхъ, которымъ, повидимому суждено стать исходнымъ пунктомъ открытаго выступленія сознательнаго пролетаріата. Если въ Одессѣ голосъ сознательныхъ рабочихъ на первой демонстраціи еще до извѣстной степени терялся въ общедемократическомъ хорѣ (только до извѣстной степени, ибо благодаря, разумѣется, многочисленности рабочихъ-соціалъ-демократовъ, и эта демонстрація стала, вмѣстѣ съ тѣмъ, овацією въ честь нашей партіи, то въ Харьковѣ, во *второй* одесской демонстраціи, (по слухамъ, и въ Саратовѣ) и особенно Екатеринодарѣ нашимъ товарищамъ удалось показать „обществу", что они дѣйствуютъ, какъ самостоятельная партія, чувствующая себя способной оказать вліяніе на ходъ событій и пытающаяся сдѣлать это. Отмѣчаемъ, со словъ харьковскихъ и екатеринославскихъ товарищей, какъ сочувственно отнеслись рабочіе къ идеѣ демонстраціи новаго типа.

Харьковъ. Послѣ неудавшагося студенческаго митинга съ демонстраціей и весьма удачнаго избіенія демонстрантовъ, въ городѣ стали ходить слухи, что „Комитетъ" на днях устроитъ демонстрацію рабочихъ со студентами. Слухи эти ни на какихъ фактическихъ данныхъ не были основаны. Всѣ только понимали, что „это такъ должно быть", разъ студентамъ не удалось сдѣлать болѣе, что эти вчерашніе успѣхомъ попытки все же имѣли импозантный видъ. Но вотъ одно какъ будто постороннее обстоятельство, дѣйствительно, сдѣлало необходимымъ выступить съ категорическимъ заявленіемъ своихъ гражданскихъ чувствъ. На слѣдующій день послѣ неудавшейся попытки студентовъ, кучка „патріотовъ", во главѣ съ четырьмя назирателями и эскортируемая пѣлымъ отрядомъ агентовъ явной и тайной полиціи, вздумала контръ-манифестировать: носила по улицамъ портретъ Николая Послѣдняго, пѣли гимнъ, молитвы; процессія эта двигалась изъ театра въ театръ, въ циркъ... только послѣдній пунктъ изъ программы не былъ выполненъ, благодаря вліянію полиціймейстера: манифестанты направились къ одному „тоже увеселительному учрежденію", но полиціймейстеръ сказалъ: „тамъ безатрвественно". Хожденіе это продолжалось до часу ночи. Публика, стоявшая по сторонамъ, смѣялась и говорила: „это не то, что вчера". На вопросъ одной женщины „что это такое?" городовой отвѣтилъ: „это, такъ, дураки какіе-то!" Не трудно понять, что эта патріотическая манифестація подлила масла въ огонь. Раздраженіе въ публикѣ росло. „Имъ можно, а намъ нельзя", говорили рабочіе. Впрочемъ, самъ фактъ вызывалъ много недовѣрія даже въ патріотически настроенныхъ обывателяхъ; извѣстны случаи, что полицейскіе надзиратели утромъ еще приглашали на „манифестацію". Говорятъ, что участниками платили по трехгривенному.

Возвратимся, однако, къ слухамъ о необходимости общей демонстраціи во что бы то ни стало. Пущена была того же имѣнія и готовилась къ настоящей революціи: двѣ сотни казаковъ стянуто наготовѣ во дворахъ, ближайшихъ къ центральнымъ улицамъ; кромѣ этого, въ казармахъ много пѣхоты было приготовлено къ охранѣ въ „нужную" минуту арсеналовъ, тюремъ и т. п.

Организація, между тѣмъ, готовилась. На предстоявшее субб-ту 6 ноября назначенъ былъ въ актовомъ залѣ университета засѣданіе Юридическаго Общества, среди прочихъ вопросъ подлежалъ обсужденію предложеніе совѣта названнаго общества послать привѣтственную телеграмму нашему „весеннему Дажд-бгу — Святополкъ-Мирскому. Долженъ напомнить, что этотъ день совпалъ съ предполагавшимся днемъ открытія земскаго съѣзда. Рѣшено было воспользоваться этимъ засѣданіемъ и обратить его въ народный митингъ. Намъ представлялся прекрасный случай открыто заявить наше отношеніе къ той вакханаліи либерализма, въ которой такъ ясно проявляется крайняя степень политической безправственности „вождей" такъ называемаго общества. О техническихъ мѣрахъ приготовленія распространяться не буду.

На засѣданіе собралось много публики и не мало организованныхъ пролетаріевъ (свыше двухсотъ), приглашать больше было трудно: большею частью, рабочіе стѣснялись идти въ такое парадное собраніе; и сверхъ того, университетскіе церберы были можетъ, по внушенію свыше отъ кого набудь изъ Совѣта общества[1]), многимъ не дали исполнять свои обязанности: „мужиковъ не пускать!" Зала была биткомъ набита... Для чего спрашивается, напялъ эта публика? Что тебя сюда манило: гражданская доблесть или крайняя степень любопытства? Въ всякомъ случаѣ, рабочими и революціонерами руководилъ мотивъ перваго характера, и они пришли, готовые на все, съ чѣмъ у насъ связано выраженіе своего гражданскаго мужества. Всѣдо нихъ ораторы говорили о варшавскомъ разстрѣлѣ демонстрантовъ. Но ни у кого ни одинъ на тонъ голосъ не поколебался и не дрогнулъ, — только повторяли: „ну, что-жъ?" Значитъ, надъ бытъ тверже; мы не студенты, мы рабочіе; намъ непристойно разбираться предъ свистомъ нагаекъ.

Засѣданіе началось. Предсѣдатель, профессоръ Гредескулъ предложилъ чтеніе телеграммы вѣнчное слово. Красиво, но не съ ораторскимъ, а съ педагогическимъ искусствомъ, онъ сталъ говорить о нынѣшнемъ положеніи. Настаетъ моментъ, говорилъ онъ, когда въ каждомъ гражданинѣ должны проснуться его долгъ и обязанность передъ родиной; не надо ждать, что скажутъ другіе", надо спрашивать, что долженъ дѣлать я? И здѣсь полнаго проявленія мужества, надо руководиться только послѣднимъ критеріемъ. Переходя въ область повѣствовательную, онъ разъяснялъ мысль, что, пойдетъ-ли наше правительство дальше по тому пути, на который оно вступило, съ назначеніемъ Святополка или нѣтъ, но послѣдній, во всякомъ случаѣ, вписалъ нашу эпоху свѣтлыми красками въ лѣтопись нашего отечества. Далѣе, онъ много (не менѣе, чѣмъ того требовалось примѣрительно къ подлости распространялся о томъ, что у насъ въ настоящій моментъ существуетъ *фактическая* свобода слова. Телеграмма, послѣ достаточнаго воскуренія ѳиміама, выражаетъ пожеланіе... „закрѣпить созданное имъ, министромъ, и должно правовыми нормами".

Поднимается кто-то изъ членовъ общества и проситъ слова. Слово дается, но не ему, а предсѣдателю. Послѣдній исчерпалъ всѣ средства логики, софизмовъ и очи насыта, чтобы не допустить преній, и побудить принять телеграмму единогласно, „для внушительности". Но оппоненты все-таки нашлись. Когда тотъ же Гредескулъ, прорицатель гражданскихъ добродѣтелей, ставитъ на балотировку вопросъ: допустить-ли пренія по поднятому вопросу?.. (sic), т. е. дать ли оппозиціи высказаться о телеграммѣ или же принятіемъ его, предсѣдатель, предположенія, считать ее единогласно принятой? „Кто за этому поводу просу слова", заявляетъ просившій ранѣе слова. — „Собраніе можетъ высказаться тоже единогласно, но за другую редакцію текста". Гредескулъ говоритъ, что, при выработкѣ текста совѣтъ принялъ во вниманіе и меньшинство общества и высказался въ такой формѣ, чтобы тѣ не сказали, что ихъ мнѣнія не высказаны (читаетъ мѣсто телеграммы о „закрѣпленіи правовыми нормами"). Пренія и препирательства предъ лежатся. Оппоненты заявляетъ, что, если бъ во всѣхъ парламентахъ, къ которымъ предсѣдатель приравнялъ настоящее собраніе, руководились такого рода пріемами, то всюду большинство могло бы надѣяться на меньшинство удру, превосходящую даже крайніе предѣлы цензурныхъ обычаевъ. Предсѣдатель „тотъ докладъ нашелъ софистическимъ, такъ какъ его, де, оппозиція пріемнымъ ни въ коемъ случаѣ не является покушеніемъ на свободу выраженія мнѣній; на оборотъ, его предложеніе домогается придать *объединяющему* всѣхъ единомыслію внушительный характеръ *единодушія*. Нужно замѣтить, что каждое „слово" предсѣдателя и оппонента награждалось — и здѣсь въ каждомъ случаѣ, безъ исключенія, во вторыхъ — аплодисментами. Ставится на балотировку вопросъ: принимается-ли предложеніе предсѣдателя, т. е. принятія телеграммы безъ преній? Залъ наэлектризовывается. Да; нѣтъ; нѣтъ... опять да и т. д. По тону, съ которымъ произносились отвѣты, можно было прочесть психическое состояніе говорившаго. „Ни въ коемъ случаѣ, голосуетъ одинъ, и то его адресу раздается долго несмолкающій единодушный громъ аплодисментовъ. Въ результатѣ балотировка дастъ 15 за, 29 нѣтъ. Начинаются пренія. Слово просятъ 8 человѣкъ. Одинъ за другимъ, ораторы въ томъ или иномъ смыслѣ высказываются противъ посылки. Одинъ развиваетъ мысль, что выраженное нами довѣріе есть наше право, а благодарить можно за то, что гарантія: позаботится ли министръ учесть о довѣріи общества къ нему? и т. д. Другой приходитъ къ выводу, что нераумно, недостойно общественныхъ дѣятелей и унизительно расточать хвалу тому, кого мы попрощать не смѣемъ. Рѣчь, произнесенная третьимъ ораторомъ, обстоятельнѣе предъидущихъ. „Въ чемъ наша культурность, за которую такъ привлагательно онъ говорилъ) мы причисляемъ себя къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ? Путешественники, проѣзжая по культурнымъ странамъ, дѣйствительно видятъ выраженіе общественнаго мнѣнія. Во Франціи велется страшная борьба съ конгрегаціями, съ клерикализмомъ; въ Англіи—борьба съ имперіализмомъ; въ Америкѣ— съ трестами, и только, профажая Россію, мы встрѣчаемъ всеобщее диковаше". Каждый разъ рѣчь эта прерывалась громкими аплодисментами и всеобщими одобреніи. „Что дастъ намъ право радоваться? Лучшая часть русскаго обще тва скитается за-границей, составляя тамъ цвѣтъ ученаго міра, украшая своими именами западно-европейскіе университеты; другая группа лучшей части нашего общества, болѣе многочисленная первой, пробаетъ въ полярныхъ странахъ, въ тундрахъ далекой Якутіи. Развѣ наши дѣти освобождены отъ всѣхъ этихъ несчастій? Во всемъ ли этомъ наша культура?" Громъ апплодисментовъ и бурные браки одобренія. Ораторъ кончилъ; не успѣлъ еще заговорить слѣдующій, какъ рукоплещетъ летятъ со всѣхъ сторонъ предложенія за подписью Харьковскаго Комитета и карточки съ печатью съ возгласами: „долой войну! долой самодержавіе! да здравствуетъ учредительное собраніе! Публика начинаетъ ловить, бросая взглядъ въ другую сторону; такъ продолжалось съ минуту, но она казалась бесконечной. Поднялся Гредескулъ, однако что захлебывавшійся отъ „фактической свободы слова", и тамъ перекрычать всѣхъ, заявляетъ, „что не находитъ словъ достаточнаго выраженія негодованія по поводу только что происшедшаго". Кажется, онъ даже имѣлъ дерзость занять отъ имени членовъ Совѣта или даже „общества". Вой и свистъ покрываютъ его слова. „Долой предсѣдателя! Стыдно! Берите слова обратно!" слышатся со всѣхъ сторонъ. Предсѣдатель не унимается и кричитъ на всю залу: „если тѣ, которые это сдѣлали, честные и порядочные люди, пусть она добровольно удалятся". Эта провокаторская выходка подняла бурю негодованія. Вой и свистъ доходятъ до апогея. Предсѣдатель объявляетъ собраніе закрытымъ и часть „общества" удаляется. Шумъ не прекращается; тогда на стулъ всакаиваетъ товарищъ и объявляетъ настоящее собраніе народнымъ митингомъ; среди шума онъ начинаетъ произносить рѣчь, объявивъ себя членомъ Р. С.-Д. Р. П. Публика начинаетъ окружать его и слушать. Ораторъ приглашаетъ гражданъ вникнуть въ нынѣшнее положеніе вещей. Можно-ли считать поведеніе нынѣшняго министра первымъ шагомъ правительства къ измѣненію режима? Въ то время, какъ онъ платоническія выражаетъ довѣріе общественнымъ силамъ, жандармская и общая полиція оффиціально объявляются, но, на самомъ дѣлѣ послѣдняя подчиняется первой, а начальникъ жандармъ вручается власть министра. Зѣрская Китайская политика по отношенію къ ссыльнымъ революціонерамъ поощряется новымъ весеннимъ богомъ; въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ происходитъ наглое избіеніе демонстрантовъ; въ Варшавѣ демонстрантовъ разстрѣливаютъ. Среди не совсѣмъ прекращавшагося шума (публика суетилась и никакъ не могла успокоиться, а между отдѣльными членами происходила перебранка) нельзя было разобрать все, что говорилъ ораторъ. Въ концѣ своей рѣчи онъ предложилъ собранію резолюцію, выработанную Харьковскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П и принятую передовыми кружками рабочихъ. Резолюція была принята очень оружными апплодисментами.

Затѣмъ началось пѣніе Марсельезы. Публика выходила очень долго, такъ какъ за залѣ имѣется единственный выходъ, а надо было исколько сотъ человѣкъ. Тѣмъ временемъ, у зданія университета скоплялись и вновь приходившіе. Около университета рабочіе вчажинули красное знамя[1]) и двинулись по главнымъ улицамъ. Подъ знаменемъ шли, конечно, не только рабочіе, были и студенты и частная публика такъ или иначе примыкавшая къ организаціи. Всего подъ знаменемъ шло ни въ коемъ случаѣ не меньше 500 человѣкъ. Шествіе продолжалось до главныхъ улицъ, гдѣ шли часъ. Пѣли пѣсни разныя: Варшавянка, Красное Знамя, Гробъ пала. Вольге всего, Марсельеза. Были возглашаемы: Да здравствуетъ Россійская Республика, Учредительное Собраніе, Р. С.-Д. Р. П., Долой и т. д.* Врюмили и про освобожденныя недавно В. Фигнеръ, Ашенбренера и В. Иванова. Сначала полиціи было совсѣмъ мало, но потомъ она все увеличивалась и не нападать не смѣла, а войска подъ руками не было. Полиціейскіе только покорительно просили „хотъ не кричать". Они попробовали было устроить нѣсколько полицейскихъ, но ее кончено, прорвали. Казаки явились уже единомъ поздно. Когда стали ра ходиться, полицейскіе стали нападать на отдѣльныхъ лицъ и вымещать всю злобу бѣсилия, особенно усердно помогали стоявшіе въ сторонѣ съ дубинами шпики. Бросились они потомъ по улицамъ, но такъ какъ много публики шло изъ театровъ, то нападало большею частью, непричастные люди: ихъ то сильно избивали и арестовывали.

Ночью были обыски и аресты. Арестованы: раб. Ласкинъ и инт. Верховскій послѣдній долго на улицѣ и сильно избитъ.

Ждемъ вѣсти объ организаторахъ.

Екатеринодаръ. Демонстрація въ городской думѣ. Нашъ мирный городъ, до сихъ поръ только слабо реагировавшій на все, хотя сколько-нибудь выдающееся на предѣлы узко обывательскихъ жизненныхъ интересовъ, зашевелился, отразился отъ дремоты и проявилъ нѣкоторый интересъ къ политическимъ событіямъ. Какъ будто въ самую середину болота упалъ камень, всколыхнулась застоявшаяся вода и пробудила отъ спячки всякихъ мирно проводившихъ жабъ, лягушекъ, головастиковъ и тому подобную болотную тварь. Плескъ и шумъ паденія до-

---

[1]) № 198 Посл. Изв. кор. изъ Двинска.

[2]) Ibid. курсивъ подлинника.

[3]) Польская соціалъ-демократія не ограничиваетъ рамокъ своей дѣятельности рамками національности *(Прим. ред.)*.

[4]) См. Посл. Изв. № 196.

[1]) Дѣло въ томъ, что до Совѣта дошли глухіе слухи о томъ, что Комитетъ что-то замышляетъ. По крайней мѣрѣ, въ субботу утромъ Комитетъ былъ присланъ ультиматумъ: „если до 3 ч. часовъ дня Комитетъ не пришлетъ объясненія, что „ничего не будетъ", засѣданіе не состоится". Комитетъ, конечно, ничего не отвѣтилъ.

[1]) Надписи: Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ учредительное собраніе! Р. С.-Д. Р. П.

А теперь, когда мы присутствуем при начинающемся крушении самодержавія, когда всѣ общественныя силы организуются и вырабатываютъ свои политическіе лозунги, свои методы политической борьбы, болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо приложить всѣ усилія, чтобы и пролетаріатъ выступилъ въ качествѣ объединенной, сознательной и самостоятельной *классовой* силы...

НАСТОЯЩІЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ И ЗАДАЧИ СОЦ.-ДЕМ. НА ОКРАИНАХЪ.

(Письмо въ редакцію).

Готовясь войти въ какую-нибудь политическую сдѣлку со имущими классами, самодержавіе стремится продать имъ за возможно большую цѣну кроху народной свободы. Исходя и изъ дальнѣйшаго изъ того же принципа, самодержавное правительство постарается воспользоваться пестротою національнаго состава Россіи. При первыхъ признакахъ демонстрацій и массовыхъ протестовъ, правительство постарается дискредитировать движеніе рабочихъ или, что еще гораздо хуже, постарается охарактеризовать общую волну народнаго возмущенія, какъ бунтъ поляковъ, евреевъ, армянъ etc.. Что правительство это уже предпринимаетъ, мы видѣли въ самое послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ нарядъ съ, милостивыми" словами Святополка Мирскаго, обращенными къ еврейской депутаціи въ Вильнѣ объ волнѣ еврейскихъ погромовъ, прокатившаяся по Сѣверо-Западному краю? Власти стараются свалить вину на записныхъ, но сущность отъ этого не мѣняется, и, кромѣ того, законные приходили и доканчивали то, что начато было „мѣстными людьми". Не запасные же, въ самомъ дѣлѣ, выпускали прокламаціи въ Двинскѣ съ призывомъ бить „жидовъ"[1]). Не запасные были инициаторами погрома и въ Могилевѣ, гдѣ полицеймейстеръ Родіоновъ „въ субботу въ полицейскомъ управленіи доказывалъ запаснымъ, *что необходимо убить демократовъ евреевъ*"[2]).

Старый испытанный методъ! И горе демократическихъ требованій пролетаріата, если политика правительства будетъ имѣть успѣхъ, но во сто кратъ сильнѣе отзовется этотъ успѣхъ на *классовой организаціи* рабочихъ, и это намъ необходимо постоянно имѣть на каждомъ шагу въ нашей теперешней агитаціи. Необходимо возможно шире и глубже распространять ту желательную истину политики рабочаго класса, что порабощеніе какой-бы то ни было соціальной группы противорѣчитъ его истиннымъ интересамъ, и что всякій изъявъ въ демократической конституціи будущей Россіи, по отношенію къ какой-нибудь національности, явится изъявомъ въ свободѣ всего русскаго народа и, прежде всего,—пролетаріата. И первый ударъ, который соц.-дем. нанесетъ указанной политикѣ самодержавія, будетъ наиболѣе тѣсное объединеніе россійскаго рабочаго класса. Такое объединенное общероссійское движеніе рабочаго класса нельзя будетъ назвать „бунтомъ" евреевъ и поляковъ. Характерно, что правительство предприняло на этотъ разъ погромы въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ, въ виду существующаго сильнаго движенія только среди еврейскаго пролетаріата, является возможность слиянія въ сознаніи темной массы рабочихъ-громилъ понятій „демократъ" и „еврей бунтарь". Я беру тотъ же № Посл. извѣстій цитированный мною выше, и въ весьма подробной корреспонденціи изъ Одессы читаю описаніе отчаянія и горя запасныхъ, ихъ чувства, но ни слова о разгромѣ евреевъ.

Намъ необходимо общероссійское движеніе, охватывающее пролетаріатъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію отъ Рыги до Тифлиса и отъ Варшавы до Москвы. Но какъ это сдѣлать? И развѣ объ этомъ не говорилось много разъ? Да, но, къ сожалѣнію, *только* говорилось. Теперь насталъ тотъ моментъ, когда всякаго рода разговоры должны превращаться въ дѣло. Объединеніе рабочаго движенія должно произойти въ такихъ тѣсныхъ организаціонныхъ рамкахъ, которыя дадутъ возможность объединить *дѣятельность*, придать ей планомѣрность, расширить сферу вліянія соціалъ-демократіи въ Россіи увеличить, тѣмъ самымъ, силу натиска пролетаріата на цитадель царизма. Каждая потерянная минута въ данномъ направленіи дастъ лишній козырь въ руки Россійской реакціи. И этотъ вопросъ объединенія въ конкретной формѣ возстаетъ на первомъ планѣ предъ нѣкоторыми окраинными организаціями, какъ Бундъ, Партія С.-Д. въ Польшѣ и Литвѣ [3]), Латышскій Соц.-Дем. etc., которыя ограничили свою дѣятельность рамками *своей* національности, раздробляя, такимъ образомъ, общерусскую работу. На сущіе, чѣмъ для кого бы то ни было, *является* необходимость объединенія для еврейскихъ рабочихъ, и легче, чѣмъ кому бы то ни было, сдѣлать первый шагъ въ данномъ направленіи организованному еврейскому пролетаріату. Я говорю, что для него это насущная необходимость потому, что онъ всегда служилъ тѣмъ козломъ отпущенія, на которомъ русское правительство, пользуясь отсталостью окружающаго населенія, старалось выместить свою ненависть къ рабочему движенію, во-первыхъ, и указать его во-вторыхъ. Отсутствіе въ районѣ Бунда сплоченной силы сорганизованнаго еврейскаго пролетаріата помогло въ данномъ случаѣ русскому самодержавію. И внѣ всякаго сомнѣнія (это можетъ подтвердить всякій практикъ бундовскаго района), что организаціонное отдѣленіе Бунда отъ Партіи превращеніе его въ самостоятельную, самодовлѣющую организацію имѣло для еврейскаго пролетаріата самое отрицательное значеніе, достаточнымъ доказательствомъ того служитъ широкое недовольство политикой Бунда въ слояхъ еврейской массы, и та жадность, съ которой она прислушивается къ партійной агитаціи въ здѣшнемъ краѣ. Какъ много сталкивавшійся съ еврейской и нееврейской массой въ Сѣверо-Западномъ краѣ, я могъ лишь указать на тотъ несомнѣнный фактъ, что организаціонный сепаратизмъ Бунда и нѣкоторыхъ другихъ организаціи ни въ какомъ случаѣ не идетъ „снизу", даже наоборотъ, мнѣ постоянно приходилось наталкиваться на тотъ же вопросъ, „не ужели мы не можемъ бороться въ рядахъ Партіи, вмѣстѣ съ русскими товарищами"? Вы можете постоянно услышать здѣсь жалобы сознательнаго пролетарія на отсутствіе работы среди „христіанъ"; косность послѣднихъ особенно чувствительна еврейскому пролетаріату далеко ушедшему въ своей классовой сознательности. А что здѣсь есть громадная почва для работы и что при самой умѣренной дѣятельности, здѣсь можно имѣть успѣхъ, показала небольшая практика мѣстнаго партійнаго комитета. Недолгая дѣятельность, напримѣръ, витебской группы дала возможность выставить въ Витебскѣ защиту изъ христіанскихъ рабочихъ[4]), и я твердо убѣжденъ, что, существуй въ Литвѣ болѣе или менѣе сильное организованное движеніе среди христіанъ, оно давно слѣлалось бы ареной демонстрацій, а въ настоящій моментъ не было бы возможности погромовъ во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ. И этотъ моментъ, который требуетъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ, неустанно говоритъ намъ о необходимости уничтоженія всякаго сепаратизма въ нашихъ рядахъ и работѣ въ тѣхъ слояхъ пролетаріата, которые, оставаясь нетронутыми, грозятъ нанести серіозный ударъ рабочему классу Россіи. Всякое отграниченіе себя, въ силу своихъ узко національныхъ интересовъ, отъ общерусскаго движенія *въ данный моментъ* является преступнымъ, во-первыхъ, по отношенію къ классовой борьбѣ пролетаріата, а во вторыхъ, по отношенію къ демократическому русской конституціи.

Не находя причинъ, которыя мѣшали бы вступленію П. С. Д. въ нашу Партію, и думая, что оно не застанетъ себя ждать, я выражаю свое убѣжденіе въ томъ, что и Бундъ могъ бы найти мѣсто для себя, который далъ бы возможность ему вступить въ Партію, конечно, на условіяхъ, непротиворѣчащихъ основнымъ организаціоннымъ партійнымъ принципамъ, санкціонированнымъ II съѣздомъ. И первое что необходимо было предпринять при такомъ объединеніи, это возможно широкая агитація среди нееврейскаго пролетаріата въ районѣ его дѣятельности, такимъ образомъ, фактически, а не только уставно, слить движеніе еврейскихъ и нееврейскихъ рабочихъ въ одно русло. И если очевидность этого слиянія не ясна *сергалъ* Бунда, то обязанность нашей Партіи обратиться къ еврейскому пролетаріату съ широкой агитаціей и литературой на еврейскомъ языкѣ, разъясняя сущность переживаемой минуты и вызываемую ею необходимость разбить организаціонныя перегородки, искусственно сковывающія силы еврейскихъ рабочихъ. То радушіе, съ которымъ послѣднія встрѣтили нашу дѣятельность вплоть, служитъ намъ гарантіей, что этотъ призывъ не останется безплоднымъ.

Товарищъ изъ Литвы.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Пролетарскія демонстраціи.

Въ легальныхъ газетахъ только глухо промелькнули извѣстія о ниже сообщаемыхъ демонстраціяхъ, которыя, повидимому стоило стать исходными пунктомъ открытаго выступленія сознательнаго пролетаріата. Если въ Одессѣ голосъ сознательныхъ рабочихъ на первой демонстраціи еще до извѣстной степени терялся въ общедемократическомъ хорѣ (только до извѣстной степени, вѣдь благодаря, разумѣется, многочисленности рабочихъ-соціалъ-демократовъ, и эта демонстрація стала, вѣдь съ тѣмъ, оваціей и честь нашей партіи, то въ Харьковѣ, во *второй* одесской демонстраціи, (по слухамъ), и въ Саратовѣ) и особенно Екатеринодарѣ нашимъ товарищамъ удалось показать „обществу", что они дѣйствуютъ, какъ самостоятельная партія, чувствующая себя способной оказать вліяніе на ходъ событій и пытающаяся сдѣлать это. Отмѣчаемъ, со словъ харьковскихъ и екатеринодарскихъ товарищей, какъ сочувственно отнеслись рабочіе къ идеѣ демонстраціи новаго типа.

Харьковъ. Послѣ неудавшагося студенческаго митинга съ демонстраціей и весьма удачнаго избіенія демонстрантовъ, въ городѣ стали ходить слухи, что „Комитетъ" на днях устроитъ демонстрацію рабочихъ со студентами. Слухи эти ни на какихъ фактическихъ данныхъ не были основаны. Всѣ только понимали, что „это такъ должно быть", разъ студентамъ не удалось тамъ болѣе, что эти неудачившіяся успѣхомъ попытки все же имѣли импозантный видъ. Но вотъ одно какъ будто достоточное обстоятельство, дѣйствительно, сдѣлало необходимымъ выступить съ категорическимъ заявленіемъ своихъ гражданскихъ чувствъ. На слѣдующій день послѣ неудавшейся попытки студентовъ, кучка „патріотовъ", во главѣ съ четырьмя назначенными и эскортируемая пѣлымъ отрядомъ агентовъ явной и тайной полиціи, взумала контръ-манифестировать: носили по улицамъ портретъ Николая Послѣдняго, пѣли гимнъ, молитвы; процессія эта двигалась изъ театра въ театръ, въ цирки... только послѣдній пунктъ ихъ программы не былъ выполненъ, благодаря вліянію полиціймейстера: манифестанты направились къ одному тоже увеселительному учрежденію, но полиціймейстеръ сказалъ: „тамъ безчувственно". Хожденіе это продолжалось до часу ночи. Публика, стоявшая по сторонамъ, смѣялась и говорила: „это не то, что вчера". На вопросъ одной женщины: „что это такое?" городовой отвѣтилъ: „это, такъ, дураки какіе-то!" Не трудно понять, что эта патріотическая манифестація подлила масла въ огонь. Раздраженіе въ публикѣ росло. „Имъ можно, а намъ нельзя", говорили рабочіе. Впрочемъ, самъ фактъ вызывалъ много недовѣрія даже въ патріотически настроенныхъ обывателяхъ; извѣстны случаи, что полицейскіе надзиратели утромъ еще приглашали на „манифестацію". Говорятъ, что участниками платили по трехрублевому.

Возвратимся, однако, къ слухамъ о необходимости общей демонстраціи во что бы то ни стало. Полиція была того же мнѣнія и готовилась къ настоящей революціи: двѣ сотни казаковъ стояли наготовѣ во дворахъ, ближайшихъ къ центральнымъ улицамъ; кромѣ этого, въ казармахъ много пѣхоты было приготовлено къ охранѣ въ „нужную" минуту арсеналовъ, тюремъ и т. п.

Организація, между тѣмъ, готовилась. На предстоявшую субботу 6 ноября назначено было въ актовомъ залѣ университета засѣданіе Юридическаго Общества; среди прочихъ вопросовъ подлежало обсужденію предложеніе совѣта названнаго общества послать привѣтственную телеграмму нашему „весеннему" Дажь-богу — Святополкъ-Мирскому. Долженъ напомнить, что этотъ день совпалъ съ предполагавшимся днемъ открытія земскаго съѣзда. Рѣшено было воспользоваться этимъ засѣданіемъ и обратить его въ народный митингъ. Намъ представлялся прекрасный случай открыто заявить наше отношеніе къ той вакханаліи либерализма, въ которой такъ ясно проявляется крайняя степень политической безправственности „вождей" такъ называемаго общества. О техническихъ мѣрахъ приготовленій распространяться не буду.

На засѣданіе собралось много публики и не мало организованныхъ пролетаріевъ (свыше двухсотъ), приглашать больше было трудно: большею частью, рабочіе стѣснялись идти въ такое парадное собраніе; и сверхъ того, университетскіе церберы быть можетъ, по внушенію свыше отъ кого нибудь изъ Совѣта общества [1]), многимъ не дали использовать свою рѣшимость: „мужиковъ не пускать!" Зала была биткомъ набита. Для чего спрашивается, явилась эта публика? Что ее сюда манило? Гражданская доблесть или крайняя степень любопытства? Въ всякомъ случаѣ, рабочими и революціонерами руководящаго характера, и они пришли, готовые на все, съ чѣмъ у насъ связано выраженіе своего гражданскаго мужества. Всѣхъ ихъ среди говорили о варшавскомъ разстрѣлѣ демонстрантовъ. Но ни у кого ни одинъ на тонъ голосъ не поколебался и не дрогнулъ, — только повторяли: „ну, что-жъ? Значитъ, надобрать твердже; мы не студенты, мы рабочіе; намъ непристойно разбѣгаться предъ свистомъ нагаекъ".

Засѣданіе началось. Предсѣдатель, профессоръ Гредескулъ предослалъ чтенію телеграммы вводное слово. Красиво, но не съ ораторскимъ, а съ педагогическимъ искусствомъ, онъ сталъ говорить о нынѣшнемъ положеніи. Насталъ моментъ, говорилъ онъ, когда въ каждомъ гражданинѣ должны пробудиться его долгъ и обязанность перелъ родиной; не надо ждать, что скажутъ другіе"; надо спрашивать, что долженъ дѣлать я? И для полнаго проявленія мужества, надо руководиться только послѣднимъ критеріемъ. Переходя въ область повѣствовательную, онъ развивалъ мысль, что, пойдетъ-ли наше правительство дальше по тому пути, на который оно вступило, съ назначеніемъ Святополка или нѣтъ, но послѣдній, во всякомъ случаѣ, вписалъ нашу эпоху свѣтлыми красками въ лѣтопись нашего отечества. Далѣе, онъ много (не менѣе, чѣмъ того требовалось примѣрительно къ подлости) распространялся о томъ, что у насъ въ настоящій моментъ существуетъ *фактическая* свобода слова. Телеграмма, послѣ достаточнаго воскуренія ѳиміама, выражаетъ пожеланіе... „закрѣпить созданное имъ, министромъ, положеніе правовыми нормами".

Поднимается кто-то изъ членовъ общества и проситъ слова. Слово дается, но не ему, а предсѣдателю. Послѣдній исчерпалъ всѣ средства логики, софизмовъ и почти насилія, чтобы не допустить преній, и побудить принять телеграмму единогласно, „для внушительности". Но оппоненты все-таки слова. Тогда тотъ же Гредескулъ, прорицатель гражданскихъ добродѣтелей, ставитъ на баллотировку вопросъ: допустить-ли пренія по поднятому вопросу? (sic). т. е. дать ли основаніе высказаться о телеграммѣ или же принятіемъ его, предсѣдатель, предложеніе, считать ее единогласно принятой? „И по этому поводу прошу слова", заявляетъ просившій ранѣе слова. — „Собраніе можетъ высказаться тоже единогласно, но за другую редакцію текста". Гредескулъ говоритъ, что при выработкѣ текста совѣтъ принялъ во вниманіе и мнѣніе меньшинства общества и высказался въ такой формѣ, чтобы тѣ не сказали, что ихъ мнѣнія не высказаны (читаетъ мѣсто телеграммы о „закрѣпленіи правовыми нормами"). Пренія и препирательства продолжаются. Оппоненты заявляютъ, что, если бы во всѣхъ парламентахъ, къ которымъ предсѣдатель приравнялъ настоящее собраніе, руководились такого рода пріемами, то всюду большинство могло бы налагать на меньшинство узду, прекращающую даже крайніе предѣлы цензурныхъ обычаевъ. Предсѣдатель „тотъ долгъ нашелъ софистическимъ, такъ какъ его, де, опасенія преніями ни въ какомъ случаѣ не является покушеніемъ на свободу выраженія мнѣній; на оборотъ, его предложеніе доказатель-ствуетъ противное. Нужно замѣтить, что каждое „слово" предсѣдателя и оппонента награждалось въ перемѣнъ случаѣ апплодисментами, во второмъ — апплодисментами. Ставится на баллотировку вопросъ: принимается-ли предложеніе предсѣдателя, т. е. принятія телеграммы безъ преній? Залъ единогласно поднялся. Да; нѣтъ; нѣтъ... опять да и т. д. Что тому, съ которымъ происходилъ отвѣтъ, можно было прочесть психическое состояніе говорившаго. „Ни въ комъ случаѣ, голосуетъ одинъ, и то его адресу раздается долго несмолкающій единодушный громъ апплодисментовъ. Въ результатѣ баллотировка дала 15 за, 29 нѣтъ. Начинаются пренія. Слово просятъ 8 человѣкъ. Одинъ за другимъ, ораторы въ томъ или иномъ смыслѣ высказываются противъ посылки. Одинъ развиваетъ мысль, что выраженіе нашихъ довѣріе есть наше право, а благодарить можно за то, что дарится; позаботятся ли министръ узнать о довѣріи общества къ нему? и т. д. Другой приходитъ къ выводу, что неразумно, недостойно общественныхъ дѣятелей и унизительно расточать хвалу тому, кого мы обрящать не смѣемъ. Рѣчь, произнесенная третьимъ ораторомъ, обстоятельнѣе предъидущихъ. „Въ нашей наша культурность, за которую (такъ прибавленію онъ говорилъ) мы причисляемъ себя къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ? Путешественникъ, профажая по культурнымъ странамъ, дѣйствительно видитъ выраженія общественнаго мнѣнія. Во Франціи велется страшная борьба съ конгрегаціями, съ клерикализмомъ; въ Англіи—борьба съ индеферентизмомъ; въ Америкѣ—съ трестами, и только, профажая Россію, мы встрѣчаемъ всеобщее диканіе". Каждый разъ рѣчь эта прерывалась громкими апплодисментами и возгласами одобренія. „Что даетъ намъ право радоваться? Лучшая часть русскаго общества скитается за-границей, составляя тамъ цѣлую ученаго міра, украшая своими именами западно-европейскіе университеты; другая группа лучшей части нашего общества, болѣе многочисленная сервей, погибаетъ въ полярныхъ странахъ, въ тундрахъ далекой Якутіи. Развѣ наши дѣти освобождены отъ всѣхъ этихъ несчастій? Во всемъ ли этомъ наша культура?" Громъ апплодисментовъ и бурные крики одобренія. Ораторъ кончилъ; не успѣлъ еще затихнуть ли дующій, вдругъ рикошетомъ летятъ со всѣхъ сторонъ предложенія за подписью Харьковскаго Комитета и карточки съ печатью „за возглавы: „долой войну! долой самодержавіе! да здравствуетъ учредительное собраніе!" Публика начинаетъ ломать, бросая взглядъ въ другую сторону; такъ продолжалось съ минуту, но она казалась бесконечной. Послышался Гредескулъ, только что захлебывавшійся отъ „фактической свободы слова", и тарантъ перекрытъ всѣхъ, заявляетъ, что не находитъ словъ для достаточнаго выраженія негодованія по поводу только что провозвѣщаго". Кажется, онъ даже нѣкоторое заявить что отъ имени членовъ Совѣта или даже „общества". Вой и свистъ покрываютъ его слова. „Долой предсѣдателя! Стыдно! Берите слова обратно!" слышатся со всѣхъ сторонъ. Предсѣдатель не унимается и кричитъ на всю залу: „если тѣ, которые его сдѣлали, честные и порядочные люди, пусть она добровольно удалюются". Эта провокаторская выходка подняла бурю негодованія. Вой и свистъ доходятъ до апогея. Предсѣдатель объявляетъ собраніе закрытымъ и часть „общества" удаляется. Шумъ не прекращается; тогда на стулъ всканивается товарищъ и объявляетъ настоящее собраніе народнымъ митингомъ; среди шума онъ начинаетъ произносить рѣчь, объявивъ себя членомъ С.-Д. Р. П. Публика начинаетъ окружать его и слушать. Ораторъ приглашаетъ гражданъ вникнуть въ нынѣшнее положеніе вещей. Можно-ли считать поведеніе нынѣшняго министра первымъ шагомъ правительства къ измѣненію режима? Въ то время, какъ онъ платоническія выражаетъ довѣріе общественныхъ силамъ, жандармская и обшая полиціи оффиціально объявляются, но, на самомъ дѣлѣ, послѣдняя подчиняется первой, а начальнику жандармовъ вручается власть министра. Зверская Китайская политика по отношенію къ ссыльнымъ революціонерамъ поощряется новымъ весеннимъ бюромъ; въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ происходитъ наглое избіеніе демонстрантовъ; въ Варшавѣ демонстрантовъ разстрѣливаютъ. Среди не совсѣмъ прекратившагося шума (публика устала и никакъ не могла успокоиться, а между отдѣльными лицами происходила перебранка) нельзя было разобрать все, что говорилъ ораторъ. Въ концѣ своей рѣчи онъ предложилъ собранію резолюцію, выработанную Харьковскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П. и принятую переполнымъ кружками рабочихъ. Резолюція была принята очень дружными апплодисментами.

Затѣмъ началось пѣніе Марсельезы. Публика выходила очень долго, такъ какъ въ залѣ имѣется единственный выходъ, а наверху было нѣсколько сотъ человѣкъ. Тѣмъ временемъ, у зданія университета скоплялись и вновь приходившіе. Около университета рабочіе выкинули красное знамя [1]) и двинулись по главнымъ улицамъ. Подъ знаменемъ шли, конечно, не только рабочіе; были и студенты и частная публика, такъ или иначе примыкающая къ организаціи. Всего подъ знаменемъ шло ни въ комъ случаѣ не меньше 500 человѣкъ. Шествіе продолжалось (по главнымъ улицамъ) свыше часу. Пѣсни пѣлись разныя: Варшавянка, Красное Знамя, Дубинушка. Больше всего, Марсельеза. Были возгласы: „Да здравствуетъ Россійская Республика, Учредительное Собраніе, Р. С.-Д. Р. П., Долой и т. д." Вспоминали и про освобожденныхъ недавно В. Фигнеръ, Чайковскую и В. Иванова. Сначала полиція было совсѣмъ мало, но потомъ она все увеличивалась, но нападать не смѣла, а войска вовсе не было. Полицейскіе только покорнѣйше просили „хотъ не кричать". Они попробовали было устроить изъ себя подобіе цѣпи, но ее конечно, прорвали. Казаки явились уже слишкомъ поздно. Когда стали разходиться, полицейскіе стали нападать на отдѣльныхъ лицъ и вымещать всю злобу бессилія, особенно усердно помогали стоявшіе въ сторонѣ съ дубьемъ шпики. Бросились они потомъ по улицамъ, но такъ какъ много публики шло изъ театровъ, то пошлись большею частью, непріятные люди: ихъ то сильно избивали и арестовывали.

Ночью были обыски и аресты. Арестованы: раб. Ласкинъ и инт. Верховскій (послѣдній взятъ на улицѣ и сильно избитъ).

Одинъ изъ организаторовъ.

Екатеринодаръ. Демонстрація въ городской думѣ. Нашъ мирный городъ, до сихъ поръ довольно слабо реагировавшій на все, хотя сколько-нибудь выходящее за предѣлы узко обывательскихъ жизненныхъ рамокъ, зашевелился, оправился отъ спячки и проявилъ необычайный интересъ къ политическимъ событіямъ. Какъ будто въ самую середину болота упалъ камень, всколыхнулъ застоявшуюся воду и пробудилъ отъ спячки всѣхъ мирно прозябающихъ жабъ, лягушекъ, головастиковъ и тому подобную болотную тварь. Плескъ и шумъ паденія до-

---

[1]) Дѣло въ томъ, что до Совѣта дошли глухіе слухи о томъ, что Комитетъ что-то замышляетъ. По крайней мѣрѣ, въ субботу утромъ Комитету былъ присланъ ультиматумъ: „если до 3-хъ часовъ дня Комитетъ не пришлетъ объясненія, что „ничего не будетъ", засѣданіе не состоится". Комитетъ, конечно, ничего не отвѣтилъ.

[1]) На немъ: Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ учредительное собраніе! Р. С.-Д. Р. П.

---

[1]) № 198 Посл. Изв. кор. изъ Двинска.

[2]) Ibid. курсивъ подлинника.

[3]) Польская соціалъ-демократія не ограничиваетъ рамокъ своей дѣятельности рамками національности *(Прим. ред.)*.

[4]) См. Посл. Изв. № 196.

стигъ до самыхъ темныхъ, самыхъ тинистыхъ и уютныхъ угловъ; старыя, консервативныя жабы неподвижно заквакали, а либеральные головастики съ удвоенной энергіей заюлили въ пустыхъ пространствахъ самодержавнаго болота. Выступила на сцену, конечно, и цыка, облеченная въ синій жандармскій мундиръ; вдруго почавала зубами, но ничѣмъ вкуснымъ не поживилась. Роль магическаго камня сыграла демонстрація по городской думѣ 10 ноября, подготовленная Кубанскимъ Комитетомъ и удачно проведенная. Въ этой демонстраціи русскій организованный пролетаріатъ впервые встѣтился лицомъ къ лицу съ нашей либерально настроенной буржуазіей, ясно и точно формулировалъ передъ нею свою политическую позицію и указалъ этой буржуазіи, на какихъ условіяхъ она можетъ сдѣлаться союзникомъ пролетаріата въ общей борьбѣ противъ самодержавія.

Самая идея демонстраціи была встрѣчена мѣстными рабочими очень сочувственно. Сознательные рабочіе, вообще, тяготятся своей безправительностью въ такой важный историческій моментъ, какъ теперь, и съ готовностью идутъ на всякое дѣло, польза котораго для нихъ очевидна, причемъ вопросъ объ опасности предпріятія занимаетъ самое послѣднее мѣсто. А въ данномъ случаѣ крупную роль сыграло также сознаніе что предлагаемая демонстрація — еще новый шагъ въ развитіи формъ политической борьбы, а отъ степени ея удачности зависитъ, конечно, возможность дальнѣйшаго и болѣе широкаго примѣненія подобной же тактики.

Демонстрація состоялась вечеромъ, во время засѣданія думы. Залъ былъ наполненъ публикой, болѣе многочисленной, чѣмъ обычно, — причемъ среди публики случайно находился и мѣстный полицеймейстеръ. Бѣднягѣ пришлось сыграть довольно незавидную роль олицетворителя царизма, теряющаго голову подъ натискомъ неудержимо растущаго революціоннаго движенія. Начало засѣданія прошло своимъ чередомъ, и ничто, повидимому, не предвѣщало грозы въ спокойной атмосферѣ нашего, съ позволенія сказать, самоуправленія. Голова вяло докладывалъ подлежащіе обсужденію вопросы, гласные такъ же вяло ихъ рѣшали; представитель власти наслаждался всеобщимъ покоемъ. Но гроза разразилась. Въ удобный моментъ передъ столомъ гласныхъ появилась группа рабочихъ, и одинъ изъ этой группы началъ говорить рѣчь, содержаніе которой приводимъ по печатной прокламаціи, на другой же день распространенной Кишиневомъ:

„Гг. гласные! Мы явились къ вамъ, какъ представители организованнаго пролетаріата, какъ члены политической партіи, которая можетъ и должна принять участіе въ политической жизни страны. Замѣчающаяся за послѣднее время перемѣна правительственной политики, выдвигающей на смѣну полицейскому гнету министра Плеве кучу либеральныхъ обѣщаній, повліяла, вѣроятно, и на васъ, дѣятелей нашего самоуправленія. Вы знаете, чѣмъ является это самоуправленіе при самодержавныхъ порядкахъ. Вы знаете, что каждый крупный чиновникъ сильнѣе всѣхъ васъ, вмѣстѣ взятыхъ. Вы знаете, какъ часто вамъ приходится, вмѣсто дѣйствительнаго „самоуправленія“, разигрывать одну только нелѣпую и недостойную комедію. И городское и земское самоуправленіе сейчасъ же чувствуютъ тяжелую лапу самодержавія, какъ только они пытаются дѣйствительно служить интересамъ населенія

Теперь вы — представители общества — ждете либеральныхъ реформъ. Вы надѣетесь, на основаніи туманныхъ обѣщаній новаго министра, что вамъ прибавятъ политическихъ правъ, что чиновно-полицейскій произволъ, опутавшій всю страну, будетъ, если не уничтоженъ, то, по крайней мѣрѣ, ограниченъ. Погибающее самодержавіе думаетъ бросить вамъ приманку, чтобы отдалить свою гибель, она, хочетъ погасить народный протестъ, возбужденный его гнусностями и его политической неудовлетворенностью, она надѣется обмануть васъ и теперь точно такъ же, какъ не разъ обманывало!

Но теперь оно будетъ имѣть дѣло не только съ вами, представителями буржуазныхъ слоевъ общества. Оно встрѣтитъ не одинъ только робкій, безсмощный протестъ земскихъ и думскихъ дѣятелей, воспитанныхъ въ подчиненіи рабскому режиму. Оно почувствуетъ, что народилась въ Россіи новая сила, съ самаго начала своего существованія являющаяся непримиримымъ, смертельнымъ врагомъ царскаго деспотизма. Эта сила — организованный пролетаріатъ, соціалъ-демократическая рабочая партія. Добиваясь своей конечной цѣли, соціалистическаго строя, она на своемъ пути смететъ прочь съ лица земли ветхое самодержавіе, препятствующее широкому развитію ея дѣятельности.

Да, революціонный пролетаріатъ, и только онъ, избавитъ Россію отъ царскаго гнета, избавитъ и весь цивилизованный міръ отъ этого постыднаго остатка минувшаго варварства. И тотъ, кто дѣйствительно тяготится положеніемъ безправнаго, забитаго раба, кто дѣйствительно хочетъ для своего народа свободы и свѣта, — тотъ не можетъ удовлетвориться лукавыми заискиваніями царскаго министра, тотъ не можетъ ожидать, чтобы гнилое дерево самодержавія пустило свѣжіе ростки народнаго освобожденія. Только на развалинахъ трона вырастетъ наша свобода. Только тѣ, кто всецѣло принимаетъ нашу демократическую программу, могутъ надѣяться на побѣду. И мы — горсть борцовъ великой арміи труда,—зовемъ васъ за собой. Мы съ вами — представители противоположныхъ общественныхъ классовъ, но и насъ можетъ объединить ненависть къ одному и тому же врагу — самодержавному строю. Мы можемъ быть союзниками въ нашей политической борьбѣ. Но для этого вы должны оставить прежній путь смиренія, вы должны смѣло, открыто присоединиться къ нашему требованію: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ учредительное собраніе, избранное всѣмъ народомъ! Да здравствуетъ всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право!“

Вначалѣ рѣчи все встрепенулось, зашевелилось; затѣмъ развомъ притихло, и минуты двѣ царило молчаніе, нарушаемое только „преступными“ словами оратора. Затѣмъ голова произвелъ признаки жизни и попробовалъ протестовать. Между нимъ и говорившимъ товарищемъ завязался довольно горячій діалогъ. — „Что вамъ угодно?“ недоумѣваетъ голова. Ораторъ отвѣтилъ, что онъ именно и говоритъ затѣмъ, чтобы разъяснить, что нужно ему и его товарищамъ. — „Но вы не просили моего разрѣшенія!“ попробовалъ голова перейти на точку зрѣнія законности. Его поддержалъ одинъ изъ гласныхъ: „Вы бы попросили, потомъ г. голова и разрѣшилъ бы. А то что же такъ... съ нахрапу-то!“ Но голова, вопреки мнѣнію своего коллеги, поспѣшилъ заявить, что онъ „не разрѣшаетъ“. Оратору оставалось только замѣтить, что въ такомъ случаѣ онъ самъ дастъ себѣ слово, и продолжать свою рѣчь дальше. Обезкураженный отецъ города снялъ пѣнъ и объявилъ засѣданіе закрытымъ. Изъ залы, конечно, никто не вышелъ, и большинство гласныхъ осталось на своихъ мѣстахъ, въ позѣ жены Лота, гнѣвомъ Іеговы превращенной въ соляной столбъ. Рѣчь продолжалась безъ всякихъ перерывовъ и была благополучно закончена, поддержанная дружными апплодисментами. Послѣ діалога оратора съ головой, въ воздухѣ замелькали бѣлые листки: прокламаціи, заключавшія въ себѣ краткое резюме выставленныхъ въ рѣчи положеній, посыпались и среди гласныхъ и среди публики. Затѣмъ демонстранты спокойно удалились.

Бѣдный полицеймейстеръ оказался далеко не на высотѣ своего положенія и совершенно потерялъ голову, бесѣдуя *заявляя присутствующимъ*, что онъ тутъ не при чемъ, потому что онъ не болѣе, какъ зритель, а настоящій хозяинъ засѣданія — голова. Оказывается, что и для полиціи бываютъ моменты, когда ей приходится отказываться отъ своихъ прерогативъ верховной власти надъ обывателями... Только когда прошло первое сильное впечатлѣніе, представитель идеи самодержавія понемногу подобралъ свои растерянныя чувства и попросилъ гласныхъ не расходиться, такъ какъ надлежитъ составить протоколъ о преступномъ дѣяніи. Гласные, конечно, не противорѣчили, а полицеймейстеръ, собравъ тѣ прокламаціи, которыя еще остались на полу, помчался за жандармерій. Забряцала шпоры, замелькали синіе мундиры, и началась обычная россійская картина сыска. Никто изъ участниковъ демонстраціи пока еще не задержанъ. Ночью было произведено нѣсколько обысковъ, не задѣвшихъ организацію.

Вѣсть о происшествіи быстро и широко распространилась по городу, вызвавъ всевозможные толки и обсужденія, причемъ даже представители самыхъ консервативныхъ возарѣній отдаютъ должное той солидарности, съ которой дѣйствовали демонстранты, и удачной подготовкѣ всего предпріятія. Наряду съ достаточно нелѣпыми предположеніями, высказываются и вполнѣ здравыя представленія о смыслѣ событій. Соціалъ-демократическая организація признана силой, съ которой слѣдуетъ считаться.

Наши умѣренные либералы, между прочимъ, высказали довольно таки невысокій уровень политической сознательности — „Ну, какъ можно было выступить передъ нашими гласными съ такими радикальными требованіями? Слѣдовало, во всякомъ случаѣ, указать на себя, только какъ на сочувствующихъ имъ стремленіямъ къ расширенію правъ самоуправленія, а никакъ не республики требовать!“ Есть разговоры и о томъ, конечно, что революціонеры своими рѣзкими дѣйствіями только „портятъ благопріятную для реформъ атмосферу правительственныхъ вѣяній. Шутка ли: съ часу на часъ ожидается рожденіе самодержавной конституціи, при благосклонномъ содѣйствіи, въ качествѣ акушера, бывшаго шефа жандармовъ, а тутъ являются эти рабочіе и безъ всякихъ околичностей выкладываютъ свою программу. Долго ли напугать роженицу-самодержавіе? Пожалуй и родится, вмѣсто запрвской конституціи, какой-нибудь безголовый уродецъ.

Люди, имѣвшіе ранѣе о соціалъ-демократахъ такое же представленіе, какъ о жителяхъ Марса, — а такихъ у насъ, къ сожалѣнію, еще достаточно — исполнились теперь весьма понятнаго любопытства. — „Кто они такіе? Откуда взялись? Чего добиваются?“ — эти вопросы на устахъ у неосознательной обывательской массы. Учесть сейчасъ весь активъ, данный намъ удачной демонстраціей, пока еще, конечно, невозможно. Во всякомъ случаѣ, этотъ опытъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе серьезнаго вниманія, что онъ является, какъ никакъ, дѣйствительно новымъ пріемомъ политической борьбы, дающимъ вполнѣ очевидные злодотворные результаты. Въ подобныхъ демонстраціяхъ рабочіе чувствуютъ, что они выступаютъ, какъ опредѣленныя политическія единицы; они получаютъ захватывающій интересъ къ проявленіямъ политической жизни, а вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ — и чувство своей правоспособности въ качествѣ партійныхъ политическихъ борцовъ. Съ другой стороны, толчокъ, данный демонстраціей, увеличивая запасъ энергіи и сознательности партійныхъ работниковъ, распространяетъ въ самыхъ широкихъ слояхъ общества значеніе партіи, какъ чего-то вполнѣ опредѣленнаго, оформленнаго и, главное, имѣющаго право *тре бовать*. Инертная масса привыкаетъ смотрѣть на всю партію не только, какъ на собраніе подпольныхъ агитаторовъ и конспираторовъ съ мало понятными желаніями и стремленіями, но какъ на активную, борющуюся, ясно и опредѣленно заявляющую о своихъ требованіяхъ политическую силу. И остается только пожелать, чтобы наши товарищи возможно шире использовали новый методъ борьбы—въ думахъ, въ земствахъ и на всевозможныхъ сѣздахъ „общественныхъ“ дѣятелей. Форма открытаго выступленія рабочихъ въ этихъ демонстраціяхъ будетъ, конечно, видоизмѣняться, сообразно съ обстоятельствами; останется неизмѣнимъ лишь самый характеръ демонстраціи. Конечно, и всѣ демонстраціи пройдутъ такъ удачно, какъ эта. Будутъ жертвы. Но гдѣ ихъ нѣтъ? Наши товарищи стремятся къ борьбѣ, они тяготятся нелѣпымъ для члена политической партіи положеніемъ зрителя. И на *такія* жертвы они идутъ съ радостью, съ энтузіазмомъ...

Приводимъ текстъ листка, распространеннаго во время демонстраціи: — „Въ періодъ пробужденія освободительнаго движенія, въ періодъ начинающагося подъема духа у самыхъ умѣренныхъ слоевъ оппозиціонно-настроеннаго русскаго общества Кубанскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Р П. обращается къ вамъ гг. гласные, какъ къ представителямъ нашего самоуправленія жалкіе зачатки котораго „подарило“ самодержавіе порабощенному народу. Комитетъ выражаетъ надежду, что всѣ искренніе сторонники общественнаго самоуправленія признаютъ, наконецъ всю безплодность и политическую неврѣлость той заболѣвшей и трусливой политики, которой придерживались до настоящаго времени наши либералы. Пора понять каждому мыслящему гражданину, что самъ державный строй не совмѣстимъ со сколько нибудь широкими проявленіями общественной инициативы, что въ полицейско-бюрократическомъ государствѣ можетъ существовать только гнусная пародія, жалкая тѣнь самоуправленія. И сторонники самоуправленія и, вообще, все наше либеральное теченіе останется безсильнымъ въ своей борьбѣ съ разлагающимъ самодержавіемъ, если оно не займетъ въ этой борьбѣ вполнѣ опредѣленную и твердую позицію, опирающуюся на дѣйствительныя потребности жизни. Кубанскій Комитетъ указываетъ на организованный пролетаріатъ, какъ на политическую партію въ интересахъ которой лежитъ проведеніе демократической программы. главнымъ лозунгомъ своимъ поставившей свободную демократическую республику, основанную на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Принявъ всецѣло эту демократическую программу и отстаивая ее въ полной солидарности съ рабочей партіей, либерализмъ можетъ явиться дѣйствительнымъ врагомъ самодержавія, подготовитъ котораго изживаетъ Россія, можетъ сыграть историческую роль въ неизбѣжно приближающейся революціи. Это признаніе знаменуетъ, конечно, полный отказъ отъ прежней тактики и открытое присоединеніе къ боевому клику пролетаріата: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ россійская демократическая республика! Да здравствуетъ всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право!“

Въ другомъ письмѣ сообщаютъ:

Екатеринодаръ. 20 Ноября. Мы уже писали Вамъ о томъ, что кружковая пропаганда, подъ вліяніемъ совершающихся въ Россіи событій большой политической важности, приняла у насъ характеръ агитаціи: говорилось о необходимости выступленія пролетаріата, какъ организованной, сплоченной силы, какъ авангарда революціоннаго движенія; выяснялась политическая линія, которую долженъ занять рабочій классъ въ общемъ натискѣ всѣхъ оппозиціонно и революціонно настроенныхъ элементовъ русскаго общества на самодержавіе, подчеркивалась робость и неврѣлость россійскаго либерализма и противорѣчіе его съ задачами соціалъ-демократіи. Выяснивъ, такимъ образомъ, роль пролетаріата въ освободительномъ движеніи и доказавъ необходимость немедленнаго вмѣшательства его въ ходъ событій, комитетъ рѣшилъ использовать революціонное настроеніе рабочихъ устройствомъ демонстраціи. Наиболѣе подходящимъ для этого мѣстомъ, за отсутствіемъ въ области земскихъ учрежденій, комитетъ призналъ залъ думскихъ засѣданій, тѣмъ болѣе, что екатеринодарской думой только что было выражено привѣтствіе бывшему шефу жандармовъ князю Св.-Мирскому съ пожеланіемъ скорѣйшаго осуществленія обѣщанныхъ имъ реформъ. Для привлеченія въ думу наибольшаго количества публики, былъ распространенъ слухъ объ якобы предстоящихъ рѣчахъ либеральныхъ гласныхъ о необходимости расширенія городского самоуправленія. Публики собралось, дѣйствительно много, для многихъ не нашлось даже мѣста. Никто изъ демонстрантовъ до послѣдняго дня не зналъ о мѣстѣ и времени готовящейся демонстраціи и лишь за два часа, передъ отправленіемъ въ думу былъ выясненъ планъ и распредѣлены роли. Неожиданное появленіе многочисленной публики, хотя и показалось гласнымъ явленіемъ нѣсколько необычнымъ, тѣмъ не менѣе, никакихъ мѣръ къ поддержанію „порядка“ не было принято и городской голова объявилъ засѣданіе открытымъ. Присутствіе въ думѣ мѣстнаго полицеймейстера, хотя и осложнявшаго задачу, тѣмъ не менѣе, не явилось для руководителей полной неожиданностью: заранѣе было извѣстно, что въ числѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію думы, значился вопросъ объ увеличеніи штата полиціи. Сначала рѣшено было отсрочить демонстрацію до времени ухода изъ думы полицеймейстера, когда же выяснилось, что уходъ этого лица можетъ затянуться до 10 11 ч. вечера, руководители демонстраціи рѣшили не медлить, тѣмъ болѣе, что всякое промедленіе могло испортить дѣло: публика прибывала и полицеймейстеръ во всякое время могъ вызвать нарядъ полиціи; помимо этого, не представлялось возможнымъ слишкомъ долго держать демонстрантовъ въ напряженномъ состояніи и въ особенности оратора. Когда всѣ мѣры предосторожности были приняты и думскій телефонъ приведенъ въ негодность — по условленному знаку, на средину зала выступилъ ораторъ, окруженный сознательнымъ ядромъ въ 30-40 человѣкъ и произнесъ рѣчь.

Впечатлѣніе отъ всего произошедшаго было велико, оно еще болѣе усилилось тѣмъ, что демонстрація провзошла въ присутствіи начальника мѣстной полиціи, въ тупомъ молчаніи просидѣвшаго въ думѣ до самаго момента ухода демонстрантовъ. Разговоровъ, конечно, не обережешь; всѣ они, въ конечномъ счетѣ, сводятся къ признанію за демонстраціей событія большой политической важности. Нужно было видѣть вытянутыя лица гласныхъ, надо было наблюдать эту „нѣмую“ сцену, чтобы составить полное представленіе объ всемъ происшедшемъ. Нѣкоторые гласные изъ такъ называемой „правой“, въ особенности юнъ, вздумали было протестовать, но необычность происшествія прикавала ихъ къ мѣсту — они прослушали рѣчь оратора и прочли заявленіе комитета. Взрывъ рукоплесканій вывелъ ихъ изъ состоянія гипноза. Поэъ выскочилъ изъ-за стола, точно изъ бани, и было помчался къ очнувшемуся отъ столбняка полицеймейстеру.

— Каково, а? Долой самодержавіе?!... да что же это? бормоталъ онъ, утирая платкомъ жирный вспотѣвшій лобъ.

— Какъ, неужто крикнулъ?...

— Доказательства на лицо! чуть не плача причитывалъ представитель православія, передавая неумѣлому слугѣ самодержавія заявленіе Комитета.

— Ну, ежели крикнулъ: „долой..., то я долженъ дѣйствовать“, и съ этими словами невѣсственный, но бравый есаулъ началъ очищать залъ отъ „гидры революціи“, повсюду собиравшихся гласныхъ комитета.

Эту неблагодарную работу раздѣлилъ съ нимъ гласный Виноградовъ — считаемъ неоходимымъ запечатлѣть имя этого добровольца.

Возобновивъ засѣданіе и принявъ безъ преній два какихъ то спѣшныхъ предложенія головы, гласные начали расходиться, но въ швейцарской ихъ поджидалъ новый сюрпризъ: полицейская банда съ жандармами во главѣ. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, „граждане“ были возвращены обратно и дурское засѣданіе возобновилось, подъ предсѣдательствомъ жандармскаго подполковника Соколова.

— Почему вы никого не задержали, господа? — была первая фраза, вырвавшаяся изъ устъ огорченнаго жандарма. Справедливость требуетъ сказать, что гласные вели себя, въ общемъ, съ достоинствомъ и на всѣ вопросы царскаго опричника давали отрицательный отвѣтъ. Гораздо болтливѣе оказались думскіе сторожа; одинъ изъ нихъ указалъ нѣсколько лицъ, бывшихъ съ тотъ вечеръ въ думѣ. Въ ту же ночь начались массовые обыски — опричники заработали, но никто изъ организаціи не пострадалъ. Арестованъ служащій въ одной изъ мѣстныхъ гостинницъ (найдена нелег. литература). Были обыски у Н. Клегова, Рослякова и другихъ. Исключенъ изъ гимназіи ученикъ 4 класса Ярошенко только лишь за то, что сказалъ нѣсколькимъ товарищамъ, что въ думскомъ засѣданіи будутъ читать тѣлтъ министра внутреннихъ дѣлъ на привѣтствіе думы. Въ настоящее время всѣхъ гласныхъ тягаютъ на допросъ; допрашиваютъ многихъ и изъ публики. Несмотря на усиленную слѣжку и жандармскіе набѣды, въ ночь на 12-е ноября была распространена прокламація комитета съ подробнымъ описаніемъ демонстраціи 10 Ноября въ количествѣ 1000 экз.. На этихъ листкахъ распространенъ, перепечатанный комитетомъ листокъ „Искры“: „Кто побѣдитъ?“ въ количествѣ 2000 экземпляровъ.

Одесса. 18 ноября въ залахъ городской думы происходило засѣданіе общества охраненія народнаго здравія, на которомъ двумя врачами были прочитаны доклады на тему объ оздоровленіи народа, но главной ихъ темой было выясненіе условій, необходимыхъ для радикальнаго излеченія нашей страны отъ злыхъ недуговъ. Въ основу выставленныхъ референтами тезисовъ были положены *минимальныя требованія соц.-дем. программы*—плоть до созванія учредительнаго собранія на основѣ всеобщей, Равной, прямой и тайной подачи голосовъ(эти тезисы напечатаны въ газетахъ). На это собраніе явилось около *2.000* чел., среди нихъ *масса рабочихъ*. Собраніе приняло характеръ настоящаго народнаго собранія. Настроеніе было необыкновенное. Каждое слово оратора прерывалось бурными, долго не смолкавшими апплодисментами и криками: „долой самодержавіе, да здравствуетъ соц.-дем. партія!“ Разбрасывались прокламаціи. Когда положенія были прочитаны, публика не могла уже себя сдерживать, сломила перила и всѣ порѣшили и повалила впередъ. Пришлось намѣченнымъ ораторамъ *не* говорить; но образовался самопроизвольный митингъ и произносились соц.-дем. революціонныя рѣчи (правда, не очень удачныя). Настроеніе дошло до апогея. Весь залъ оглашался криками: „да здравствуетъ соціалъ-демократія, долой самодержавіе, долой воину!..“ Наконецъ, съ пѣніемъ марсельезы вышли всей толпой на улицу. На площади и на сосѣднихъ улицахъ уже стояли войска. Толпу разбили на части, которыя съ пѣснями и криками повалили въ разныя стороны, между прочимъ, и по Дерибасовской улицѣ. Черезъ полъ или три четверти часа всѣ группы были уже разсѣяны, но *почти* безъ употребленія оружія (полиція кричала нижнимъ чинамъ: „не бейте“!). Весь городъ былъ возбужденъ и въ ту ночь и весь слѣдующій день.

Одесса. (Вторая политическая демонстрація). Городское Управленіе рѣшило отпраздновать 40-лѣтіе Судеб. Уставовъ. Въ Окружномъ судѣ при стеченіи нѣсколькихъ тысячъ народа были прочитанъ рефератъ, по окончаніи котораго предсѣдатель сказалъ, что засѣданіе закрыто, но одинъ изъ товарищей объявилъ, что мы его теперь только открываемъ. Полицію съ тріумфомъ изгнали. Чебахова (пристава) поколотили. На кафедру взошелъ одинъ товарищъ — прекрасный ораторъ. Мѣсто его рѣчи, гдѣ онъ говорилъ о „послѣднемъ самодержцѣ Николаѣ II“, вызвало громъ апплодисментовъ и крики „долой самодержавіе“. Затѣмъ говорилъ одинъ соціалистъ-революціонеръ, между прочимъ, высказался за амнистію Савонова. Словомъ, получилось, что *называется*, „народное собраніе“.

Затѣмъ оттуда мы двинулись черезъ всю Пушкинскую до благородного собранія. Насъ казаки разогнали, но мы опять собрались въ тѣсные ряды и пошли по Херсонской. Вотъ тутъ то началось настоящее шествіе. До Ольгіевской мы прошли съ пѣснями и криками. Обратно выкинули 4 флага, всѣ единодушно замолчали, мужчины сняли шапки и затѣмъ начали привѣтствовать знамя. Это грандіозное зрѣлище Одесса долго будетъ помнить. Но тутъ на насъ двинулись казаки и началась паника. Масса раненыхъ, нѣкоторые тяжело. Одна работница умираетъ. 60 арестовъ. При обыскѣ у одной арестованной нашли $1^1/_2$ пуда литературы.

Въ тотъ же день былъ устроенъ грандіозный банкетъ въ благородномъ собраніи. Входъ 3 р. 50 к. Большинство публики — либералы. Изъ ораторовъ выдѣлялись: Жаботинскій, Изгоевъ, Богомолецъ, которыхъ вчера арестовали. Прекрасную рѣчь сказалъ одинъ рабочій.

Затѣмъ отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ, за подписью *Зеленаго* (гор. голова), Маразли (быв. гор. голова) и другихъ, было послано въ Петербургъ заявленіе о конституціи.

Рѣчь рабочаго на банкетѣ 20 ноября въ Одессѣ. Войдя въ 10½ часовъ вечера въ залъ „благороднаго собранія", ораторъ, потребовалъ себѣ слова отъ имени „пролетаріевъ, собравшихся внизу". Послѣ нѣкоторыхъ смятеній, поддержанный лѣвой стороной собранія, онъ получилъ слово:

Граждане! Вы собрались въ этотъ залъ обсудить современное положеніе вещей и протестовать противъ существующаго политическаго режима. Какимъ же образомъ случилось то, что вы, граждане, сидите спокойно въ этомъ роскошномъ залѣ, а мы, пролетаріи, какъ нищіе, стоимъ на улицѣ и отданы на произволъ полиціи? Почему для защиты общенароднаго дѣла вы отгораживаетесь отъ тѣхъ, которые своимъ потомъ и кровью орошаютъ Васъ, которые до сихъ поръ такъ гордо и такъ мужественно носили знамя борьбы за „наше общее освобожденіе? Отъ имени рабочихъ-членовъ мѣстной с.-д.—ской рабочей организаціи — я требую, чтобы залы политическихъ собраній были открыты для всѣхъ! Граждане! Мы переживаемъ важный историческій моментъ. Ближайшее будущее должно рѣшить, станетъ ли Россія культурной страной или татарская Азія снова побѣдитъ европейскую Россію, а кнутъ и нагайка по-прежнему будутъ диктовать законы всему великому русскому народу. Мы, русскіе рабочіе с.-д—ты, прекрасно понимаемъ всю слабость и дряблость русскаго буржуазнаго либерализма, но въ настоящій моментъ мы стоимъ предъ лицомъ одного и того же жестокаго врага. Одно и то же безпощадно гнететъ насъ всѣхъ, русскихъ гражданъ. Одинъ и тотъ же вампиръ-царизмъ сосетъ соки великой націи. А потому мы, Р. С-Д. Р. П., готовы считать Васъ своими союзниками, если Вы честно и мужественно будете держать знамя національнаго освобожденія. Мы требуемъ, чтобы Вы отказались отъ позорной игры въ политическія прятки; чтобы Вы открыто заявили, что самодержавный режимъ не примиримъ съ интересами русскаго народа и написали на своемъ знаменѣ: „Долой самодержавіе!" Мы требуемъ немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, чтобы положить конецъ той подлой авантюрѣ, которую затѣялъ издыхающій деспотизмъ! Мы требуемъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основаніяхъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ! Мы требуемъ прекращенія всѣхъ политическихъ дѣлъ и всеобщей безусловной амнистіи для всѣхъ такъ называемыхъ „политическихъ преступниковъ", подвергнутыхъ карѣ — какъ судомъ, такъ и административной! Мы требуемъ неограниченной свободы печати, слова, собраній, союзовъ, стачекъ, безусловнаго равенства передъ закономъ всѣхъ безъ различія пола, націи, вѣроисповѣданій и расы! Мы требуемъ правительства, вполнѣ и исключительно отвѣтственнаго передъ россійскимъ парламентомъ! Если Вы, граждане, найдете въ себѣ достаточно мужества, чтобы открыто и безъ колебаній поддержать наши демократическія требованія, мы, пролетаріи с.-дем., приглашаемъ Васъ идти рядомъ съ нами въ борьбѣ съ царизмомъ. Въ этой жестокой борьбѣ мы, соц.-дем., будемъ до послѣдней капли крови отстаивать великіе принципы свободы, равенства и братства. Да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П! Да здравствуетъ демократическая республика. Да здравствуетъ соціальная революція!

Кіевъ 12 ноября въ политехникумѣ состоялась сходка, созванная партійными организаціями для обсужденія общеполитическихъ вопросовъ. На сходку явились 385 человѣкъ. Были произнесены рѣчи: первая — о внутренней политикѣ царствованія Николая II, въ этой рѣчи указывалось на стѣсненное положеніе правительства въ послѣднее время, на тиски, въ которыхъ оно очутилось, и на авантюристическую войну, какъ на слѣдствіе этой политики правительства. Вторая рѣчь была о войнѣ; въ ней ораторъ указывалъ на требованіе мира, мира во что бы то ни стало, какъ на лучшій выходъ изъ созданнаго войной положенія для рабочаго класса и для всѣхъ низшихъ слоевъ населенія. Было предложено нѣсколько резолюцій и, между прочимъ, чисто соц.-демократическая. Послѣ рѣчей соц.-дем. выступили съ рѣчами либералы. Одинъ либералъ находилъ, что „вольнолюбивая буржуазія дѣйствуетъ теперь въ интересахъ народа", и предложилъ, поэтому, выразить свою полную солидарность съ „земцами". Нѣсколько словъ, сказанныхъ соц. дем. ораторомъ въ отвѣтъ либералу, были покрыты апплодисментами, и резолюція, предложенная либераломъ, даже и не голосовалась. Второй либералъ предложилъ сходкѣ не выражать презрѣнія либераламъ за ихъ трусливую политику, а, наоборотъ, поддерживать ихъ, ибо въ данное время они дѣйствуютъ въ интересахъ народа, подъ вліяніемъ „идеальныхъ" мотивовъ. „Вѣдь было же отмѣнено крѣпостное право по чисто идеалистическимъ побужденіямъ", заключилъ ораторъ. Рѣчь была встрѣчена апплодисментами и шикѣніемъ. При баллотировкѣ нашей резолюціи, цѣлью коей было выяснить количество соц.-демокр. голосовъ въ политехникумѣ, наша резолюція получила около 50 голосовъ (нѣкоторые буржуазы *не* голосовали за нее. Была **принята** слѣдующая резолюція:

„Констатируя полное крушеніе „политики довѣрія", студенчество Кіев. Политех. Института протестуетъ противъ наглыхъ, загрувавшій Святополка-Мирскаго съ либеральными элементами общества, отмѣчаетъ наряду съ этимъ, продолжающіеся аресты революціонной молодежи, кровавыя расправы съ рабочими, полицейскую организацію еврейскихъ погромовъ, жестокій гнетъ инородныхъ и иновѣрныхъ группъ и усиливающееся бремя налоговъ, вызванныхъ позорной войной.

Протестуя противъ такихъ проявленій наглаго произвола бюрократіи, мы требуемъ безусловной политической свободы, полной равноправности всѣхъ гражданъ Россіи и созыва Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Мы одновременно клеймимъ позоромъ политику правительства, проявляющуюся въ безполезной тратѣ народныхъ силъ на веденіе безсмысленной войны на Дальнемъ Востокѣ и требуемъ ея немедленнаго прекращенія".

Крайне характерно было поведеніе гг. соц-рев: одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ въ предшествіи къ своей резолюціи сказалъ, что студенчество, шедшее до сихъ поръ, какъ *стадо* барановъ за вожаками (шиканье), должно выставлять въ резолюціи только тѣ требованія, которыя могутъ быть осуществлены въ дѣйствительности; нечего, поэтому, упоминать о „соціализмѣ и прочихъ мечтаніяхъ, такъ какъ это сейчасъ неосуществимо". Ораторъ противорѣчилъ себѣ въ резолюціи, признавая студенчество „огромной боевой силой". Впрочемъ, въ погонѣ за реальными результатами, авторъ резолюціи „забылъ" о всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ избирательномъ правѣ. Второй соц.-рев. предложилъ, какъ онъ сказалъ, самую умѣренную резолюцію, на которой могли бы сойтись всѣ (?). Въ ней также не упоминалось объ избирательномъ правѣ и отсутствовало требованіе прекращенія войны. Послѣ окончанія сходки, студенты прошлись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ по корридорамъ института. Пѣли и въ вагонахъ трамвая, до верху нагруженныхъ студентами.

Эта сходка особенно рѣзко показала полное единодушіе либераловъ и соц.-рев. Послѣдніе, въ погонѣ за популярностью и сплоченіемъ всѣхъ силъ, теряютъ не только свой, съ позволенія сказать, соціализмъ, но даже и демократизмъ.

14 ноября. Группа студентовъ-революціонеровъ.

Кіевъ. Время — тревожное... Земскій съѣздъ начинаетъ производить свое дѣйствіе и на нашу провинцію. Впрочемъ пока еще лишь на передовую интеллигенцію. Насъ ознакомляютъ съ ходомъ дѣла. Отъ насъ даже требуютъ поддержки... И вотъ мы даже не знаемъ, сумѣемъ ли ее оказать; нервы напрягаются; съ безпокойствомъ начинаешь интенсивно соображать — что дѣлать?... А еще вчера мирные обыватели-кіевляне, встрѣчаясь другъ съ другомъ, равнодушныхъ тономъ скептически спрашивали другъ друга: „Ну, что, на чемъ у васъ исторія остановилась? На какомъ моментѣ?... Повторяю, моментъ въ русской исторіи важный, можетъ быть критическій. Въ военной стратегіи эта „горячка" знаменуетъ переходъ въ наступленіе.

Пріѣхалъ сюда изъ Петербурга гласный черниговскаго земства и участникъ земскаго съѣзда Хижняковъ (радикалъ). Воспользовался онъ „литературной средой" въ литературно-артистическомъ обществѣ, чтобы сдѣлать свое сообщеніе. Публика (около 150 человѣкъ всего...) собралась въ небольшомъ числѣ, чтобы выслушать рефератъ нѣкоего Могилянскаго (пом. пр. пов), „О поэзіи Огарева". Послѣ этого послѣдовалъ сюрпризъ: Исполняющій роль предсѣдателя Куперникъ объявилъ: „Господа, пріѣхавшій изъ Питера и т. д. Хижняковъ прочтетъ докладъ о съѣздѣ. Я предлагаю привѣтствовать т. Х., а въ лицѣ его и самъ съѣздъ." (Громкія, продолжительныя рукоплесканія).

Хижняковъ.) (Человѣкъ весьма пожилой, лѣтъ 50 съ лишнимъ; пріятное лицо, говоритъ пріятно.) докладываетъ о самомъ съѣздѣ. Между прочимъ, сообщаетъ, что за нѣкоторое время до открытія съѣзда, земцы получили письмо отъ проф. Милюкова; суть письма въ слѣдующемъ: „Настоящее земское совѣщаніе происходитъ при исключительно благопріятныхъ для васъ условіяхъ. Поэтому именно, *вы* должны быть выразителями общественнаго мнѣнія. Вы опираетесь на широкое общественное мнѣніе; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Вы обязаны формулировать общенародныя требованія. Должна быть устранена наивность „Гражданина" и „Московскихъ Вѣдомостей". Задача серьезна, но вовсе не мудреная. Нужно только въ нѣсколькихъ выраженіяхъ резюмировать сознанную всѣми мысль: „существующій порядокъ отжилъ; народные представителидолжны быть созваны для устроенія иного строя". Это письмо (говоритъ Хижняковъ) произвело на земцевъ сильное впечатлѣніе. Порядокъ совѣщанія былъ таковъ. Читался докладъ (съѣзду) редакціонной комиссіей; съѣздъ обсуждаетъ его, дополняетъ многое, а затѣмъ вырабатываетъ окончательную формулировку то тезисамъ. (Добавленія съѣзда: напр., право союзовъ и собраній, неприкосновенность частныхъ жилищъ и проч.).

..... Къ сожалѣнію, въ восьмомъ[1]) пунктѣ, по вопросу о судѣ ограничились лишь формулой: необходимо оградить правовую форму суда. Здѣсь не указана необходимость на общегражданскій судъ, одного типа. Это объясняется тѣмъ, что, по мнѣнію мистиковъ, крестьянскій бытъ, порядокъ землепользованія и прочее требуютъ особой компетентности. На десятомъ пунктѣ произошло разногласіе. Меньшинство предлагало формулировку: необходимо установить *общепе* народа съ верховною властью; для чего необходимо *участіе* (на ряду съ нѣмъ? Можетъ быть, въ качествѣ совѣщательнаго органа? спрашиваетъ Х.) народныхъ представителей въ законодательствѣ и въ опредѣленіи бюджета. Сюда примкнулъ и Шиповъ, указавшій въ своей рѣчи, что онъ держится особаго взгляда на этотъ вопросъ; въ сущности — славянофильскаго (говоритъ Х.); общеніе, взаимное довѣріе, и прочія сантиментальности. Противъ этого „этическаго" направленія высказалось 60 голосовъ, а за — 27. Большинство резюмировало такъ: Власть законодательная и установленіе бюджета принадлежитъ народному представительству. Наконецъ, 11 пунктъ ставитъ вопросы: какъ провести въ жизнь всѣ эти пожеланія. Необходимъ созывъ учредительнаго собранія, для чего нужно представить резолюцію государю. Собственно, съѣздъ по этому поводу раздѣлился на три фракціи, выбрана средняя резолюція, какъ ближе выражающая мнѣніе большинства. Вслѣдъ затѣмъ, стали подписываться. Совершенно неожиданнымъ оказался подвохъ: Предпослѣдній пунктъ внесенъ въ текстъ, въ видѣ двухъ формулировокъ: большинства и меньшинства (совершенно не парламентскій пріемъ, замѣчаетъ Хижн., но, почему это допустили, не говоритъ). Подписались 101 человѣкъ (знаменательное число! Хижн., ибо одинъ—Марковъ[2]), предсѣдатель петербургской земской управы, прислалъ письмо съ отказомъ: онъ не думалъ, что съѣздъ приметъ такой характеръ и беретъ свои слова обратно (зачѣмъ же было торчать три дня на съѣздѣ? Хижн.). Впрочемъ, искоръ раздумываетъ и все таки подписываетъ. Затѣмъ выбираютъ пять депутатовъ: Шиповъ, Львовъ, Петрункевичъ, Гейденъ и Родзянко. Однако, наканунѣ еще, Святополкъ Мирскій узнаетъ о намѣреніи прислать депутатовъ и заявляетъ бывшему у него по частному дѣлу Гейдену, что оффиціально такую депутацію онъ не можетъ принять, но чтобы тотъ лично принесъ ему резолюцію, а онъ передастъ государю. Такъ и сдѣлали. Теперь, заключаетъ Хижн., резолюція находится на пути. Послѣ засѣданій съѣзда происходилъ банкетъ литераторовъ и земцевъ. Говорились рѣчи, читались адреса. Адресовъ масса. Насчитано около 10,000 подписей. Было бы, конечно, гораздо больше, если бы съѣздъ подвергся широкой огласкѣ, а не встрѣтилъ цензурный запретъ. Что будетъ теперь? Будемъ ждать. Теперь все зависитъ отъ самого общества; оно должно поддержать требованія земцевъ въ какой бы то ни было формѣ[3]. Громъ рукоплесканій.

Среди публики внезапно вскакиваетъ молодой человѣкъ, въ статскомъ, на стулъ, и сильно взволнованнымъ голосомъ заявляетъ: „Я протестую противъ рукоплесканій. Земство не заслужило того, чтобы имъ восхищались. Оно не выполнило очень многаго. Вы не должны были расходиться, но ожидать, пока не послѣдуетъ удовлетворенія вашихъ требованій! Вы должны были поступить такъ, какъ поступили французы въ 1789 г. Но этого мало. Вы забыли и ни слова не упомянули о тѣхъ, кто является истиннымъ виновникомъ настоящей „весны", вы забыли о рабочемъ классѣ и сотняхъ страдальцевъ... И о главномъ вы умолчали: Вопросъ о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи. Земцы далеко не сдѣлали того, что они могли сдѣлать. Вы занимаетесь больше болтовней, чѣмъ дѣломъ! (Человѣкъ 20, окружающіе оратора, апплодируютъ — все соціалъ-демократы — студенты и дивизіи. *Хижняковъ*: взволнованнымъ голосомъ) Господа, это несправедливо. Вы горько ошибаетесь. Мы вполнѣ ясно сознаемъ, что мы дошли до настоящаго момента, переступивъ черезъ кости мучениковъ. *Мы вполнѣ понимаемъ, что рабочій классъ сильно способствовалъ созданію настоящаго положенія дѣлъ.* Упреки не заслуженны нами. О нихъ (пострадавшихъ) мы вовсе не забыли. Ближайшимъ образомъ это выразилось въ принятіи резолюціи на банкетѣ; необходима отмѣна исключительныхъ правилъ и общая амнистія. Наконецъ, нашему заявленію объ избирательномъ правѣ ничего въ проектѣ не противорѣчитъ. Я готовъ вторично прочесть пункты. *Водовозовъ* (горячо). Я безусловно протестую противъ рѣчи недовольнаго оратора: Пунктъ седьмой говоритъ о равенствѣ личныхъ, общественныхъ и *политическихъ* правъ. Если бы мы были болѣе знакомы съ государственной наукой, вы увидѣли бы, что формула эта разумѣетъ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право! А затѣмъ, я безусловно протестую противъ выраженнаго отношенія къ земскимъ дѣятелямъ. Настоящій моментъ призываетъ къ единенію, а не къ борьбѣ фракцій и партій. А вы на это именно и тратите свои силы. Къ чему вы стремитесь? Къ насажденію политическаго порядка. Такъ сосредоточьте свое вниманіе на этомъ, а не на подведеніи старыхъ счетовъ съ сознаками. Подобное отвлеченіе силъ — въ настоящій моментъ — огромная тактическая ошибка, *больше* — это политическое преступленіе! (часть публики апплодируетъ, въ кружкѣ недовольныхъ слышны возгласы протеста).

Отъ редакціи. Нашъ товарищъ, конечно, напрасно упрекнулъ земцевъ въ „болтовнѣ": не мѣшало бы, напротивъ, если-бы они побольше потолковали на съѣздѣ о дѣйствительныхъ нуждахъ Россіи. Но онъ безусловно правъ въ своихъ возраженіяхъ *по существу*. И именно потому, что онъ былъ правъ, самаго суроваго осужденія заслуживаетъ постыдное выступленіе „демократа" г-на Водовозова. Нападать съ тылу на соціалистовъ, когда они, критикуя половинчатость и умѣренность земцевъ, стремятся толкнуть ихъ на путь дѣйствительно-демократической политики, значитъ предавать дѣло демократіи, а пользователи при этомъ стереотипно пошлыми фразами о всеобщемъ „единеніи", значитъ — для господина, переименованнаго, какъ В. Водовозовъ, всѣ переливтія различныхъ „фракціонныхъ" раздоровъ послѣдняго десятилѣтія — *сознательно* спекулировать на политическую наивность своихъ слушателей. Мы тоже за „единеніе", г-нъ Водовозовъ, и первые будемъ апплодировать г. Хижнякову, когда онъ формулируетъ потребности выяснившагося для *всѣхъ* нашей программы, то есть, въ соотвѣтствіи съ интересами тѣхъ милліоновъ крестьянъ и рабочихъ, изъ которыхъ состоитъ подавляющее большинство населенія. Возмущеніе чувствомъ къ „умѣренныхъ отцамъ", г-нъ Водовозовъ оказывается „болѣе земцемъ, чѣмъ сами земцы". Г. Хижняковъ, въ отвѣтъ на упрекъ объ игнорированіи всеобщаго избирательнаго права, говоритъ, что ничто въ требованіяхъ 11 пунктовъ *не противорѣчитъ* этому праву, а г-нъ Водовозовъ дерзаетъ заявлять, что изъ § 7 *можно вывести* всеобщее и даже тайное и прямое избирательное право! Самоувѣренныя ссылки на учебники обманутъ только самыхъ наивныхъ простаковъ, а недостатокъ приведенныхъ г-мъ Водовозовымъ софизмовъ только заставитъ сознательныхъ рабочихъ и честныхъ революціонеровъ смотрѣть въ оба за этимъ, съ позволенія сказать, демократомъ, такъ рано проявляющимъ свою готовность совершить измѣну.

Кіевъ. Отлагая, по недостатку мѣста, описаніе сходки студентовъ Кіевскаго Университета (600 чел.), мы сообщаемъ принятую этой сходкой резолюцію:

Признавая, что настоящая война является результатомъ авантюристической политики царизма, затѣявшаго ее въ интересахъ своихъ и небольшой группы крупныхъ капиталистовъ;

что эта преступная война ведетъ къ интеллектуальному и экономическому вырожденію россійскаго народа, отрывая тысячи сыновъ Россіи отъ ихъ семей и занятій и жертвуя военному Молоху, обрекая, такимъ образомъ, десятки тысячъ человѣкъ на вѣрную голодную смерть, вызывая глубокій застой въ промышленности и торговлѣ, благодаря чему десятки тысячъ рабочихъ съ ихъ семьями ежедневно выбрасываются на улицу, и, наконецъ, доводя нашу истощенную и голодную деревню до полнаго разоренія;

Признавая все это, мы заявляемъ, что гнусной, наглой авантюрѣ царизма долженъ быть положенъ конецъ!

Мы требуемъ мира.

Признавая, что нелѣпо ожидать прекращенія войны отъ самодержавнаго царизма и

признавая, что тяжелое экономическое и умственное состояніе Россіи находится въ зависимости отъ всего политическаго строя нашей жизни, въ основу котораго положены принципы самодержавія, мы заявляемъ, что такой политическій строй долженъ быть ликвидированъ, царизмъ долженъ быть низвергнутъ!

Для ликвидаціи самодержавія, мы требуемъ созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

Мы признаемъ, что лишь въ революціонномъ соціалъ-демократическомъ пролетаріатѣ, соціально-экономическое положеніе котораго находится въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ строемъ нашей жизни, мы видимъ силу могущую дѣйствительно сокрушить царизмъ;

мы находимъ, что всѣ остальные революціонные элементы Россіи должны примкнуть къ его борьбѣ;

наконецъ, заявляемъ, что въ возстаніи народныхъ массъ, руководимыхъ пролетаріатомъ, мы видимъ гарантію того, что дѣло народной свободы, дѣло революціи не будетъ предано.

Что же касается нашего либерализма, то, принимая во вниманіе, что не только онъ не является и не можетъ явиться дѣйствительнымъ и непоколебимымъ защитникомъ народныхъ интересовъ, но оказался даже несостоятеленъ въ защитѣ своихъ узко-групповыхъ интересовъ,

принимая далѣе во вниманіе, что нашъ либерализмъ въ настоящее время окончательно изобличился къ недостойной игрѣ царизма, „политикѣ сердца"; мы заявляемъ, что не возлагаемъ на него никакихъ надеждъ, отказываемся отъ всякой солидарности съ нимъ и клеймимъ презрѣніемъ его недостойное вилѣніе передъ ласковымъ заигриваніемъ самодержавія.

Москва. (Частное письмо изъ публики) Довольно своеобразный характеръ носило празднованіе дня основанія Петровско-Разумовской академіи. Около 20.00 студентовъ и публики собралось въ залѣ академіи, студенты выбрали предсѣдателя и онъ открылъ собраніе рѣчью о реформѣ суда Александромъ II 40 лѣтъ тому назадъ. Начальство отсутствовало совершенно. Первая рѣчь чисто революціоннаго содержанія, полная энергіи и вѣры въ лучшее будущее, удивительно подѣйствовала на собраніе. Дальше шли рѣчи такого же направленія. Читали о Нечаевскомъ дѣлѣ (Нечаевъ былъ студентомъ академіи); ораторъ-студентъ говорилъ о способахъ борьбы въ настоящую минуту и о томъ, какія формы правленія могутъ быть у насъ установлены въ ближайшемъ будущемъ.

Сдѣлали перерывъ и хоръ студентовъ, въ 500 человѣкъ, гримулъ „Марсельезу", выкинули багрово-красное знамя, огромной величины и замѣчательной красоты и двинулись съ пѣніемъ по корридорамъ въ верхній залъ, гдѣ развѣвалось другое такое же знамя. Возбужденіе публики дошло до высшаго предѣла... Стройное пѣніе, мощные возгласы „Долой самодержавіе", два красныхъ знамени надъ каѳедрой ораторовъ, все это многіе видѣли первый разъ въ жизни.

Перерывъ кончился. Начались опять рѣчи и пренія. Говорили студенты соціалъ-демократы и радикалы. Послѣдніе обращались съ призывомъ слиться всѣмъ оппозиціонными элементамъ для свержения самодержавія.

Больше всѣхъ имѣла успѣхъ рѣчь рабочаго, очень короткая, но сильная и, по своему характеру, агитаціонная. Кромѣ него, говорилъ еще нѣмецъ, соціалъ-демократъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ. Онъ доказывалъ, что только соціалъ-демократія, какъ представительница интересовъ пролетаріата, революціонна по своему существу и звалъ молодежь нести въ ряды рабочей массы идеи соціализма.

Настроеніе публики послѣ такого „празднованія" приподнятое и всѣ расходились съ пѣніемъ, реальнымъ же доказательствомъ всеобщаго сочувствія дѣлу революціи было то, что собрали, какъ мнѣ передавали, рублей 300 на политическихъ ссыльныхъ и на Р. С.-Д. Р. П.

Испанскій „патріотъ" русскаго „престолъ-отечества". Намъ доставлены партійной группой въ Льежѣ слѣдующіе документы:

I Собраніе членовъ русской колоніи въ Льежѣ въ своемъ засѣданіи отъ *22 ноября* 1904 г., посвященномъ обсужденію поступившаго со стороны испанской секціи „Краснаго Креста" приглашенія на спектакль въ пользу „Русскаго Краснаго Креста", приняло слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе:

1, что русско японская война не только не вытекаетъ изъ потребностей капиталистическаго общества, но, напротивъ, имѣетъ своею цѣлью задержать то политическое переустройство, которое необходимо для его развитія;

2) что война эта, порожденная авантюрнстской политикой самодержавнаго правительства, вызвана стараніями клики бюрократіи и незначительной части капиталистовъ, желающихъ воспользоваться для своего обогащенія тѣмъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ, какимъ является война для каждаго народа, тѣмъ болѣе для населенія, окончательно разореннаго россійскимъ самодержавіемъ и страдающаго отъ хроническаго голода;

3) что война эта вызвана русскимъ правительствомъ въ ея стремленіи поддержать за самодержавной Россіей престижъ первокласной культурной державы въ глазахъ европейскаго общества и отвлечь этой войной вниманіе всего цивилизованнаго

---

[1]) Привожу докладъ въ сокращенномъ видѣ, конечно.

[2]) Я не привожу цѣликомъ всѣхъ 11 пунктовъ: они вамъ должны быть извѣстны.

[3]) Какъ извѣстно, не подписался еще Стенбокъ-Ферморъ (предсѣдатель херсонской управы).

Рѣчь рабочаго на банкетѣ 20 ноября въ Одессѣ. Войдя въ 10½ часовъ вечера въ залъ „благороднаго собранія", ораторъ, попросивъ себѣ слова отъ имени „пролетаріевъ, собравшихся внизу„. Послѣ нѣкоторыхъ смятеній, поддержанный лѣвой стороной собранія, онъ получилъ слово:

Граждане! Вы собрались въ этотъ залъ обсудить современное положеніе вещей и протестовать противъ существующаго политическаго режима. Какимъ же образомъ случилось то, что Вы, граждане, сидите спокойно въ этомъ роскошномъ залѣ, а мы, пролетаріи, какъ нищіе, стоимъ на улицѣ и отданы на произволъ полиціи? Почему для защиты общенароднаго дѣла Вы отторгаетесь отъ тѣхъ, которые своимъ потомъ и кровью кормятъ Васъ, которые до сихъ поръ такъ гордо и такъ мужественно носили знамя борьбы за „наше общее освобожденіе? Отъ имени рабочихъ-членовъ мѣстной с.-д. -ской рабочей организаціи — я требую, чтобы залы политическихъ собраній были открыты для всѣхъ! Граждане! Мы переживаемъ важный историческій моментъ. Ближайшее будущее должно рѣшить, станетъ ли Россія культурной страной или татарская Азія снова побѣдитъ европейскую Россію, а кнутъ и нагайка по-прежнему будутъ дикговать законы всему великому русскому народу. Мы, русскіе рабочіе с.-д—ты, прекрасно понимаемъ всю слабость и дряблость русскаго буржуазнаго либерализма, но въ настоящій моментъ мы стоимъ предъ лицомъ одного и того же жестокаго врага. Одно и то же безпощадно гнететъ насъ всѣхъ, русскихъ гражданъ. Одинъ и тотъ же вампиръ-царизмъ сосетъ соки всей нашей націи. А потому мы, Р. С.-Д. Р. П., готовы считать Васъ своими союзниками, если Вы честно и мужественно будете держать знамя національнаго освобожденія. Мы требуемъ, чтобы Вы отказались отъ позорной игры въ политическія притки; что-бы Вы открыто заявили, что самодержавный режимъ не примиримъ съ интересами русскаго народа и написали на своемъ знаменіи: „Долой самодержавіе!" Мы требуемъ немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, чтобы положить конецъ той подлой авантюрѣ, которую затѣялъ ныпѣшній деспотизмъ! Мы требуемъ неограниченной свободы печати, слова, собраній, союзовъ, стачекъ, безусловнаго равенства передъ закономъ всѣхъ безъ различія пола, націи, вѣроисповѣданій и расы! Мы требуемъ правительства, вполнѣ и исключительно отвѣтственнаго передъ россійскимъ парламентомъ! Если Вы, граждане, найдете въ себѣ достаточно мужества, чтобы открыто и безъ колебаній поддержать наши демократическія требованія, мы, пролетаріи с дем. приглашаемъ Васъ идти рядомъ съ нами въ борьбѣ съ царизмомъ. Въ этой жестокой борьбѣ мы, соц дем, одержимъ послѣдней капли крови отстаивать великіе принципы свободы, равенства и братства. (Да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П! Да здравствуетъ демократическая республика. Да здравствуетъ социальная революція!

Кіевъ 12 ноября въ политехникумѣ состоялась сходка, созванная партійными организаціями для обсужденія общеполитическихъ вопросовъ. На сходку явилось 300 человѣкъ. Были произнесены рѣчи: первая — о внутренней политикѣ царствованія Николая II въ этой рѣчи указывалось на отчаянное положеніе правительства въ настоящее время и тѣ мѣры, которыхъ оно очутилось и на авантюристическую войну, какъ на слѣдствіе этой политики правительства. Вторая рѣчь была о войнѣ, въ ней ораторъ указывалъ на требованіе мира, мира во что бы то ни стало, какъ на лучшій выходъ изъ созданнаго войной положенія для рабочаго класса и для всѣхъ низшихъ слоевъ населенія. Было предложено нѣсколько резолюцій и между прочимъ чисто соц.-демократическая. Послѣ рѣчей соц дем. выступили съ рѣчами либералы. Одинъ либералъ находитъ, что „возлюбленная буржуазія дѣйствуетъ теперь въ интересахъ народа" и предложилъ, поэтому, выразить свою полную солидарность съ „земцами". Нѣсколько словъ сказанныхъ соц дем ораторомъ въ отвѣтъ либералу, были покрыты апплодисментами и резолюція, предложенная либераломъ, даже и не голосовалась. Второй либералъ предложилъ сходкѣ не выражать предѣловъ либераламъ за ихъ трусливую позицію, а наоборотъ поддерживать ихъ, ибо въ данное время они „дѣйствуютъ въ интересахъ народа подъ вліяніемъ „идеальныхъ" мотивовъ". Было же отмѣчено крѣпостное право по чисто идеалистическимъ побужденіямъ", закончилъ ораторъ. Рѣчь была встрѣчена апплодисментами и смѣхомъ. При баллотировкѣ нашей резолюціи, ни одной руки было выяснить количество соц демократовъ голосовавшихъ за политическую. Наша резолюція получила около 50 голосовъ, нѣкоторые буквально не голосовали за нее. Была принята слѣдующая резолюція:

„Конституція, полное крушеніе „политики притокъ" служитъ тому ясно. Поэтому, пролетаріи, принятіе рѣшеній, выработанной сходкой по Морской улицѣ, должны имѣть своимъ слѣдствіемъ, отмѣтить первую ступень въ борьбѣ пролетаріата съ революціонной монархіей, вызвавшей расправу съ рабочими, полицейскую организацію еврейскихъ погромовъ и жестокій гнетъ инородческихъ и инославныхъ группъ и усиливающееся время наглое, позорящее, позорящее войной.

Пресѣкая всякія проявленія малѣйшей оппозиціи, бюрократія мы требуемъ безусловной политической свободы, полной равноправности всѣхъ гражданъ Россіи и созыва Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Мы одновременно съ нѣмымъ позоромъ, этого правительства проклинаемъ въ высокой степени позорящую войну, на которой мы потеряли безвозвратный цвѣтъ на Дальнемъ Востокѣ и требуемъ ея немедленнаго прекращенія".

Крайне характерно было поведеніе либераловъ: они, какъ наиболѣе ярые сторонники войны, изъ своей среды не сказали, что существуетъ большое число людей, которые стоятъ одинаково какъ всѣ за немедленное прекращеніе войны, но только тѣ, при какихъ условіяхъ могутъ быть осуществлены на дѣйствительность этого, поэтому, условія о „позорѣ" и прочихъ мечтательныхъ словъ какъ-то не войдутъ въ соотношеніе". Ораторъ прежде всего заявилъ себя за немедленное прекращеніе существованіе „позора и безчестія". Впрочемъ онъ говорилъ за реальныя результаты, которые получатся „сейчасъ" о необходимомъ прямомъ равномъ и тайномъ избирательномъ правѣ. Вѣдь и соц. рев. признаютъ какъ они сказали самую умѣренную революцію, на которой могли бы сойтись всѣ. Но онъ также не упоминалось объ избирательномъ правѣ и отсутствовало требованіе прекращенія войны. Послѣ окончанія сходки студенты прошлись по нѣкоторымъ революціоннымъ мѣстамъ по корридорамъ института. Шли и въ полномъ составѣ по двору нагруженные студентами.

Эта сходка особенно ярко показала полное единодушіе либераловъ и соц рев. Послѣдніе, въ погонѣ за популярностью и сплоченіемъ всѣхъ силъ, теряютъ не только свой, съ позволенія сказать, соціализмъ, но даже и демократизмъ.

14 ноября. Группа студентовъ-революціонеровъ.

Кіевъ. Время — тревожное... Земскій съѣздъ начинаетъ провадить свое дѣятеіие и на нашу провинцію. Барочемъ, пока еще лишь на передовую интеллигенцію. Насъ ознакомилось съ ходомъ дѣла. Отъ насъ даже требуютъ поддержки.... И вотъ мы даже не знаемъ, сумѣемъ ли ее оказать, нервы напрягаются, съ безпокойствомъ начинаешь интенсивно соображать — что дѣлать?... А еще вчера мирные обыватели-кіевляне, встрѣчаясь другъ съ другомъ, равнодушнымъ тономъ скептически спрашивали другъ друга: „Ну, что, на чемъ у васъ исторія остановилась? На какомъ моментѣ?... Повторяю, моментъ въ русской исторіи важный, можетъ быть критическій. Въ военной стратегіи эта „горячка" знаменуетъ переходъ въ наступленіе.

Пріѣхалъ сюда изъ Петербурга гласный черниговскаго земства и участникъ земскаго съѣзда Хижняковъ (радикалъ). Воспользовался онъ „литературной средой" въ литературно-артистическомъ обществѣ, чтобы сдѣлать свое сообщеніе. Публика (около 150 человѣкъ всего ...) собралась въ небольшомъ числѣ, чтобы выслушать рефератъ нѣкоего Могилянскаго (пом. пр. пов.) „О поэзіи Огарева". Послѣ этого послѣдовалъ сюрпризъ. Исполняющій роль предсѣдателя Куперникъ объявилъ: „Господа, пріѣзжій изъ Питера и т. д. Хижняковъ прочтетъ докладъ о съѣздѣ. Я предлагаю привѣтствовать г. Х., а въ лицѣ его и самъ съѣздъ." (Громкіи, продолжительныя рукоплесканія).

Хижняковъ [1]) (Человѣкъ весьма пожилой, лѣтъ 50 съ лишнимъ; пріятное лицо, говоритъ пріятно.) докладываетъ о самомъ съѣздѣ. Между прочимъ, сообщаетъ, что за нѣкоторое время до открытія съѣзда, земцы получили письмо отъ проф. Милюкова, суть письма въ слѣдующемъ: „Настоящее земское совѣщаніе происходитъ при исключительно благопріятныхъ для васъ условіяхъ. Поэтому именно, *вы* должны быть выразителями общественнаго мнѣнія. Вы опираетесь на широкое общественное мнѣніе; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Вы обязаны формулировать общенародныя требованія. Должна быть устранена наивность „Гражданина" и „Московскихъ Вѣдомостей". Задача серьезна, но вовсе не мудреная. Нужно только изъ нѣсколькихъ выраженіяхъ резюмировать сознанную всѣми мысль: „существующій порядокъ отжилъ; народные представительдолжны быть созваны для устроенія иного строя". Это письмо (говоритъ Хижняковъ) произвело на земцевъ сильное впѣчатлѣніе. Порядокъ совѣщанія былъ таковъ. Читался докладъ (съѣзду) редакціонной комиссіи; съѣздъ обсуждаетъ его, дополняетъ многое, а затѣмъ выработываетъ окончательную формулировку по телисамъ. Добавленія съѣзда: напр., право союзовъ и собраній, неприкосновенность частныхъ жилищъ и проч.).

..... Къ сожалѣнію, въ восьмомъ [2]) пунктѣ, по вопросу о судѣ ограничились лишь формулой: необходимо оградить правовую форму суда. Здѣсь не указана необходимость на общегражданскій судъ, одного типа. Это объясняется тѣмъ, что, по мнѣнію мистиковъ, крестьянскій бытъ, порядокъ землепользованія и прочее требуютъ особой компетентности. На десятомъ пунктѣ произошло разногласіе. Меньшинство предлагало формулировку: необходимо установить *общее* народа съ верховною властью, для чего необходимо *участіе* на ряду съ нимъ? Можетъ быть, въ качествѣ совѣщательнаго органа? спрашиваетъ Х.) народныхъ представителей въ законодательствѣ и въ опредѣленіи бюджета. Сюда примкнулъ и Шиповъ, указавшій въ своей рѣчи, что онъ держится особаго взгляда на этотъ вопросъ въ сущности — славянофильскаго говорить Х., общеніе, единое довѣріе, и прочія сантиментальности. Противъ „этическаго" направленія высказалось 60 голосовъ, а за — 27. Большинство резюмировало такъ: Власть законодательная и установленіе бюджета принадлежитъ народному представительству. Наконецъ, 11 пунктъ ставитъ вопросъ: какъ провести въ жизнь всѣ эти пожеланія. Необходимъ созывъ учредительнаго собранія, для чего нужно представить резолюцію государю. Собственно съѣздъ по этому поводу раздѣлился на три фракціи, выразив среднее рѣшеніе, коего ближе выражающая мнѣніе большинства. Всѣхъ затѣмъ, стали подписываться. Совершенно неожиданно оказался подписъ Шипова. Предполагалъ ли онъ вычеркнуть въ текстѣ, въ виду двухъ формулировокъ, большинство и меньшинства совершенно не парламентскій пріемъ, замѣтилъ Хижняковъ, почему-то поручится, не говоритъ. Подписалось 101 человѣкъ значительное число. Хижняковъ сдѣлалъ—Мировой] предсѣдателю петербургской земской управы, при семъ письмо съ отказомъ, оно не удалось, что сказать примутъ такой отказъ, и берутъ свои слова обратно затѣмъ же было говорить при подписываніи Хижняковъ. Впрочемъ, говоритъ разумѣется и не такая подпись. Затѣмъ, выбираютъ пять депутатовъ Шиповъ, Львовъ, Петрункевичъ, Гейденъ и Родзянко. Отказались наотрѣзъ еще Сольскій и Маріей узнать о намѣреніи пріѣхать депутатовъ и ихъ. Самому у него по частному тому Гейденъ, что официально такую депутацію онъ не можетъ принять но чтобы тѣ лица принесъ ему резолюціи и онъ передастъ ее кому слѣдуетъ. Такъ и сдѣлали. Теперь, заключаетъ Хижняковъ, положеніе на пути. Послѣ засѣданій съѣзда происходилъ банкетъ литераторовъ и земцевъ. Говорили рѣчи читали адресы. Адресовъ много. На читаніи около [illegible] подписей. Было бы конечно гораздо больше, если бы [illegible] Но [illegible] не встрѣчалъ поддержки [illegible] Теперь будемъ ждать. Безусловно [illegible] должно [illegible] требованіе [illegible] Прочія рѣчи [illegible]

[illegible] Мы [illegible] [illegible] [illegible]

міра отъ той дикой борьбы съ „внутреннимъ врагомъ", въ которой оно пользуется всѣми средствами, не останавливаясь передъ массовыми арестами, высылками въ необитаемыя части государства, массовыми избіеніями, разстрѣлами и даже кровавыми еврейскими погромами (Кишиневъ, Гомель, Могилевъ и др.);

4) что войной этой русское правительство стремится отвлечь на „внѣшняго врага" все то негодованіе, всю ту ненависть, которыя накопились во всѣхъ слояхъ русскаго общества противъ самодержавнаго правительства и „высшихъ классовъ" и, такимъ образомъ, затормазивши ростъ революціоннаго движенія внутри страны, укрѣпить расшатанный тронъ;

Обращая, далѣе, вниманіе общества на то, что отъ всѣхъ средствъ, посылаемыхъ правительству или варварски выжимаемыхъ имъ у бѣднѣйшей части населенія на специальную цѣль помощи раненымъ на войнѣ, до назначеній цѣли доходитъ лишь микроскопическая доля, а все остальное попадаетъ въ карманы специально назначенныхъ для этого чиновниковъ, на что не разъ указывалось и европейской прессой,

Собраніе, признавая, что участіе во всѣхъ предпріятіяхъ, помогающихъ русскому правительству въ его позорной войнѣ, даетъ ему тѣмъ самымъ нравственную поддержку въ его авантюристской политикѣ, отклоняетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ приглашеніе испанской секціи „Краснаго Креста" и выражаетъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что единственнымъ средствомъ противъ всѣхъ бѣдствій, вызванныхъ настоящей войной въ Россіи, является одно — принудить русское правительство прекратить эту войну".

Резолюція принята 77 голосами противъ двухъ при двухъ воздержавшихся.

II. Резолюція собранія членовъ Льежской колоніи была напечатана въ № 330 отъ 25 ноября с. г. мѣстной газеты „Express", подъ заглавіемъ „La vraie Russie contre la Russie officielle". Въ отвѣтъ на нее, членами русской колоніи получено слѣдующее письмо:

Господамъ членамъ русской колоніи въ Льежѣ.

Liège 25 ноября 1905 (?).

Въ отвѣтъ на ваше заявленіе, озаглавленное „La vraie Russie contre La Russie officielle", появившееся сегодня въ газетѣ „Express":

Вы забываете, М. М. Г. Г., наиболѣе священныя обязанности человѣчества. Вы забываете, что Красный Крестъ оказываетъ тамъ, на полѣ битвы, неоцѣнимыя услуги Вашимъ братьямъ, убитымъ и раненнымъ. Такимъ образомъ, я оставляю за собой право доставить это заявленіе не только Его Императорскому Величеству Императору Россіи, но и Петербургской прессѣ. Вы забываете, М. М. Г. Г., что дѣятельность Краснаго Креста является величайшимъ международнымъ дѣломъ. Ваше заявленіе прямо тяни недостойно. Общественное мнѣніе явится судьей по данному вопросу, и я оставляю всѣ послѣдствія на Вашей отвѣтственности.

Примите и проч.

Чл. Инт. Асс., Испанская секція.

— Ed. de Beawillieres de Narmont.

P. S. Я жалѣю только объ одномъ: если бы я зналъ 77 именъ, я ихъ представилъ бы въ распоряженіе прессы, но Вы не имѣли достаточно открытой смѣлости присоединить Ваши подписи къ этому сообщенію. Вы являетесь той породой людей, которымъ трудно подыскать соотвѣтствующее названіе. Надѣюсь, что французская пресса, которой я отсылаю это заявленіе русской колоніи, сумѣетъ его судить и оцѣнить въ свою очередь.

III. Собраніе членовъ русской колоніи въ Льежѣ въ своемъ засѣданіи отъ *29 ноября* 1904 г., заслушавъ письмо члена испанской секціи „Краснаго Креста", приняло слѣдующую резолюцію:

„Подчеркнувъ въ принятой 22 ноября резолюціи преступное происхожденіе русско-японской войны и указавъ на то, что организованный испанской секціей „Кр. Кр." спектакль въ пользу русскихъ раненыхъ является предпріятіемъ, помогающимъ русскому правительству въ его позорной войнѣ и тѣмъ самымъ дающимъ ему нравственную поддержку въ его авантюристской политикѣ, *собраніе ясно указало этимъ*, что настоящее предпріятіе, если бы даже оно исходило изъ самыхъ чистыхъ, гуманныхъ побужденій и имѣло своей цѣлью помощь раненымъ не одной лишь, а обѣихъ воюющихъ сторонъ, должно быть разсматриваемо единственно, какъ актъ политической и, какъ таковой, оцѣниваемо исключительно съ политической точки зрѣнія, собраніе выражаетъ свое глубокое убѣжденіе:

что для всякаго, кто не страдаетъ близоркостью въ разсмотрѣніи соціальныхъ явленій должна быть вполнѣ ясна полная непримиримость къ нимъ индивидуально-этической оцѣнки; что лишь въ слѣпомъ преклоненіи предъ существующимъ, можно не видѣть вопіющаго противорѣчія между громкими словами о человѣколюбіи и полнѣйшей недѣйствительностью всѣхъ палліативовъ, изобрѣтаемыхъ современными капиталистическимъ обществомъ противъ нимъ же созданныхъ ужасовъ войны;

что не въ исправленіи уже нанесеннаго зла, а въ борьбѣ за коренное уничтоженіе порождающихъ его соціальныхъ и политическихъ условій лежитъ истинный разумный „культризмъ;

Не останавливаясь на неприличномъ тонѣ и общемъ характерѣ заслушанной письма, собраніе заявляетъ, что только наличность подписи: „Членъ Испанской Секціи Международной Ассоціаціи Краснаго Креста" препятствуетъ усмотрѣть въ немъ актъ низкаго провокаторства, которымъ русское самодержавное правительство такъ охотно и успѣшно пользуется, не только у себя въ Россіи, но и заграницей".

Резолюція принята 99 голосами при 4 воздержавшихся.

Присоединилось 11 человѣкъ".

Надѣемся, что пощечина, полученная имъ такъ заслуженно отъ Льежской русской молодежи, заставитъ г-на де-Нармонъ на будущее время сохранять про себя свою жгучую страсть къ обнаруженію тѣхъ именъ, сообщеніе которыхъ могло бы быть цѣнно для русской полиціи.

Къ сожалѣнію, при перепечаткѣ изъ бельгійскаго *радикальнаго* органа „Express" резолюціи русской колоніи, оффиціальный органъ бельгійскихъ *соціалистовъ* „Peuple" произвольно измѣнилъ ея текстъ, давъ ему интерпретацію извѣстнаго жоресовскаго плана о борьбѣ европейской *буржуазіи* противъ русско японской войны. Слова „принудить русское правительство прекратить эту войну" замѣнены словомъ: „чтобы *общественное мнѣніе* Европы принудило русское правительство" и т. д. Въ такомъ видѣ резолюція перепечатана и въ органѣ Жореса. Зачѣмъ нужно было столь „расширительное" толкованіе — неизвѣстно.

Сердечное попеченіе о мобилизуемыхъ.

М. В. Д. Секретно.
Приставъ Конфиденціально.
...стана ...аго уѣзда
ноября ... дня
гор. N. Кіев. губ. Ваше Высоко....ie.

Призывъ запасныхъ нижнихъ чиновъ 6-ой частной мобилизаціи сопровождался въ Каневскомъ уѣздѣ цѣлымъ рядомъ безпорядковъ со стороны запасныхъ, а также посягательствомъ ихъ на чужое имущество. Явленіе это глубоко прискорбное и является крайне печальнымъ, что возникло оно по поводу священнѣйшей изъ повинностей гражданина, по коей населеніе призывается на защиту кровныхъ интересовъ и чести имперіи. Лица, виновныя въ отдѣльныхъ преступкахъ и преступленіяхъ противъ порядка управленія, личной и имущественной безопасности обывателей, понесутъ въ свое время кару по всей строгости закона. Но это обстоятельство отнюдь не должно закрывать всей прискорбности имѣвшихъ мѣсто массовыхъ безпорядковъ и не можетъ ослабить тяжести нравственной отвѣтственности, лежащей на всѣхъ представителяхъ государственной, общественной и частной административной власти, на коихъ, и по долгу службы и по нравственному чувству, лежитъ забота о предупрежденіи самой возможности подобныхъ явленій среди массы населенія. Нѣтъ сомнѣнія, при обычныхъ условіяхъ жизни огромное большинство запасныхъ нижнихъ чиновъ, призываемыхъ нынѣ на дѣйствительную службу, представляетъ собою добрыхъ гражданъ, свято чтущихъ чужое право, отнюдь не склонныхъ къ разгулу дикихъ страстей, не знающихъ удержу, въ томъ убѣждаютъ и высокіе подвиги нашихъ воиновъ, засвидѣтельствованные на полѣ брани многочисленными примѣрами, возбудившими удивленіе всего міра, и тѣмъ не менѣе они, будущіе герои, при самомъ призывѣ ихъ на службу, подчиняются особому настроенію, свойственному толпѣ; подъ вліяніемъ „превеличенныхъ навѣстій" отъ театра войны о предстоящихъ жертвахъ, у лишенныхъ прощанія съ родными, и неизвѣстности будущаго создается особаго рода нервозность, которая увлекаетъ этихъ людей за границу дозволеннаго и не рѣдко ставитъ ихъ въ ряды тяжкихъ преступниковъ. Для ослабленія и для устраненія подобныхъ тягостныхъ явленій, начальникъ края нашелъ, что всѣ лица и учрежденія, такъ или иначе прикосновенныя къ части населенія, изъ среды коихъ будутъ призываться запасные на дѣйствительную службу отъ ея начальнаго момента и до конца призыва, должны сердцемъ и душою войти въ нравственное состояніе призываемыхъ и по мѣрѣ силъ и средствъ предложить имъ всѣ тѣ утѣшенія и все то сочувствіе, какія приличны случаю и мѣсту. Лица духовнаго сословія должны въ настоящее время, по воскресными и праздничнымъ днямъ, а также при всякомъ удобномъ случаѣ и въ школахъ, какъ пастыри, объяснять и знакомить населеніе, какъ тяжко нехорошо отзывается на населеніи буйство и разбой призываемыхъ, а тѣмъ болѣе на послѣднихъ, которые *по окончаніи войны будутъ наказаны по всей строгости закона и никакіе геройскіе подвиги ихъ не спасутъ отъ этого.* А въ дни самаго призыва пастыри должны пригласить призываемыхъ къ общей молитвѣ въ мѣстные храмы и для душевныхъ собесѣдованій о долгѣ воиновъ и предстоящемъ святомъ подвигѣ на алтарѣ отечества и своей родины. Сердечная отзывчивость къ положенію призванныхъ подсказала-бы представителямъ общественныхъ и частныхъ учрежденій и частнымъ лицамъ, довѣреннымъ землевладѣльцевъ, администраціи всѣхъ заводовъ, какъ согласно мѣстнымъ условіямъ и обычаямъ слѣдовало-бы встрѣтить почетно и по возможности *уюстить* призываемыхъ, въ предѣлахъ благопристойнаго и по правиламъ благоустроеннаго обиженія и затѣмъ съ честью и любовью проводить на дальній Востокъ тѣхъ, кому судьба укажетъ итти на защиту отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что среди призываемыхъ запасныхъ чиновъ такія уродливыя личности, которыя признаютъ возможность разграбить ближайшую свою родину, прежде чѣмъ выступить на защиту истинно родной страны, представляютъ лишь рѣдкія исключенія, но даже и эти исключительныя лица были бы поставлены въ надлежащія рамки при наличности очерченныхъ выше условій: благожелательнаго, отзывчиваго вниманія ко всѣмъ призываемымъ; вообще вниманія, которое способно было бы укрѣпить свойственный торжественному моменту подъемъ духа и не дать этому подъему выразиться въ уродливой и дикой формѣ полнаго презрѣнія къ требованіямъ порядка и законности. Физически не имѣя возможности лично быть у всѣхъ, обращаюсь письменно съ покорнѣйшей просьбой къ гг. пастырямъ, дворянамъ, землевладѣльцамъ и ихъ арендаторамъ, заводской администраціи всѣхъ категорій и лицамъ, завѣдующимъ частными учрежденіями, принять самое горячее участіе на случай призыва запасныхъ нижнихъ чиновъ и воздѣйствовать на нихъ съ моральной стороны во избѣжаніе всякихъ безпорядковъ и безобразій, позаботиться для нихъ же устройствомъ сердечныхъ проводовъ и угощеній, соединиться для этого въ одно общество *безъ различія вѣры и положенія* и своимъ примѣромъ, отзывчивостью парализовать дикія чувства, и выходки въ призываемыхъ. Кромѣ того, покорнѣйше прошу всѣхъ гг. почтить меня въ скоромъ времени до 9 ноября отвѣтомъ, какія гдѣ могутъ быть приняты мѣры къ встрѣчѣ и проводамъ нижнихъ чиновъ, въ чемъ именно проводы и угощенія будутъ выражаться, высказавъ при этомъ, кому будетъ болѣе удобно принимать руководство въ случаѣ угощеній и проводовъ призываемыхъ, а также свой взглядъ на болѣе примѣнительныя стороны встрѣчи и проводовъ по мѣстнымъ условіямъ и приданіи всему этому болѣе торжественности.

Примите увѣреніе въ глубокомъ къ Вамъ уваженіи
пристав[ъ] (подпись неразборч.).

Старайтесь, господа! Поневолѣ начинаютъ и крестьяне соображать, какъ можно побудить васъ нѣсколько болѣе заботиться о „пушечномъ мясѣ".

Новая провокація. Новая „Романовка" въ перспективѣ.

М. В. Д. Инородным управамъ, Волостнымъ
Якутскій окружной управленіямъ и старшинамъ скоче-
исправникъ ских селеній.
№ 2160
Іюля 30 дня 1904 г. N-ой Инородной Управѣ.

„Поручено Инородной Управѣ, съ полученія сего, немедленно объявить и лично разъяснить всѣмъ инородцамъ, чтобы они отнюдь не принимали въ дома свои административно-ссыльныхъ, находящихся на водвореніи въ другихъ наслегахъ безъ предъявленія ими надлежащихъ письменныхъ разрѣшеній, и если куда явится такой изъ сосѣдняго наслега административно-ссыльный, то доносить о немъ въ Окружное Полицейское Управленіе черезъ сельскія власти, какъ о самовольно отлучившемся, немедленно съ нарочнымъ и принять мѣры къ выдворенію его изъ этого наслега".

Повидимому, присутствіе „романцевъ" въ Якутскѣ связывало руки тамошнему начальству. При нихъ на волѣ все шло тихо, благородно. Но обратите вниманіе на дату циркуляра — первый день романовскаго процесса, т. е. начало конца. Если прежняя мѣра — запрещеніе давать лошадей — не помогла, если о невыѣздѣ ссыльныхъ долженъ былъ заботиться свой наслегъ, то объ этомъ теперь будетъ заботиться и чужой, куда появится ссыльный. Циркуляръ имѣетъ невинный видъ запрещенія отдавать квартиры для жительства — таково только можетъ быть его формальное толкованіе, но онъ написанъ такъ, что дѣлаетъ невозможною всякую отлучку. Одинъ болѣе развитой и толковый старостa въ наслегѣ толкуетъ такъ: „административно-ссыльныхъ изъ другихъ наслеговъ якуты не имѣютъ права впускать въ свои дома не только на жительство, но и погрѣться, чаю напиться, ночевать". Подумайте только объ этомъ натравливаніи полудикого якута на ссыльныхъ. Якута не трудно прогнать, показавъ ему револьверъ, ножъ и т. п.: онъ трусъ ужасный, но это не борьба, не съ нимъ нужно бороться, и не съ нимъ будутъ бороться. А бороться будутъ. Всякое насиліе надъ товарищами встрѣтитъ отпоръ въ ссылкѣ, ибо съ „романовцами" еще не исчезли люди, способные на это. Случайно многихъ не было съ ними, а кромѣ того, многіе пришли лишь впослѣдствіи. А репрессіи уже начались. Бѣжавшій лѣтомъ изъ Вилюйска Молчанъ, несовершеннолѣтній, мобилизованный на Ленѣ, былъ возвращенъ въ Якутскъ, гдѣ содержится въ тюрьмѣ. Теперь ему объявили о новомъ назначеніи въ Колымскъ, т. е. на вѣрную смерть, ибо тамъ теперь, кромѣ всѣхъ бѣдъ, еще форменный голодъ. Молчанъ заявилъ, что ни за что туда не поѣдетъ.

Екатеринославъ. Процессъ о всеобщей стачкѣ 1903 года представляетъ нѣчто небывалое въ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣло 50 рабочихъ и, вмѣстѣ съ ними, только одинъ интеллигентъ, и то онъ не былъ ни „представителемъ", ни „подстрекателемъ" демонстраціи. Всѣ они на судѣ (судебн. палата съ сосл. предст.) держались въ высшей степени тактично, съ удивительной солидарностью; очень многіе признали себя членами Р. С.-Д. Р. Р.[1]); чуть не всѣ заканчивали свои рѣчи словами: „долой самодержавіе", Со-

[1]) По словамъ легальныхъ газетъ, 29 чел.

словный представитель, губернскій предводитель дворянства, велъ себя на судѣ непозволительно, требовалъ высшей мѣры наказанія рабочихъ за поведеніе на судѣ. Даже сама палата должна была ему заявить, что она вправѣ судить только за преступки до суда, а прочее ея не касается.

Невозможно, къ сожалѣнію, передать въ письмѣ всѣхъ деталей. Сколько курьезнаго, страннаго, возмутительнаго въ показаніяхъ полиціи, случайныхъ свидѣтелей и т. п., и сколько благородства, мужества въ поведеніи подсудимыхъ!

8-го ноября судъ закончился. Изъ 50 подсуд, оправданы 14, остальные приговорены къ тюремному заключенію: 1-ая группа — 3 г. 4 м. (Іаффе, Овсянъ, Розенбаумъ, Трофимовъ Михаилъ; 2-ая — 2 г. 8 м. (Вонахъ, Городецкій, Градковскій, Голубенковъ); 3-ья — 2 г. и 2 м. (Кошкинъ, Незнаюшая, Соленый, Телесовъ); 4-ая — 2 г. (Бѣлкинъ, Грибановъ, Горскинъ, Лайкинъ, Макулевъ, Алифиренко, Романовъ, Хохловъ, Ужаченковъ); 5-ая — 1 г. 9 м. 10 дн. (Ицекманъ, Левицкій, Лѣсовой, Ресеинъ, Слонимъ, Трекухъ); 6 ая — 1 г. 4 м. (Роберманъ, Левинъ, Трофимовъ, Нищенко, Рудинкова, Самойловъ, Цыбулевскій); 7-ая — 10 м. 20 дн. (Айнбундъ, Берковская, Либерманъ, Теминъ); 8-ая — вмѣнено въ наказаніе время предварительнаго заключенія (Синюрвинъ, Горбуновъ); оправданы: Афанасьевъ, Бобылевъ, Берестовскій, Хаея Ганабургъ, Ефимовъ, Звѣздинъ, Зажуловскій, Лифшицъ, Медвѣдевъ, Меллядская, Оводова, Шевченко и Ященко.

От редакціи. Слѣдуетъ отмѣтить своеобразное отличіе обвинительнаго акта по этому дѣлу (онъ будетъ напечатанъ нами) отъ аналогичныхъ документовъ (какъ, напримѣръ, по дѣлу о той-же всеобщей стачкѣ въ *Кіевѣ*). Авторы тщательно подчеркиваютъ *политическій* характеръ всего движенія, такъ искусно скрываемый обыкновенно въ обвинительныхъ актахъ по дѣламъ о массовыхъ движеніяхъ. На этотъ разъ официальный документъ пестритъ упоминаніями о томъ, какъ тысячеголовая толпа кричала: „долой самодержавіе!" Впервые слуги самодержавія признали, что рабочая *масса* возстаетъ противъ существующаго политическаго режима. *Послѣ этого* говорить о „немногочисленныхъ элонамѣренныхъ элементахъ" уже не приходится. Екатеринославскому пролетаріату выданъ его злѣйшими врагами аттестатъ политической зрѣлости.

Другая характерная черта обвинительнаго акта — на этотъ разъ сближающая его съ ему подобными — стремленіе изъ всей „преступной толпы" выдѣлить *евреевъ*, какъ главныхъ зачинщиковъ. Всякій знаетъ, какую вѣру можно придавать такому выдѣленію. Одно только интересно: не чувствуютъ-ли наши самодержцы, что, стремясь выставить евреевъ-рабочихъ застрѣльщиками и вожаками такихъ могучихъ массовыхъ движеній, какъ политическая стачка 1903 г., они, съ одной стороны, выдаютъ *имъ* аттестатъ громаднаго вліянія на русскую пролетарскую массу, а, съ другой, оффиціально признаютъ, что *эта* масса перестала относиться антисемитически къ своимъ еврейскимъ товарищамъ, и, *въ своей ненависти къ самодержавію*, опрокинула всѣ перегородки расовыхъ и вѣроисповѣдныхъ различій, построенныя исторіей? И это — лишнее свидѣтельство революціонной зрѣлости пролетаріата, выданное чинами министерства внутрен.

Екатеринодаръ. Въ одиночной тюрьмѣ содержится 14 политическихъ: изъ нихъ Пѣшковъ (раб.), Чито (грузинъ раб.), Бороденко (раб.) сидятъ съ апрѣля, Глушко (семинар.) съ августа, Ткаченко съ мая, Швитко (жел.-дор. служ.) съ апрѣля. Послѣ голодовки переведены въ Усть Лабу В. С. Поповъ (сидитъ съ апр.), а недавно въ Армавиръ перевели А. Щербинина.

Большинство содержащихся въ тюрьмѣ и другія лица, всего до 25 человѣкъ, подлежатъ суду Новочеркасской Судебной Палаты. Дознаніе будетъ закончено въ ноябрѣ и разборъ дѣла можно ожидать не раньше января или февраля мѣсяца.

Всѣ обвиняются по соціалъ-демократическому дѣлу, уликъ противъ большинства привлеченныхъ почти нѣтъ никакихъ, — тѣмъ не менѣе, нѣкоторыхъ изъ нихъ держатъ уже болѣе семи мѣсяцевъ. Глушко судится 14 декабря (въ Новочеркасской Палатѣ) за храненіе прокламацій Кубанскаго Комитета. Кромѣ найденныхъ у него листковъ, этотъ 18 ти лѣтній юноша на въ чемъ не обличенъ, но въ отмѣстку за его полное достоинства поведеніе при арестѣ и въ тюрьмѣ, ему предъявили обвиненіе по 128 и 130 ст.

Архангельскъ. 7 ноября на собраніи политическихъ ссыльныхъ, (около 60 человѣкъ) была принята слѣдующая резолюція:

Принимая во вниманіе: что съѣздъ председателей управъ не обладаетъ полномочіями отъ народа для выработки того „основного закона", который долженъ лечь въ основу будущаго правового порядка; что только Учредительное Собраніе, избранное всѣмъ населеніемъ, можетъ взять на себя эту задачу — Собраніе приходитъ къ заключенію, что главная и единственная задача съѣзда должна заключаться въ требованіи немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго для всѣхъ голосованія.

Протесты ссыльныхъ. Якутскіе ссыльные подали губернатору заявленіе, въ которомъ протестуютъ противъ парскаго манифеста и его примѣненія къ нимъ и обѣщаютъ, въ случаѣ если онъ все же будетъ примѣненъ, продолжать, по возвращеніи въ Россію, свой революціонный образъ дѣйствія. Подписи: Як. Рубинштейнъ, А. Баскинъ, Б. Бродскій, Д. Виндеръ, Г. Геликманъ, Ц. Виленкинъ, Р. Займеръ, Ливанскій, Циля Даргольцъ, М. Вайнштейнъ, З. Левинъ, О. Винникъ, А. Верштейнъ, А. Крюковъ, А. Курносовъ, С. Шейнкманъ, В. Ивановъ, Я. Законъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Среди христолюбиваго воинства. Военное министерство все чаще и чаще пишетъ циркуляры о борьбѣ съ крамолой въ войскахъ, военное начальство все усерднѣе принимаетъ строжайшія мѣры борьбы съ нею... Солдатамъ перестаютъ довѣрять, ихъ заподазриваютъ. Часто въ казармахъ осматриваютъ солдатъ: всѣ-ли православные носятъ на шеѣ крестъ? Въ бурное лѣто прошлаго года, при подавленіи волненій, начальство не надѣялось на солдатъ. Поэтому, оно составило отряды, выбирая по 2—3 солдата изъ роты; предъ тѣмъ, какъ вести въ бой, вожди рѣчами вдохновляли свою команду на подвигъ доблестный. И солдатъ шелъ, разобщенный со своими обычными товарищами, неловко себя чувствуя среди незнакомыхъ и опасаясь предательства со стороны собрата. Все это не пустая мнительность: въ армію проникаетъ неблагонадежность. Въ казармѣ устанавливается спеціальный сыскъ, громогласно предъ цѣлыми ротами обѣщаютъ денежныя и другія награды за помику преступниковъ, производятъ чуть ли не еженедѣльно поголовные обыски — и, тѣмъ не менѣе, нелегальщина во многихъ войсковыхъ частяхъ явленіе заурядное и хроническое. Среди солдатъ большого города можно уже встрѣтить такихъ, которые впервые услышали о революціонной борьбѣ въ той самой казармѣ, въ которой къ концу службы они сдѣлались активными революціонерами-агитаторами.

Но, какъ ни быстро растетъ въ арміи число ихъ, все же они — капля въ бездонномъ морѣ рабства и безсмысленной покорности. Центръ, основа неблагонадежности арміи не въ нихъ, не въ этихъ единицахъ, примыкающихъ къ организаціи и регулярно получающихъ нелегальную литературу. Не очень то грозятъ благонадежности арміи и тѣ прокламаціи, которыя изрѣдка попадаютъ въ одну сотую россійскихъ полковъ и производятъ большее впечатлѣніе на военное министерство, чѣмъ на солдатъ. Точно также не представляютъ сколько-нибудь вліятельной силы и тѣ одиночки, которые втихомолку и незамѣтно, изолированно, ведутъ осторожную пропагандистскую работу и за годъ, за два, создаютъ вокругъ себя небольшой кружокъ. Такая

работа встрѣчается чаще организаціонной. Но возникающіе такимъ путемъ кружки живутъ слишкомъ замкнуто, составляя свой обособленный міръ; они отрываются отъ жизни солдатской массы и перестаютъ жить ея интересами. Дѣйствительная неблагонадежность арміи въ томъ, что покорный, безропотный солдатъ начинаетъ становиться рѣдкостью. Съ каждымъ днемъ здѣсь на убыль солдатъ, считающій непоколебимой истиной преподаваемую ему „словесность“, вѣрящій во всемъ начальству, терпѣливо ожидающій, что за богомъ — молитва, за царемъ — служба не пропадаетъ и принимающій, какъ нѣчто естественное, самыя дикія выходки своего начальства. Дѣло дошло до того, что такой солдатъ составляетъ врядъ-ли половину всего полкового состава. А въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ, формирующихся, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ, „истинно русскій“ солдатъ остается уже въ меньшинствѣ. Наблюдателю всюду бросается въ глаза тотъ фактъ, что армія раскалывается на двѣ совершенно различныя части. Изъ нихъ „благонадежная“ часть состоитъ изъ наименѣе цѣнныхъ, даже въ глазахъ начальства, элементовъ. Здѣсь безграмотные, наиболѣе тупые и безголосые, забитые и трусливые — преимущественно изъ деревень обитающій черноземной полосы и медвѣжьихъ угловъ съ натуральнымъ хозяйствомъ (такъ наз. „сванопасы“). Но этими жалкими людьми не исчерпываются сторонники „порядка“. На сторонѣ его стоитъ обширный слой толковыхъ и грамотныхъ людей, желающихъ, при помощи служебныхъ отличій, „выйти въ люди“, проложить себѣ дорогу къ „легкому куску хлѣба“. Они не только сторонники существующаго строя, но и единственные его защитники. Они — „внутренніе враги“ казармы, являясь вѣрными слугами и пособниками начальства въ дѣлѣ угнетенія и обезличиванія солдатъ. Изъ этого слоя и выходятъ унтера, фельдфебеля, жандармы, стражники, городовые, швейцары и пр.

Остальная половина арміи уже отчасти неблагонадежна. Она состоитъ, если отбросить сознательныхъ одиночекъ, во 1-хъ, изъ людей, еще до службы почувствовавшихъ ненормальность и тяготу условій существованія въ современномъ обществѣ и начавшихъ собственнымъ умомъ доходить до вредныхъ мыслей; во 2-хъ, изъ лицъ, не носившихъ въ себѣ до солдатчины ни одной капли оппозиціоннаго яда, чистыми и непорочными „истинно-русскими“ людьми вступившихъ на службу, но, подъ бременемъ жестокой дисциплины и казарменнаго варварства, потерявшихъ терпѣніе: въ нихъ начинаетъ работать мысль, вспыхиваетъ и зрѣетъ лютая злоба.

Правда, въ негодованіе, очевидно, поверхностно, ихъ возмущеніе не идетъ подчасъ дальше полкового начальства. Во всякомъ случаѣ — первый и самый трудный шагъ по пути къ сознательной жизни сдѣланъ, самыя крѣпкія нити благонадежности порваны. Сегодня они еще мѣрятъ, но кто знаетъ, что будетъ завтра... Они служатъ „царю-батюшкѣ“, презирая свою службу, подчиняются властямъ, ненавидя ихъ, видятъ произволъ, проклиная его. Каждый фактъ начальническаго взаимодѣйствія службе роетъ яму между ними и „порядкомъ“. Самостоятельно, безъ прокламацій и постояннаго воздѣйствія, они начинаютъ ненавидѣть всю солдатчину отъ начала до конца, весь казарменный укладъ, все начальство! Не всегда это широкое негодующее недовольство остается только „профессіональнымъ“ — часто казарменные тески выжимаютъ изъ пробужденной головы солдата мысли о томъ гнетѣ, который онъ покинулъ на волѣ и который его стережетъ при выходѣ изъ казармы. И тогда недовольство, стихійное и безформенное, начинаетъ подрывать корни не только политическаго, но и экономическаго строя.

Оппозиціонныхъ солдатъ не трудно выискать: многіе изъ нихъ сами бросаются въ глаза. Недовольства у нихъ накопилось такъ много, злоба является до того преобладающимъ настроеніемъ, что это сказывается довольно часто. За каждое выраженіе недовольства можно попасть подъ арестъ, за каждое ругательство по адресу офицера, даже за глаза, можно угодить въ дисциплинарный батальонъ и, тѣмъ не менѣе, если по близости нѣтъ завѣдомаго врага, то недовольство такъ и брызжетъ, ругань такъ и льется. Такой солдатъ служитъ только за страхъ, но не за совѣсть. Ему не важны ни постъ, который онъ охраняетъ, ни арестованные, которыхъ онъ конвоируетъ... Онъ исполняетъ все это, потому что *съ него спрашиваютъ*. Все важное, о чемъ ему тверднтъ начальство — присяга, престолъ, отечество — для него не существуетъ, надъ нимъ сохраняетъ силу только палка, онъ повинуется только потому, что „ничего не подѣлаешь“...

Итакъ, чуть ли не половина арміи, въ большей или меньшей степени, заражена оппозиціоннымъ духомъ. Пробужденная, главнымъ образомъ, казарменнымъ гнетомъ, оппозиціонная мысль иногда выходитъ за предѣлы этого гнета и самостоятельно начинаетъ переоцѣнивать всѣ житейскія отношенія. Иногда же она безсильно бьется, не умѣя связать гнетъ казармы съ гнетомъ, царящимъ за его предѣлами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ эта масса представляетъ богатый и воспріимчивый матеріалъ для соц.-демократической работы. Въ каждомъ полку десятки, а то и сотни лицъ уже поверглн въ прахъ старые кумиры и теперь мучительно ищутъ выходъ для своихъ сомнѣній, жадно подхватывая „новое слово“. Съ окончаніемъ службы, для нихъ начинается новая жизнь. И они стремятся начать ее по новому. Поэтому они съ радостью встрѣтятъ того революціоннаго Колумба, который откроетъ ихъ непочатую силу, ихъ нетронутую энергію. Разговоры о томъ, что солдатъ законовъ въ броню дисциплины, которую трудно пробить, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть борьбы, въ процессѣ которой революціонѣрчется сознаніе, что масса здѣсь слишкомъ пестра, что въ казармѣ солдатъ, съ одной стогоны, оторванъ отъ своего классового положенія, а съ другой—смотритъ на свое пребываніе въ ней, какъ на временное — являются несостоятельными. Здѣсь приходится считаться съ фактами: въ казармѣ выкристализовался общирный слой жаждущихъ революціоннаго воздуха и весь этотъ слой сдѣлаются пригоденъ для воспріятія демократическихъ идей. Что же касается социализма, то проникнутся имъ далеко не всѣ: извѣстная часть дальше демократизма не пойдетъ. Но эта часть не велика, ибо оппозиція формируется, главнымъ образомъ, изъ пролетарскихъ элементовъ, пренмущественно тѣхъ, кому приходилось жить не на одномъ мѣстѣ и бывать въ городѣ.

Доказывать необходимость работы въ войскѣ — значитъ ломиться въ открытую дверь. Почва для этой работы богатѣйшая. Съ точки зрѣнія конспиративной дѣятельности, работа въ арміи не представляетъ тѣхъ исключительныхъ трудностей и опасностей, какъ это кажется на первый взглядъ. Работа здѣсь получаетъ тѣмъ большее значеніе, что солдаты разнесутъ и посѣятъ болѣе или менѣе правильное представленіе о нашемъ движеніи, сосредоточивающемся преимущественно въ большихъ городахъ, по тѣмъ глухимъ угламъ, куда не проникаетъ еще наша агитація.

До сихъ поръ наши организаціи, въ большинствѣ случаевъ, ставятъ работу среди войскъ на задній планъ, ограничиваясь тѣмъ, что 2-3 раза въ годъ печатаютъ стереотипный, до нельзя абстрактный листокъ о милитаризмѣ и подбрасываютъ его къ воротамъ казармы. Нужно ли говорить, что значеніе такой агитаціи до нельзя микерно? Для арміи необходимы специальныя организаціи, послѣдовательно и планомѣрно развивающія систематическую дѣятельность, объединяющія сознательныхъ солдатъ, обличающія всѣ крѣпостническіе пережитки арміи, привлекающія все новые элементы и т. д.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Скопинскій уѣз., Рязанской губ. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ двухъ деревняхъ нашего уѣзда происходили крестьянскія волненія, для усмиренія которыхъ потребовалось вмѣшательство высшихъ властей. Происходили они изъ почвѣ частныхъ неудовольствій и выразились, въ сущности, въ пустякахъ. Въ усадьбѣ помѣщиковъ Темеповыхъ—въ возмездіе за постоянныя прижимки въ случаѣ пенбѣжныхъ при черезполосицѣ потравъ и т. п. — крестьяне перебили всѣ окна. Въ деревнѣ Вердеровкѣ, гдѣ помѣщикъ самовольно перенесъ спорнтвную проѣзжую дорогу на новое мѣсто, а старую, огородивъ ее шлагбаумами и поставивъ казрульнаго черкеса, захватилъ въ свое исключительное пользованіе, — крестьяне, составивъ приговоръ, двинулись толпой на черкеса, чтобы прогнать его, а когда тотъ выстрѣлилъ, то поколотили его изрядно, а затѣмъ уничтожили шлагбаумы и завладѣли дорогой. Вотъ и все. Само собой разумѣется, что крестьяне прибѣгли къ этимъ мѣрамъ, исчерпавъ предварительно всѣ мирные пути улаженія конфликта, не исключая и суда. Понятно тоже, что закончились волненія, какъ это всегда бываетъ, арестами „зачинщиковъ“, возстановленіемъ шлагбаумовъ и увеличеніемъ числа вердеровскихъ черкесовъ съ одного до трехъ, а у Темешовыхъ — водвореніемъ въ усадьбу городового... на страхъ врагамъ и для охраны побитыхъ стеколъ...

Интересно отмѣтить, какъ понять былъ крестьянами въ нашемъ уѣздѣ извѣстный манифестъ 26 февраля позапрошлаго года.

Прекратилось ли у насъ крѣпостное право?

Верхнеуральскій уѣздъ, Оренб. губ. Съ Узянскаго завода нынѣшней весной сослали нѣсколькихъ довольно оригинальныхъ „политиковъ“. Все это старики 50, 52, 60, 70 и даже 75 лѣтъ. Послѣднимъ шелъ въ маѣ на 3 г. въ Оловецкую губ. нѣкій Григорій Азановъ, дряхлый, полуослѣпшій старикъ 70-ти лѣтъ—настоящая развалина, готовая разсыпаться отъ малѣйшаго сотрясенія или удара. „Дѣло“ ихъ велось жандармами и шли они по постановленію мин. вн. дѣлъ, но сами они, не безъ основанія, утверждали, что высылаетъ ихъ „контора“. Не унаслідовавъ отъ помѣщиковъ крѣпостной эпохи *права* ссылать своихъ крестьянъ, наши заводчики обладаютъ, что еще важнѣе, достаточной для этого *силой*. Пользуясь своимъ давленіемъ на закабаленную округу и спаивая крестьянъ водкой, контора почти всегда можетъ добиться мірского приговора, изгоняющаго неудобныхъ почему либо ей лицъ, въ качествѣ „порочныхъ“ членовъ общества. Если же міръ недетъ борьбу съ конторой и не склоненъ выполнять ея желаній—на сцену являются жандармы. Такой именно случай и представляетъ собою узянское дѣло.

Узянскій заводъ, купленный въ 1872 г. у казны торговымъ домомъ Вогау и К°, больше всего ради *приписанныхъ* къ нему землъ и лѣсовъ, работаетъ теперь только для проформы, въ одну домку, да и та такая, что „кузницы лучше бываютъ“. Вслѣдствіе этого 100 человѣкъ работаетъ, а 1½ тысячи гуляетъ... Работаютъ въ двѣ смѣны по 12 часовъ въ сутки, днемъ и ночью, а получаютъ... человѣкъ 60 — аристократія — рублей по 15 въ мѣсяцъ, чернорабочіе же довольствуются и 30 коп. въ день (7 — 8 р. въ мѣсяцъ). Перечисленныя условія труда на заводѣ уже сами по себѣ представляютъ богатую почву для всевозможныхъ „исторій“ и златоустовская бойня, напримѣръ, отозвалась здѣсь въ свое время сильнымъ броженіемъ; но „дѣло“ Азанова съ товарищами разыгралось совсѣмъ на иной почвѣ, на почвѣ уцѣлѣвшихъ здѣсь пережитковъ крѣпостной эпохи.

Приписанные къ заводу въ качествѣ поссесіонныхъ крестьянъ, узянцы, какъ и населеніе прочихъ 16 желѣзодѣлательныхъ уральскихъ заводовъ, отказались въ свое время принять навязанныя имъ уставныя грамоты, которыми имъ отводилось всего по 320 кв. саж. усадебной земли на дворъ, и продолжали по старому распахивать свои росчисти въ приписанныхъ къ заводу лѣсахъ. Изъ 39,240 дес. этихъ лѣсовъ, предоставленныхъ заводу указомъ 1850 г., хотя и не выдѣленныхъ изъ черты башкирскихъ владѣній, на долю крестьянскихъ росчистей приходится 18,551 дес., т.-е. добрая половина. Правительство не только не оспаривало ихъ правъ на эти земли, но даже цѣлымъ рядомъ указовъ и разъясненій подтвердило ихъ. (Такъ, указомъ 14 сент. 1862 г. и журналомъ Глави. Комит. по устр. сельск. сост. отъ 9 авг. 1864 г. всѣмъ крестьянамъ изъ бывшихъ „непремѣнныхъ работниковъ“ предоставлено было пожизненное безвозмездное пользованіе росчищенными ими *землями*, а въ 1869 г. Мин. Вн. Д. по соглашенію съ Мин. Фин., разъяснилъ, что указъ 62 г. относится ко всѣмъ поссесіоннымъ крестьянамъ безъ различія, и что росчисти могутъ быть передаваемы по наслѣдству). Безспорно владѣли узянцы своими росчистями и послѣ перехода заводовъ къ Вогау и К°, но когда компанія предприняла и съ 1882 по 1888 г. осуществила отмежеваніе приписанныхъ къ заводу земель изъ общихъ съ башкирскими дачъ, то въ число отрѣзанныхъ 29.240 дес. она не включила крестьянскихъ росчистей, мотивируя это тѣмъ, что указъ 1850 г. предоставлялъ де, заводу 39 тыс. дес. *лѣсу*, а не полей. Башкиры, у которыхъ такимъ образомъ оказалось отрѣзанными 18.551 дес. лишняго лѣсу, жаловались въ сенатъ, но тщетно, — имъ предложили оспаривать права владѣнія крестьянъ на ихъ росчисти. Узянцы, чтобы избѣжать спора (хотя указами 42 и 43 г.г. мастеровымъ предоставлялось расчистить не только казенную, но и башкирскую землю), заключили съ башкирами мировую, обязавшись платить имъ ежегодно какіе-то гроши съ каждой десятины росчистей, въ качествѣ, якобы, арендной платы, и взяли съ нихъ росписки въ полученіи аренды, въ обезпеченіи себя отъ всякихъ съ ихъ стороны претензій. Но опасность имъ грозила совсѣмъ съ другой стороны. Торговый домъ Вогау и К°, получивъ въ свое владѣніе помимо 39 тыс. дес. лѣсу, рѣшилъ, что не дурно было бы присоединить къ нимъ и 18½ тыс. крестьянскихъ росчистей, тѣмъ болѣе, что, по неприпятымъ имъ уставнымъ грамотамъ, они являлись собственниками только клочка усадебной земли. Задумано — сдѣлано.

30 іюля 1899 г. земскій начальникъ 2-го уч. Ингисъ вызвалъ къ себѣ 16 узянцевъ, по иску заводскаго юрисконсульта Линчевскаго, и выскалъ съ нихъ въ пользу завода 45 руб. за „самовольное сѣнокошеніе“ на собственныхъ ихъ лугахъ-росчистяхъ, которые Линчевскій считалъ купленными компаніей вмѣстѣ съ заводомъ.

Началась судебная волокита, дѣлки на покосахъ съ заводскими полѣсовщиками, апелляціи, кассаціи, однимъ словомъ, все, что полагается въ такихъ случаяхъ. Разумѣется, на указы и прочіе документы, предъявляемые крестьянами, никакого вниманія не обращали.

— Куда вы дѣлете съ этими старыми прокислыми щами? заявилъ откровенный земскій начальникъ узянцамъ *при первомъ* же разбирательствѣ. Въ частномъ же разговорѣ безъ стѣсненія прибавилъ еще, что хотя, де, земля и ваша, но заводъ хоть 7, — мало будетъ, такъ 10 и 15 тысячъ потратитъ, а ужъ отобьетъ ее у васъ. Крестьяне, однако, не сдавались, земскій продовалъ сажать (на три дня) въ холодную по нѣсколько десятковъ „скандальщиковъ“ и „застройщиковъ“ общества, какими ему казались пользующіеся наибольшимъ вѣсомъ старики — ходатаи, вродѣ Азанова, но и это не помогло. Узянцы продолжали судиться, переходя отъ одной инстанціи къ другой. Въ подтвержденіе своихъ правъ—характерная подробность—узянцы готовы были ссылаться даже на слова извѣстной рѣчи Александра III волостнымъ старшинамъ „все, де, остается по старому и земля будетъ *неприкосновенной* собственностью прежнихъ владѣльцевъ“—перетолковывали они слова царской рѣчи въ свою пользу, особенно напирая на слово „неприкосновенной“.

Стали между ними похаживать и какія-то сомнительныя „царскія грамоты“, а когда въ іюнѣ 1903 г. по дорогѣ въ заводъ оказались разбросанными какія-то „афишки“, въ которыхъ, по словамъ Азанова, говорилось: „Узянцы, собирайтесь, мы готовы!“... контора воспользовалась этимъ и подняла такую тревогу, что на сценѣ завода тронулся самъ губернаторъ съ 2 сотнями казаковъ. Съ дороги его поворотили, и навѣстилъ онъ Узяновъ лишь осенью 1903 г. уже безъ казаковъ, а когда его встрѣтили съ хлѣбомъ-солью, да еще на колѣнкахъ, то онъ уже вполнѣ успокоился на счетъ ихъ благонадежности и даже покаялся, что напрасно, де, ѣхалъ къ нимъ въ іюнѣ „русскую-христіанскую кровь проливать“.

Однако, это начуть не помѣшало нашествію на Узянь жандармовъ, которые, по указанію конторы, и выбрали себѣ нѣсколько жертвъ... Все-ли этимъ кончится на Узяни или, лишившись своихъ стариковъ, узянцы обратятся къ болѣе активнымъ средствамъ защиты своей собственности, чѣмъ судебная волокита, — покажетъ будущее.

(Примѣчаніе корреспондента). Содержаніе упомянутыхъ указовъ etc. записано со словъ крестьянскихъ ходатаевъ, изучавшихъ ихъ *наизусть*, — провѣрить переданное ими по первоисточникамъ, т. е. по „собр. узаконеній“ и пр. я не имѣлъ возможности.

Въ малорусской деревнѣ. (Изъ „Селянина“ — газеты „Рев. Укр. П.“ № 21-22). **С. Людвиновецъ**, Кіев. уѣзд. Передъ жатвой крестьяне собрались на сходъ, который рѣшилъ не наниматься къ сосѣднему помѣщику Боеровскому дешевле, чѣмъ за 1 р. Сходомъ руководитъ староста. Крестьяне твердо стояли на своемъ рѣшеніи и Боеровскій донесъ на старосту. Появились жандармы, перерыли все село и арестовали старосту, который увезенъ въ Кіевъ, гдѣ онъ и сидитъ въ тюрьмѣ.

М. Барышевка, Полтав. губ., Переяславль. уѣзд. 1 августа были арестованы на ярмаркѣ въ м. Быковѣ два крестьянина изъ Барашевки — Артюхъ и его сынъ, по доносу одной бабы, которая видѣла, какъ сынъ Артюха разбрасывалъ между возами на ярмаркѣ прокламаціи Р. У. П. При обыскѣ въ ихъ избѣ найдена нелегальная украинская литература.

Елисаветградъ. 20 октября крестьяне экономіи Безродецкой-*Дыменное* зажгли всѣ скирды соломы. На завтра нагрянула елисаветградская полиція и сняла допросъ съ помѣщицы. Она говорила имъ, что это дѣло *социалъ-демократовъ*, которые покупъ по всѣмъ деревнямъ революціонныя пѣсни и распространяютъ листки революціоннаго содержанія, и указала на нѣсколько крестьянъ. Черезъ нѣсколько дней явилась полиція, во главѣ съ жандарискимъ полковникомъ, и стала искать. Произвела восемь обысковъ, ничего не нашла, разъѣхалась. Спустя нѣсколько дней жандарискій полковникъ и 150 казаковъ вторично обложили *Дыменное* и произвели 16 обысковъ и только у одного нашли одну брошюру: „Рѣчь Гольдблата“. Его арестовали и привезли въ елисаветградскую тюрьму. Кромѣ того, были обыски въ экономіи Слободскаго, искали тамъ типографію. Перевернули всю экономію вверхъ дномъ, но ничего не нашли; затѣмъ отправились въ городъ для обысковъ. Крестьяне не смущаются этими набѣгами, они только все болѣе озлобляются.

По улицамъ ночью теперь довольно опасно ходить: почти всѣхъ останавливаютъ. Но полиція не попадаетъ въ цѣль. Такъ, на дняхъ остановили одного купчика, ходившаго съ бѣленъмъ подъ мышкой. За нимъ погнались двое переодѣтыхъ городовыхъ; онъ — бѣжать; городовые еще шибче. Купчикъ, думая, что это воры, началъ кричать и еле добѣжалъ до квартиры. Его схватили, онъ сталъ кричать еще громче, такъ какъ у него въ карманѣ было 300 рублей. Переодѣтые городовые стали его нахально обыскивать, но, наконецъ, открыли ему свое „званіе“. На просьбу купчика пройти въ квартиру для обыска, ему отвѣтили, что приказано на улицѣ. Такимъ образомъ, купчикъ отдѣлался однимъ страхомъ.

Около крѣпости, въ 11 часовъ вечера, полиція остановила одного молодого человѣка Б — на и стала нахально спрашивать, куда онъ идетъ. Не зная, что у него въ карманѣ номеръ „Искры“, онъ рѣшо отвѣтилъ. Его обыскали и, найдя номеръ, отправили въ участокъ. Просидѣвъ два дня, онъ былъ выпущенъ, а дѣло пошло по инстанціямъ.

Во время распространенія листковъ „Новая мобилизація“, арестованъ приказчикъ; при немъ ничего не нашли, но все же онъ былъ избитъ и только послѣ этого выпущенъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ и ЗАВОДОВЪ

Юзовка. Тяжелый годъ пришлось пережить нашей организаціи — въ нашей средѣ оказался провокаторъ. По конспиративнымъ соображеніямъ мы, не писали вамъ объ этомъ, пока у насъ были только подозрѣнія — теперь сомнѣній больше нѣтъ, предатель узнанъ и заклейменъ (см. № 78 Искры), но слѣды его гнусной дѣятельности не скоро удастся стереть. И не тѣмъ, главнымъ образомъ, тормозилъ онъ нашу работу, что вырывалъ изъ нашей среды товарищей и проваливалъ тысячи, предназначенныхъ къ распространенію, листковъ, а тѣмъ развратомъ, той заразой взаимнаго недовѣрія, которую онъ внесъ въ нашу организацію.

Въ продолженіи одного года съ лишнимъ, у насъ происходили совершенно непонятные аресты и провалы. Товарищи терялись въ догадкахъ, *какъ* ихъ объяснить, и естественно наподазрівали то одного, то другого. Много честныхъ и преданныхъ дѣлу товарищей невыразимо страдали отъ высказываемаго имъ недовѣрія. Иные такъ и уѣзжали, изнученные; другіе, арестованные, напрасно взывали изъ тюрьмы о реабилитаціи. Пока настоящій виновникъ не былъ открытъ, масса искала предателей и не вѣрила никакимъ реабилитаціямъ. Не дремала и полиція, стараясь еще больше подлить масла въ огонь.

Товарищу Подольскому приставъ говорилъ, что его выдалъ Самуилъ (арестованъ въ іюнѣ, фамилія намъ неизвѣстна), Бережкову[1]), что его выдалъ шахтеръ Брякуновъ (арестованъ въ іюнѣ) и т. д. Многіе неопытные товарищи попадались на эту удочку тѣмъ болѣе, что отказъ отъ показаній у насъ еще мало практикуется. Такъ за послѣднее время отказались только Вѣлый и Цыганенко.

Число запродозрѣнныхъ все росло и мы въ прошломъ письмѣ сообщили вамъ для реабилитаціи только клички тѣхъ товарищей, о которыхъ особенно упорно носились слухи... Для того же, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ главнаго виновника, полиція практиковала такіе способы: при арестѣ Левандовскаго — его арестовали вторично уже послѣ обыска, о которомъ сообщалось въ № 73 — полицейскіе громкимъ шопотомъ при немъ говорили, что надо еще взять „главнаго“, что на 15 линіи живетъ, т. е. самаго провокатора Гавріила Евдокимова. Еще два слова, чтобы покончить съ этой грустной исторіей.

Мы, разумѣется, не можемъ сообщить во всеобщее свѣдѣніе все, что мы узнали объ отдѣльныхъ случаяхъ, волновавшихъ организацію, но положительно утверждаемъ, что *всѣ случаи арестовъ, провалокъ и пр., ставившіеся пока въ вину то тому, то другому товарищу, вполнѣ объясняются провокаціей Гавріила Евдокимова, какъ за то время, когда онъ уже состоялъ въ организаціи, такъ и до того (дружба и откровенность!!).*

Послѣ сказаннаго не трудно понять, какъ тяжело было организаціи вести революціонную работу. Съ неимовѣрными трудомъ удавалось только не давать окончательно заглохнуть пропагандѣ и агитаціи. Кружки работали почти безъ перерыва. На рядяхъ, сравнительно, массовыя сходки собирались отъ 80 до 120 человѣкъ. Собранія эти проходили очень оживленно, выступало 5-6 ораторовъ, подъ конецъ происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей и пѣлись революціонныя пѣсни. Собранія эти длились отъ 9 часовъ вечера до 1 и 2 часовъ ночи. Говорились рѣчи о войнѣ[2]), о кризисѣ, объ итальянской стачкѣ, о цензурной и демократической конституціяхъ, о всеобщей стачкѣ и прочее.

За то организаціонную работу на заводахъ и рудникахъ поставить прочно все не удавалось. Отъ времени до времени, распространялись листки, которые Евдокимовъ не успѣвалъ или не смогъ „распространить“: „Пора“, „Къ солдатамъ“, „Къ запасными“, „Кризисъ, безработица, война“ и др., но числомъ немного, всего за нѣсколько тысячи три, остальное громадное большинство попало прямо въ полицію.

---

[1]) Онъ оказался бѣжавшимъ изъ Архангельска нелегальнымъ Иваномъ Бѣлымъ.

[2]) и демонстраціяхъ по поводу ея.

работа встрѣчается чаще организаціонной. Но возникающіе такимъ путемъ кружки живутъ слишкомъ замкнуто, составляя свой обособленный міроκъ; они отрываются отъ жизни солдатской массы и перестаютъ жить ея интересами. Дѣйствительная неблагонадежность арміи въ томъ, что покорный, безропотный солдатъ начинаетъ становиться рѣдкостью. Съ каждымъ днемъ идетъ на убыль солдатъ, считающій непоколебимой истиной преподаваемую ему „словесность", вѣрящій во всемъ начальству, терпѣливо ожидающій, что за богомъ — молитва, за царемъ — служба не пропадетъ и принимающій, какъ нѣчто естественное, самыя дикія выходки своего начальства. Дѣло дошло до того, что такой солдатъ составляетъ врядъ-ли половину всего полкового состава. А въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ, формирующихся, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ, „истинно русскій" солдатъ остается уже въ меньшинствѣ. Наблюдателю всюду бросается въ глаза тотъ фактъ, что армія раскалывается на двѣ совершенно различныя части. Изъ нихъ „благонадежная" часть состоитъ изъ наименѣе цѣнныхъ, даже въ глазахъ начальства, элементовъ. Здѣсь безграмотные, наиболѣе тупые и безтолковые, забитые и трусливые — преимущественно изъ деревень обнищавшей черноземной полосы и медвѣжьихъ угловъ съ натуральнымъ хозяйствомъ (такъ наз. „свинопасы"). Но этими жалкими людьми не исчерпываются сторонники „порядка". На сторонѣ его стоитъ обширный слой толковыхъ и грамотныхъ людей, желающихъ, при помощи служебныхъ отличій, „выйти въ люди", проложить себѣ дорогу къ „легкому куску хлѣба". Они не только сторонники существующаго строя, но и единственные его защитники. Они — „внутренніе враги" казармы, являясь жалкими слугами и пособниками начальства въ дѣлѣ угнетенія и обезличиванія солдатъ. Изъ этого слоя и выходятъ унтера, фельдфебеля, жандармы, стражники, городовые, шпейцары и пр.

Остальная половина арміи уже отчасти неблагонадежна. Она состоитъ, если отбросить сознательныхъ одиночекъ, во 1-хъ, изъ людей, еще до службы почувствовавшихъ ненормальность и тяготу условій существованія въ современномъ обществѣ и начавшихъ собственнымъ умомъ доходить до вредныхъ мыслей; во 2-хъ, изъ лицъ, не посвященныхъ въ себѣ до солдатчины ни одной капли оппозиціоннаго яда, чистыми и непорочными „истинно-русскими" людьми вступившихъ на службу, но, подъ бременемъ жестокой дисциплины и казарменнаго варварства, потерявшихъ терпѣніе: въ нихъ начинаетъ работать мысль, вспыхиваетъ и врѣетъ лютая злоба.

Правда, ихъ негодованіе, очевидно, поверхностно, ихъ возмущеніе не идетъ подчасъ дальше полкового начальства. Во всякомъ случаѣ — первый и самый трудный шагъ по пути къ сознательной жизни сдѣланъ, самыя крѣпкія нити благонадежности порваны. Сегодня они еще вѣрятъ, но кто знаетъ, что будетъ завтра... Они служатъ „царю-батюшкѣ", презираютъ свою службу, подчиняются властямъ, ненавидя ихъ, видятъ произволъ, проклятая его. Каждый фактъ начальническаго изувѣрства глубже роетъ яму между ними и „порядкомъ". Самостоятельно, безъ прокламацій и постояннаго воздѣйствія, они начинаютъ ненавидѣть всю солдатчину отъ начала до конца, весь казарменный укладъ, все начальство! Не всегда это широкое неуклонное недовольство остается только „профессіональнымъ" — часто казарменные тиски выжимаютъ изъ пробужденной головы солдата мысли о томъ, гнетѣ, который онъ покинулъ на волѣ и который его стережетъ при выходѣ изъ казармы. И тогда недовольство, стихійное и безформенное, начинаетъ подрывать корни не только политическаго, но и экономическаго строя.

Оппозиціонныхъ солдатъ не трудно выискать: многіе изъ нихъ сами бросаются въ глаза. Недовольства у нихъ накопилось такъ много, злоба является до того преобладающимъ настроеніемъ, что это сказывается довольно часто. За каждое выраженіе недовольства можно попасть подъ арестъ, за каждое ругательство по адресу офицера, даже за глаза, можно угодить въ дисциплинарный батальонъ и, тѣмъ не менѣе, если по близости нѣтъ завѣдомаго врага, то недовольство такъ и брызжетъ, ругань такъ и льется. Такой солдатъ служитъ только за страхъ, но не за совѣсть. Ему не важны ни постъ, который онъ охраняетъ, ни арестованные, которыхъ онъ конвоируетъ... Онъ исполняетъ все это, потому что съ *него спрашиваютъ*. Все важное, о чемъ ему твердитъ начальство — присяга, престолъ, отечество — для него не существуетъ, надъ нимъ сохраняетъ силу только палка, онъ повинуется только потому, что „ничего не подѣлаешь"...

Итакъ, чуть ли не половина арміи, въ большей или меньшей степени, заражена оппозиціоннымъ духомъ. Пробужденная, главнымъ образомъ, казарменнымъ гнетомъ, оппозиціонная мысль иногда выходитъ за предѣлы этого гнета и самостоятельно начинаетъ переоцѣнивать всѣ житейскія отношенія. Иногда же она безсильно бьется, не умѣя связать гнетъ казармы съ тѣмъ томъ, царящимъ за его предѣлами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ эта масса представляетъ богатый и воспріимчивый матеріалъ для соціалъ-демократической работы. Въ каждомъ полку десятки, а то и сотни лицъ уже поверили въ прахъ старые кумиры и теперь мучительно ищутъ выходъ для своихъ сомнѣній, жадно подхватывая „новое слово". Съ окончаніемъ службы, для нихъ начинается новая жизнь. И они стремятся начать ее по новому. Поэтому они съ радостью встрѣтятъ того революціонера Колумба, который откроетъ имъ непочатую силу, ихъ нетронутую энергію. Разговоры о томъ, что солдатъ законовъ не броню дисциплины, которую трудно пробить, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть борьбы, въ процессѣ которой революціонизируется сознаніе, что масса здѣсь слишкомъ пестра, что въ казармѣ солдатъ, съ одной стороны, отрываетъ отъ своего классоваго положенія, а съ другой — смотритъ на свое пребываніе въ ней, какъ на временное — являются не состоятельными. Здѣсь приходится считаться съ фактами: въ казармѣ выкристаллизовался общирный слой жаждущихъ революціоннаго воздуха и весь этотъ слой цѣликомъ пригоденъ для воспріятія демократическихъ идей. Что же касается сопалама, то проникнутся имъ далеко не всѣ: извѣстная часть дальше демократизма не пойдетъ. Но эта часть не велика, ибо оппозиція формируется, главнымъ образомъ, изъ пролетарскихъ элементовъ, преимущественно тѣхъ, кому приходилось жить не на одномъ мѣстѣ и бывать въ городѣ.

Доказывать необходимость работы въ войскѣ — значитъ ломиться въ открытую дверь. Почва для этой работы богатѣйшая. Съ точки зрѣнія конспиративной дѣятельности, работа въ арміи не представляетъ тѣхъ исключительныхъ трудностей и опасностей, какъ это кажется на первый взглядъ. Работа здѣсь получаетъ тѣмъ большее значеніе, что солдаты расходятся и возвращаются въ деревню, распространяя среди нея болѣе или менѣе правильное представленіе о нашемъ движеніи, сосредоточивающемся преимущественно въ большихъ городахъ, по тѣмъ глухимъ угламъ, куда не проникаетъ еще наша агитація.

До сихъ поръ наши организаціи, въ большинствѣ случаевъ, ставятъ работу среди войскъ на задній планъ, ограничиваютъ тѣмъ, что 2-3 раза въ году печатаютъ отрепетированныя, до нельзя абстрактныя листочки о милитаризмѣ и распространяютъ ихъ въ казармахъ. Нужно ли говорить, что значеніе такой агитаціи до нельзя микроно? Для арміи необходимы специальныя организаціи, послѣдовательно и планомѣрно развивающія систематическую дѣятельность, объединяющія сознательныхъ солдатъ, обличающія всѣ юридическіе пережитки арміи, пресѣкающія все новые элементы и т. п.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Скопинскій уѣз., Рязанской губ. Вспыхнувшія лѣтомъ въ двухъ деревняхъ нашего уѣзда происпиія крестьянскія волненія, для усмиренія которыхъ потребовалось вмѣшательство высшихъ властей. Происходили они на почвѣ частныхъ неурядицъ и выразились, въ сущности, въ пустякахъ. Въ усадьбѣ помѣщиковъ Темешовыхъ—въ возмездіе за постоянныя придирки въ случаѣ пензбѣжныхъ при черезполосицѣ потравъ и т. п. — крестьяне перебили всѣ окна. Въ деревнѣ Вердеровкѣ, гдѣ помѣщикъ самовольно перенесъ столѣтнюю проѣзжую дорогу на новое мѣсто, а старую, оградивъ ее шлагбаумами и поставивъ караульнаго черкеса, захватилъ въ свое исключительное пользованіе, — крестьяне, составивъ приговоръ, двинулись толпой на черкеса, чтобы прогнать его, а когда тотъ выстрѣлилъ, то поколотили его нарядно, а затѣмъ уничтожили шлагбаумы и завладѣли дорогой. Вотъ и все. Само собой разумѣется, что крестьяне прибѣгли къ этимъ мѣрамъ, исчерпавъ предварительно всѣ мирные пути уложенія конфликта, не исключая и суда. Понятно тоже, что закончились волненія, какъ это всегда бываетъ, арестами „зачинщиковъ", возстановленіемъ шлагбаумовъ и увеличеніемъ числа вердеровскихъ черкесовъ съ одного до трехъ, а у Темешовыхъ — водворепіемъ въ усадьбу городового... на страхъ врагамъ и для охраны побитыхъ стеколъ...

Интересно отмѣтить, какъ понять былъ крестьянами въ нашемъ уѣздѣ извѣстный манифестъ 26 февраля позапрошлаго года.

Прекратилось ли у насъ крѣпостное право?

Верхнеуральскій уѣздъ, Оренб. губ. Съ Узянскаго завода нынѣшней весной сослали нѣсколькихъ довольно оригинальныхъ „политиковъ". Все это старики 50, 52, 60, 70 и даже 75 лѣтъ. Послѣднимъ шелъ въ маѣ на 3 г. въ Оловецкую губ. нѣкій Григорій Азановъ, дряхлый, полуослѣпшій старикъ 70-ти лѣтъ—настоящая развалина, готовая разсыпаться отъ малѣйшаго сотрясенія или удара. „Дѣло" ихъ велось жандармами и шли они по постановленію мин. вн. дѣлъ, но сами они, не безъ основанія, утверждали, что высылаетъ ихъ „контора". Не унаслѣдовавъ отъ помѣщиковъ крѣпостной эпохи *права* ссылать своихъ крестьянъ, наши заводчики обладаютъ, что еще важнѣе, достаточной для этого *силой*. Пользуясь своимъ давленіемъ на закабаленную округу и спаивая крестьянъ водкой, контора почти всегда можетъ добиться мірского приговора, изгоняющаго неудобныхъ почему либо ей лицъ, въ качествѣ „порочныхъ" членовъ общества. Если же міръ недетъ борьбу съ конторой и не склоненъ выполнять ея желаній—на сцену являются жандармы. Такой именно случай и представляетъ собою узянское дѣло.

Узянскій заводъ, купленный въ 1872 г. у казны торговымъ домомъ Вогау и К°, больше всего ради приписанныхъ къ нему землъ и лѣсовъ, работаетъ теперь только для проформы, выдѣлываетъ ежегодно какіе то гроши съ каждой десятины росчистей, якобы арендной платы, и взяли съ нихъ росписки въ полученіи аренды, въ обезпеченіи себя отъ всякихъ съ ихъ стороны претензій. Но опасность имъ грозила совсѣмъ съ другой стороны. Торговый домъ Вогау и К°, получивъ въ свое владѣніе помимо 39 тыс. дес. лѣсу, рѣшилъ, что не дурно было бы присоединить къ нимъ и 18½ тыс. крестьянскихъ росчистей, тѣмъ болѣе, что, по неприпятымъ имъ уставнымъ грамотамъ, они являлись собственниками только клочка усадебной земли. Задумано — сдѣлано.

30 іюля 1899 г. земскій начальникъ 2 го уч. Ишпсъ вызвалъ къ себѣ 16 узянцевъ, по иску заводскаго юрисконсульта Линчевскаго, и выискалъ съ нихъ въ пользу завода 45 руб. за „самовольное сѣнокошеніе" на собственныхъ имъ лугахъ росчистяхъ, которые Линчевскій считалъ купленными компаніей вмѣстѣ съ заводомъ.

Началась судебная волокита, дракп на покосахъ съ завод скими пособниками, аппеляціи, кассаціи, однимъ словомъ, все, что полагается въ такихъ случаяхъ. Разумѣется, на указы и прочіе документы, предъявляемые крестьянами, никакого вниманія не обращали.

— Куда вы лѣзете съ этими старыми прокисшими памп? заявилъ отцовскій земскій начальникъ узянцамъ при первомъ же разбирательствѣ. Въ частномъ же разговорѣ безъ стѣсненія прибавилъ еще, что хотя, де, земля и ваша, но заводъ хоть и мало будетъ, такъ 10 и 15 тысячъ истратитъ, а ужъ что бъетъ ее у васъ. Крестьяне, однако, не сдавались, земскій приговаривалъ сажать (на три дня въ холодную по нѣсколку десятковъ „скандальныхъ" и „застройщиковъ" общества, какими ему казались пользующіеся наибольшимъ вѣсомъ старики — ходатаи, вродѣ Азанова, но и это не помогло. Узянцы продолжали сутяжиться, переходя отъ одной инстанціи къ другой. Въ подтвержденіе своихъ правъ—характерная подробность—узянцы готовы были сослаться даже на слова извѣстной рѣчи Александра III волостнымъ старшинамъ „все, что остается по старому и земля будетъ *вогарковскою* собственностью прежнихъ владѣльцевъ" — перетолковывали они слова царской рѣчи въ свою пользу, особенно налегая на слово „неприкосновенной".

Стали между тѣмъ похаживать и какіе то сомнительные „царскія грамоты" и когда въ іюнѣ 1901 г. по дорогѣ къ заводу ѣхалъ Азановъ, сопровождаемый двумя конными стражниками, которые должны были препроводить его губернатора съ дознаніемъ изъ-за сѣнокошенія завода прошлаго года, то ихъ встрѣтила на дорогѣ толпа узянцевъ, которые, не выпуская изъ рукъ Азанова, отобрали у стражниковъ револьверы и шашки, а самого Азанова, связавъ ему руки, повезли въ Узянскій заводъ, гдѣ и заперли въ одной изъ заводскихъ конторъ, выставивъ у дверей караулъ. Въ тотъ же день, 3 іюня, изъ Оренбурга былъ высланъ отрядъ изъ 2 ротъ пѣхоты, 2 сотенъ казаковъ и 2 орудій, подъ командой полковника Ивановскаго[1], который и водворилъ „порядокъ" въ Узянскомъ заводѣ. Зачинщики были арестованы и отправлены въ Оренбургъ, а затѣмъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, сосланы въ Архангельскую губернію.

Такъ кончилось это дѣло, которое, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, было вызвано не какими либо „политическими" соображеніями, а чисто экономическими причинами, и которое, по своей сущности, ничѣмъ не отличается отъ цѣлаго ряда другихъ, подобныхъ ему, дѣлъ, возникающихъ на почвѣ столкновенія крестьянскихъ интересовъ съ интересами заводчиковъ, помѣщиковъ и т. п. Но, какъ видно изъ этого дѣла, крестьяне, не смотря на 40 лѣтъ, прошедшихъ со времени „освобожденія", все еще не могутъ примириться съ мыслью, что крѣпостное право дѣйствительно отмѣнено, что они „свободные" люди, и что помѣщики, заводчики и т. п. не имѣютъ надъ ними никакой власти. Они все еще ищутъ, гдѣ „воля", которую имъ обѣщали, и, не находя ея, не могутъ понять, почему они должны работать на заводчика, почему они должны платить ему

Сильно упали также наши денежные доходы, послѣдніе мѣсяцы они достигали не болѣе 30-40 рублей въ мѣсяцъ.

Изъ Луганской тюрьмы начинаютъ постепенно выпускать арестованныхъ. Готовится одно крупное дѣло объ юзовской организаціи, судить будетъ Палата, обвиняемыхъ до 50 человѣкъ.

Наше буржуазное общество, по прежнему, безмолвствуетъ и только съ любопытствомъ прислушивается къ тому, что творится въ „городахъ", да ругаетъ войну. Объясняется это отчасти отсутствіемъ интеллигенціи, о которомъ мы вамъ уже писали, отчасти отсутствіемъ какого бы то ни было органа, могущаго быть выразителемъ общественнаго мнѣнія, (Юзовка, стоящая на земляхъ Новороссійскаго Общества, стоитъ даже, такъ сказать, внѣ земства), а отчасти вліяніемъ новаго нагайнаго полицейскаго страха: недавно къ мѣстному фабриканту Дейкелю пріѣхалъ какой-то его знакомый. Знакомаго этого полиція хотѣла арестовать, онъ бѣжалъ, но былъ вскорѣ пойманъ, чекодатъ же его безслѣдно исчезъ. Полиція по этому поводу разточала обильно угрозы.

Наши якобы либералы кромѣ того все еще не могутъ забыть холернаго бунта 1892 года, когда почти вся Юзовка была сожжена до тла. — Торжествуютъ инженеры, механики, машинисты, штейгера, такъ какъ они всѣ, по ходатайству Юза, освобождены отъ мобилизаціи.

Крикнулъ еще мало насъ коснулся. Въ городскихъ ремесленныхъ мастерскихъ, правда, сокращаютъ работу и оставшихся заставляютъ работать на 2-3 часа больше прежняго, заводы же и рудники, напротивъ, страдаютъ отъ недостатка рабочихъ рукъ — въ нашу спускается $^{2}/_{3}$ и даже $^{1}/_{2}$ прежняго числа, такъ какъ большинство рабочихъ, не желая, чтобы мобилизація застала ихъ не дома, ушли на родину.

Тверь. Война дала себя чувствовать и нашему городу: въ августѣ Морозовская, а въ сентябрѣ Залогинская фабрика сократили свое производство; и та, и другая стоятъ теперь два дня въ недѣлю: субботу и воскресенье. Захватила насъ и мобилизація: первая частичная (небольшая), была въ концѣ іюля, вторая, несравненно болѣе крупная (до 1800 съ Тверск. уѣзда) объявлена была 10 октября. Прошла она, въ общемъ, тихо; тѣмъ не менѣе, нужно отмѣтить, что настроеніе запасныхъ и ихъ провожатыхъ было возбужденное и озлобленное. Отправка состоялась 13 го, провожать сходились толпами со всего уѣзда. Разсказываютъ, что одинъ запасной рѣшительно отказался идти. Когда его посадили на подводу, онъ спрыгнулъ съ него и былъ, въ концѣ концовъ, водворенъ силой. Рядъ обстоятельствъ помѣшалъ мѣстной организаціи надлежащимъ образомъ использовать этотъ крайне важный моментъ; однако, нужно думать, что кое-что запасные съ собой всетаки повезли, на память о родинѣ.

Какъ разъ 13 октября Московская Судебная Палата разбирала (въ Твери) дѣло о „бунтѣ" ситцевой фабрики (февраль). Оправдавъ двухъ, Палата приговорила 15 человѣкъ къ тюремному заключенію, на сроки 7-8 мѣсяцевъ. Въ тотъ же день было назначено дѣло Смирнова (нелегальный—Кириллов), арестованнаго въ январѣ 1903 г. въ В. Волочкѣ. Дѣло было отложено.

Только что улегся шумъ мобилизаціи, начался призывъ новобранцевъ. И здѣсь нужно отмѣтить что открытая и рѣзкая (чтобъ не сказать болѣе) критика начальства и пѣніе революціонныхъ пѣсенъ — не рѣдкость. Но полиція приходится смотрѣть сквозь пальцы и не на такія вещи. Разсказываютъ, что во время присяги, когда священникъ произнесъ слова: „отречемся",—раздалось: „отъ стараго міра"!!

Процессъ и призывъ отмѣчены Комитетомъ листками. Распространялись они въ Твери, уѣздѣ, В. Волочкѣ, Торжкѣ и уѣздѣ и Бѣжецкѣ. Тверской Комитетъ.

Ноябрь 1904 г.

Иваново-Вознесенскъ. Здѣсь на фабрикахъ работы много (есть заказы на войну, особенно тамъ, гдѣ работаютъ шелковыя матеріи). Несмотря на это, расцѣнки понижены. Рабочіе въ прибодянтомъ настроеніи. На фабрикѣ наслѣдниковъ Зубкова **силой** вычитываютъ у рабочихъ на „Красный Крестъ". Неплатящіе разсчитываются.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„Объединительные" переговоры между французскими социалистическими партіями. — Нейбальи Клюзъ. — Министръ Пельтанъ у рабочихъ.

Амстердамскій конгрессъ опять поставилъ на очередь вопросъ объ объединеніи французскихъ социалистическихъ фракцій. Но какъ годы перемѣнились! Между тѣмъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ — въ эпоху дрейфусіады, Мильерана и проч. —, самымъ горячимъ сторонникомъ полнаго слиянія и самымъ ярымъ противникомъ историческаго сложившихся социалистическихъ организацій являлся Жоресъ, теперь тотъ же Жоресъ не хочетъ идти дальше созданія „Комитета соглашенія", а его противникъ, революціонные социалисты, требуютъ тѣснаго сплоченія всѣхъ существующихъ социалистическихъ фракцій. И не трудно понять, почему это такъ: тогдашнее слияніе было бы торжествомъ, расплывчатой формулы С. Манде [1]) и означало бы гегемонію жоресовскихъ тенденцій во французскомъ социализмѣ, теперь же основою слиянія можетъ быть только дрезденско-амстердамская резолюція.

Прошумѣвшій нѣкогда „министеріализмъ" почилъ сномъ праведнымъ, и никто не пролилъ слезы надъ его безвременной могилой; такой же конецъ ждетъ и жоресовскую политику блока въ тотъ день, когда сойдетъ со сцены министерство Комба, которому, по всѣмъ вѣроятіямъ, жить осталось тоже не долго. И теперь уже можно сказать, что и по блокѣ французскіе рабочіе плакать не будутъ. Можетъ быть, въ интересахъ французскаго социализма была бы болѣе шумная смерть жоресовской политики, но вещи приходится брать такъ, какъ онѣ есть. И поэтому-то, революціонные социалисты, взявшіе на себя послѣ Амстердамскаго конгресса инициативу объединенія, поступили совершенно правильно, что не прервали начатыхъ съ жоресистами переговоровъ, несмотря на нѣкоторые ихъ скандальные воты въ палатѣ уже въ самое послѣднее время: они понимаютъ, что блокъ живетъ еще только по инерціи. Резолюція Центральнаго Совѣта Социалистической Партіи Франціи (революціонныхъ социалистовъ) предложенная комиссіей, составленной изъ представителей разныхъ фракцій для веденія переговоровъ объ объединеніи, ясно и опредѣленно формулировать условія этого объединенія, кладя въ основу ихъ, какъ рѣшенія амстердамскаго конгресса, такъ и назрѣвшія потребности французскаго социализма. Центральный Совѣтъ — говорится въ этой резолюціи — „готовъ создать во Франціи партійное единство на слѣдующихъ условіяхъ, вытекающихъ изъ постановленій послѣдняго международнаго конгресса, безъ которыхъ не можетъ быть ни социализма, ни единства:

1. Цѣлью партіи, объединенной на „почвѣ классовой борьбы" является „не реформированіе существующаго общества", а „возможно болѣе скорое превращеніе буржуазнаго общества въ социалистическое"; средствомъ же—„завоеваніе политической власти путемъ открытой борьбы съ буржуазіей";

2. Контроль партіи надъ ея представителями въ парламентѣ, которые обязаны конституироваться отдѣльно, „противъ всѣхъ буржуазныхъ партій", отказываться „во всѣхъ средствахъ, могущихъ поддержать власть господствующихъ классовъ", и „рядомъ съ пропагандой конечной цѣли социализма", стремиться „къ защитѣ и расширенію политической свободы", а также и всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя въ состояніи улучшить условія борьбы рабочаго класса;

3. Пресса, причисляющая себя къ партіи, должна быть поставлена подъ контроль послѣдней, т. е. ея центральныхъ органовъ или ея федерацій;

4. Руководство дѣлами партіи принадлежитъ лицамъ, непосредственно избираемымъ на ежегодныхъ конгрессахъ, парламентская же фракція, какъ таковая, въ управленіи дѣлами партіи не участвуетъ".

Блокъ сковалъ по рукамъ и ногамъ соціалистическую партію Мысль о какой-либо наступательной политикѣ должна была быть отброшена: въ палатѣ такая политика невозможна, потому что грозитъ расколоть блокъ, а въ странѣ, — потому что можетъ рикошетомъ отразиться на палатѣ. Неудивительно, поэтому, что столь значительныя событія въ жизни рабочаго класса, какъ процессы въ Дуэ и въ Клюзѣ почти не были использованы соціалистической агитаціей. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ тѣми остатками деспотически—патріархальной эксплуатаціи рабочихъ, какая еще нерѣдко встрѣчается у насъ въ Россіи и является специфической принадлежностью эпохи первоначальнаго накопленія. Въ обоихъ случаяхъ предприниматели, привыкшіе къ тупому повиновенію рабочихъ и не знавшіе границъ для своей ненасытной алчности, натолкнулись вдругъ на пробудившійся въ рабочихъ духъ протеста, на выросшее сознаніе необходимости борьбы и организаціи. И въ обоихъ случаяхъ всѣ старанія предпринимателей были направлены на то, чтобы задушить въ зародышѣ это начинающееся пробужденіе, чтобы провоцировать, раздразнить рабочихъ и найти такимъ образомъ поводъ для удаленія тѣхъ, которыхъ они считали наиболѣе безпокойными, и для сломленія противодѣйствія всѣхъ остальныхъ.

Надъ Нейвальскими ткачами, процессъ которыхъ разбирался въ Дуэ, господствовала, въ полномъ смыслѣ этого слова, семья фабрикантовъ Кейе. Все, что капиталистическая жадность могла придумать для того, чтобы держать рабочихъ въ нищетѣ и зависимости, было пущено въ ходъ: нищая заработная плата; обмѣриваніе на нѣсколько аршинъ въ каждомъ кускѣ; штрафы, превышающіе иногда заработокъ; выдача денегъ впередъ на такихъ тяжелыхъ условіяхъ; фабричная лавка и кабакъ съ самымъ безбожнымъ обирательствомъ... Можно себѣ представить, какъ забитъ былъ рабочій, который втеченіе многихъ лѣтъ могъ безропотно выносить всю эту каторгу. Когда же, наконецъ, въ январѣ 1900 года нѣсколькимъ энергичнымъ рабочимъ удалось положить тамъ начало профессіональной организаціи, то семья Кейе направила всѣ свои усилія на то, чтобы уничтожить ненавистный имъ союзъ рабочихъ. Сначала думали достигнуть этого путемъ внесенія розни въ среду самихъ рабочихъ, но когда это не помогло, то вдругъ зимою 1903-04 года послѣдовала одна за другой цѣлая серія пониженій расцѣнокъ. Рабочіе долго крѣпились, понимая, какъ невыгодна стачка, провоцированная предпринимателемъ. Но наконецъ терпѣніе было истощено, стачка начата, послѣ цѣлаго ряда новыхъ провокацій толпа не выдержала, бросалась на жилище одного изъ Кейе, которое было разгромлено, а затѣмъ въ тотъ же день отъ неизвѣстной причины сгорѣло. Слѣдствіе по горячимъ слѣдамъ не открыло никакихъ поджигателей. На судѣ мэръ города Нейвили высказалъ предположеніе, что камень, брошенный однимъ изъ рабочихъ, разбилъ горѣвшую въ одной комнатѣ лампу. Но этого недостаточно было для Кейе. Надо было обвинить въ поджогѣ наиболѣе энергичныхъ защитниковъ рабочаго дѣла. И путемъ подкуповъ, обѣщаній, застращиваній, личнаго воздѣйствія, удалось создать процессъ, который при свѣтѣ гласности не замедлилъ оказаться очень плохой тенденціозной выдумкой. Но это не помѣшало и слѣдователю и полиціи держать подъ замкомъ и третировать, какъ преступниковъ, 38 честныхъ рабочихъ. Изъ нихъ 13 были оправданы судомъ присяжныхъ въ Дуэ, остальныхъ 25-ти еще предстоитъ судъ исправительной полиціи.

Роль Кейе въ Клюзѣ, гдѣ лѣтомъ нынѣшняго года разыгралась стачка рабочихъ—часовщиковъ, играла семья Кретіе, которая, ради вытравленія изъ рабочихъ духа солидарности, рѣшила прибѣгнуть къ самому простому средству—къ револьверу. Когда 18 іюля мирная рабочая демонстрація поравнялась съ фабричнымъ зданіемъ господъ Кретіе, оттуда раздались выстрѣлы, продолжавшіеся затѣмъ въ теченіи 20 минутъ; а въ результатѣ — трое убитыхъ рабочихъ и болѣе 40 человѣкъ раненыхъ. Рабочіе разнесли фабрику въ дребезги, но стрѣлявшіе—четыре брата Кретіе, достойные дѣти достойнаго отца, явившагося главнымъ организаторомъ убійства — успѣли спастись. Вмѣстѣ съ 6 рабочими, обвинявшимися въ разграбленіи имущества фабрикантовъ, братья Кретіе были преданы суду. Какъ въ Нейвили, полицейскія и судебныя власти сдѣлали все возможное, чтобы выгородить отца и облегчить участь сыновей, которыхъ оправдать не могъ никакой судъ, несмотря на подкупленныхъ свидѣтелей и благосклонность слѣдователя, судей и присяжныхъ. Рабочіе были оправданы; трое Кретіе приговорены къ одному году тюремнаго заключенія, а четвертый къ 8 мѣсяцамъ. Напомнимъ, что незадолго передъ этимъ паряженіе присяжные приговорили къ *смертной казни* рабочаго Спано, убившаго мастера, отказавшаго ему отъ мѣста и тѣмъ лишившаго его заработка.

Но если рыцари первоначальнаго накопленія имѣютъ свои первобытные способы для борьбы съ начинающимъ бунтовать рабочимъ, то и тамъ на верху, гдѣ „цивилизованными" способами. Пельтанъ, самый радикальный министръ нынѣшняго кабинета, объявилъ, что вводитъ восьмичасовый рабочій день для всѣхъ рабочихъ морского министерства. 88 рабочихъ и работницъ, работающихъ на пороховомъ заводѣ на островѣ Св. Михаила, поняли это такъ, что и время, потраченное ими на морской переѣздъ, должно входить въ эти восемь часовъ, и когда администрація пожелала толкбвать законъ иначе, они объявили стачку. Во время стачки рабочіе пробовали было вступить въ переговоры съ администраціей, но эта послѣдняя предпочла короткую расправу: она выѣхала объявленіе, въ которомъ было сказано, что, кто къ такому то дню не приступитъ къ работѣ, будетъ уволенъ. Всѣ подчинились этому требованію, за исключеніемъ шестерыхъ, которые и были уволены. Результатомъ этого было то, что рабочіе всѣхъ французскихъ арсеналовъ объявили свою солидарность съ жертвами произвола и стали готовиться къ стачкѣ, которая во многихъ мѣстахъ вспыхнула тотчасъ же. Въ Брестѣ, гдѣ въ мастерскихъ морского министерства работаетъ до 6000 человѣкъ, всѣ прекратили работу и послали Пельтану телеграмму, въ которой наложили свою жалобу. Вмѣсто отвѣта, Пельтанъ телеграфировалъ администраціи: „Правительство никогда не потерпитъ прекращенія работъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу національной обороны. Объявите что всякій рабочій, который до утра пятницы не приступитъ къ работѣ, будетъ считаться уволившимся. Наиболѣе виновные будутъ исключены, другіе получатъ пониженіе по службѣ". Это объявленіе и вмѣшательство въ дѣло такъ называемаго „желтаго" синдиката поколебало рѣшимость большинства рабочихъ, и было рѣшено приступить къ работѣ. Рабочіе послали депеганію къ Пельтану, и, какъ заявляетъ газета Жореса „l'Humanité", депеганія вынесла изъ этого свиданія увѣренность, что жертвъ не будетъ, и что, по всей вѣроятности, будутъ приняты обратно и тѣ шесть рабочихъ, увольненіе которыхъ послужило исходнымъ пунктомъ стачечнаго движенія. Можно думать, что Жоресъ правильно освѣдомленъ на этотъ счетъ, и что конфликтъ кончится такъ, какъ кончались всѣ подобные конфликты въ эпоху блока, т. е. что жертвъ не будетъ. Но все же остается открытымъ вопросъ — и опять таки это одно изъ основныхъ свойствъ блока оставлять всѣ вопросы открытыми — остается, слѣдовательно, нерѣшеннымъ вопросъ, пользуются ли еще правомъ стачекъ рабочіе, занятые въ государственныхъ мастерскихъ: вѣдь остается заявить, что ихъ работа имѣетъ „отношеніе къ національной оборонѣ", хотя бы въ данный моментъ этой обороны не угрожалъ никакой внѣшній врагъ, и для цѣлой категоріи рабочихъ дѣйствіе общихъ законовъ прекращается. Вчера то же самое было продѣлано во время всеобщей стачки въ Голландіи, сегодня то же дѣлаютъ во Франціи, завтра назрѣвшее очередь дойдетъ до Италіи и т. д. Пріятныя перспективы, нечего сказать!

[1]) **Какъ извѣстно, на банкетѣ въ С. Манде Мильеранъ далъ свое, довольно [illegible] опредѣленіе соціализма.**

ИЗЪ ПАРТІИ.

„Существующая въ Вильнѣ Организація Учащихся болѣе двухъ лѣтъ считала себя безпартійной, не примыкая ни къ одной изъ дѣйствующихъ въ Россіи революціонныхъ партій. Между тѣмъ, въ кружкахъ организаціи проходилась Эрфуртская программа, руководителя кружковъ твердо держались классовой точки зрѣнія и матеріалистическаго пониманія исторіи, которые проводились и на отдѣльныхъ рефератахъ; существовавшая формальная „безпартійность", не мѣшая развитію соціалдемократическихъ взглядовъ, тѣмъ не менѣе, тормозила работу, создавая наличіе конфликты съ нѣкоторыми отдѣльными лицами, не примыкавшими, по всевозможнымъ взглядамъ, къ соц.-дем.

Въ виду этого: Виленская Организація Учащихся большинствомъ восьми голосовъ противъ одного воздержавшагося вынесла резолюцію:

„Принимая во вниманіе 1) что Организація Учащихся въ городѣ Вильнѣ всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы и матеріалистическаго пониманія исторіи, 2) что соціалдемократія въ Россіи является единственной выразительницей интересовъ рабочаго класса, 3) что организація учащихся должна выработать въ своей средѣ солдатъ, пополняющихъ кадры пролетарской революціонной арміи, — Виленская Организація Учащихся входитъ въ составъ Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи, примыкая къ партійной Виленской группѣ.

Виленская Организація Учащихся.

Нами полученъ послѣдній номеръ (№ 7) органа Кавказскаго Союза Р. С.-Д. Р. П. „Борьба пролетаріата" на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ (каждое изданіе отдѣльно. Отпечатанъ онъ чисто и состоитъ изъ 22 страницъ большого формата со слѣдующимъ содержаніемъ: 1) „Памяти Ладо Кецховели" (съ портретомъ Кецховели); 2) „Кто побѣдитъ?" (перев. прокламаціи „И."); 3) „Терроръ въ социалъ-демократической программѣ"; 4) „По поводу закона 2 іюня 1904 г." (перев. статьи „Искры" № 70); 5) „Національный вопросъ съ точки зрѣнія социалъдемократіи" (полемическая) и 6) „О положеніи крестьянъ въ Закавказьи".

Изъ оригинальныхъ статей особенно выдается своею принципіальною выдержанностію статья по національному вопросу; статью о крестьянахъ, довольно длинную, смѣло можно было помѣстить въ легальной прессѣ, вычеркнувъ только нѣсколько строкъ. Въ общемъ, органъ производитъ впечатлѣніе альманаха, сборника статей, но никакъ не періодическаго изданія. Въ немъ нѣтъ ни внутренняго, ни внѣшняго обозрѣнія, нѣтъ ни одной статьи о текущихъ, злободневныхъ вопросахъ; нѣтъ ни корреспонденцій, ни извѣстій, — словомъ, нѣтъ всего того, что составляетъ душу всякаго періодическаго изданія. Пожелаемъ „Союзу", чтобы онъ пополнилъ этотъ пробѣлъ.

Письмо въ редакцію „Искры." Въ брошюрѣ „Борьба за съѣздъ", неизвѣстно почему носящей заголовокъ Р. С.-Д. Р. П., но, въ дѣйствительности, выпущенной частной издательской компаніей „В. Бончъ Бруевичъ и Н. Ленинъ" на стр. 46 приведена резолюція о самораспущеніи СПБ. Рабочей Организаціи, причемъ авторъ брошюры, г. Шаховъ, категорически утверждаетъ, что редакція „Искры" „выложила резолюцію Пет. Раб. Орг. своими словами, сгладивъ такимъ путемъ всѣ ея „шероховатости"... „Къ сожалѣнію, — скорбитъ г. Шаховъ, — мы нигдѣ не нашли полнаго текста резолюціи Пет. Раб. Орг. и, въ силу этого, принуждены ограничиться тѣми выдержками изъ нея, которыя были напечатаны въ № 162 Послѣднихъ Извѣстій Бунда."

Скорбь г. Шахова вполнѣ понятна, но его обвиненіе редакціи „Искры" въ фальсификаціи документовъ — безцеремонная и, къ сожалѣнію, сознательная ложь. Самые тщательные поиски г. Шахова не могли увѣнчаться успѣхомъ по той простой причинѣ, что напечатанная въ № 61 „Искры" резолюція о распущеніи Пет. Раб. Орг. есть подлинная, полная и буквальная резолюція. Выдержки же, помѣщенныя въ № 162 Послѣднихъ Извѣстій Бунда, какъ всякользъ упоминаетъ объ этомъ самъ г. Шаховъ (почему мы и обвиняемъ его въ сознательной лжи) на стр. 48 своей брошюры, представляютъ цитаты изъ одного „листка" Пет. Раб. Орг., который ни въ какомъ отношеніи къ „резолюціи" не находится. Этотъ „Листокъ" былъ выпущенъ въ концѣ октября 1903 г., „резолюція" же была принята въ мартѣ 1904 года. Г. Шаховъ, послѣ тщетныхъ поисковъ „полнаго" текста, самъ составилъ его изъ двухъ разнородныхъ документовъ. Пріемъ, несомнѣнно, очень простой и удобный, но только кто же виновенъ въ фальсификаціи: редакція „Искры" или г. Шаховъ и издавшая его произведеніе фирма „В. Б.-Бруевичъ и Н. Ленинъ"?

Съ тов привѣтомъ Бывшій членъ ком. СПБ. Раб. Организ.

С. Петербургъ. Ноябрь. 1904 г.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Одесса. 15 ноября провалилась большая соц.-дем. типографія на Слободкѣ Романовкѣ, существовавшая подъ видомъ угольнаго и дровянаго склада. Въ ней взяты Самуилъ Стесселъ съ женой и матерью и два русскихъ рабочихъ. Найдено до 9 пуд. литературы (№ 1 С.-Д.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ Цюрихской Сибирской кассы. *Отъ февраля до ноября 1904 г.*

ПРИХОДЪ. Остатокъ къ 6 февр. 1904 г. — 94 fr. 15 с. Собрано въ Цюрихѣ: ежемѣсячн. взносы 167 fr. 10 с., по подпис. лист. 122 fr. (экстренный сборъ для Якутянъ), собрано на Protestversam. 86 fr. 65 с. (для Якутянъ), получено съ бала 110 fr. 25 с., отъ F. i. H по листу 24 fr. 62 с., отъ F. i. H. членскіе взносы 25 fr., отъ М—а съ лотереи 30 fr., отъ М—а ежемѣс. сборъ 64 fr., отъ М—а 23 fr., изъ Кларана по листу 17 fr. 75 с., изъ Невви 22 fr., изъ Лъежа 100 fr., изъ В—тура по листу черезъ В. К. 13 fr. 80 с., изъ Давоса по листу 37 fr., изъ Давоса 53 fr., отъ итал. социалист. 9 fr., изъ Болгаріи по листу № 43 50 fr. (черезъ Нину), отъ Kupferkasse 64 fr., единовр. пожертв. 132 fr. 09 с., (21 fr. — 21 fr. — 20 fr. — 79 fr. 50 с. — 1 fr. 50 — 3 fr. 09 с. — 6 fr). Всего 1246 fr. 01 с. РАСХОДЪ. Въ разн. города Европ. и Аз. Россіи: черезъ З. К. Бунда 116 fr., черезъ Р. С.-Д. Р. П. 139 fr. 65 с. (для Якутянъ 86 fr. 65 с.), Послано Комит. Сиб. Кассы: заключ. въ К—ой тюрьмѣ 60 fr., изъ Вологду ссыльнымъ 180 fr. 64 с., въ В—скъ 25 fr., ссыльн. черезъ Ц. кассу Енис. губ. 100 fr., на побѣгъ изъ Сибири 26 fr., пострад. Якут. (черезъ Бернск. Сиб. кассу) 125 fr., въ Х—скую тюрьму 40 fr., въ М—въ для ссыльныхъ въ Сиб. 59 fr., въ Иркутскъ для заключен. 106 fr., ссыльн. С—ву 26 fr., въ Красноярскъ для ссыльн. Енис. губ. 100 fr., Почтов. расх. 17 fr. 67 с., въ кассѣ наличными 71 fr. 96 с. Всего 1246 fr. 01 с.

P. S. Въ іюлѣ № 42 К. получ. изъ Давоса 80 ff. Комитетъ.

Загр. Пред. Ц. К. пошу ено съ 15 окт. по 15 ноября: отъ ред. Ц. О. 3838 fr.; отъ Лиги 790 fr. и черезъ нея же — изъ Льежа 60 fr., изъ Давоса 12 fr. 50 сен., изъ Берна отъ слушателей одес. кур. 10 fr., отъ Nemo на „С.-Д." 50 fr., изъ Базеля по подп. л. № 6 на „С.-Д." 33 fr. 50 сен., изъ Берна на изд. Бельтова 200 fr., отъ Абрамова 4 fr., изъ Дреад. за литер. отъ „Эти" черезъ Л. на „С.-Д" 55 fr., изъ Рос. на „С.-Д." 300 fr., изъ Вюрцбургъ 20 fr., отъ гр. земц. за подп. 2 fr. 10 сен.; собрано на собр. кол. 2 fr. 50 с., отъ М. Д. изъ Цюриха на спец. цѣли 50 fr. и отъ М. 8. изъ Цюриха 10 fr. Всего — 4475 fr. 30 с.

Насъ просятъ напечатать о полученіи 80 кронъ изъ Вѣны отъ С. Л. за іюнь, іюль, августъ и сентябрь, а также отъ больного 4 кроны 20 г.

Насъ просятъ напечатать, что въ сентябрѣ нами получено въ пользу Якутянъ изъ Бальтимора черезъ Tuman'ег 11 кронъ и 50 цент., изъ нихъ отъ соціалистическаго клуба 5 дол., отъ Балт. группы бундистовъ 3 дол. и отъ М. Зиднера 50 цент.

Донское. Письмо № 8 получено. Калуга. Присылайте листки; постарайтесь связаться съ редакціей. Статья о „Рев. Укр. Партіи", корресп. изъ Воронежа и др. отложены за недостаткомъ мѣста.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.